

Даниэль Клугер
Убийственный маскарад
М.: Вагриус, 2001

Содержание:

- Даниэль Клугер. Убийственный маскарад (роман), стр. 5-198
- Даниэль Клугер. Непредсказанное убийство (повесть), стр. 199-396

Даниэль Клугер

Непредсказанное убийство

Полиция ворвалась в квартиру в восемь двадцать пять вечера. Собственно, «ворвалась» – так написали в газетах на следующий день. В действительности инспектор отдела особо опасных преступлений Тель-Авивского полицейского управления Ронен Алон и трое его сотрудников просто вошли, поскольку дверь была незаперта. До самого последнего момента Алон склонен был считать звонок, предшествовавший их появлению на улице Ганей-Кайц, мистификацией или дурацкой шуткой. С первого же взгляда стало ясно, что он ошибался.

Дверь открывалась прямо в квадратный салон, обставленный очень дорого и безвкусно. Алон остановился на пороге, а два молодых полицейских – Дани Шимшони и Шимон Левин – быстро прошли вглубь, к молодой женщине, стоявшей у окна, лицом к ним.

– Это вы звонили в полицию? – спросил Дани.

Похоже было, что она не очень отдает себе отчет в происходящем. Ронен даже подумал, что только после слов полицейского, она поняла, что уже не одна в квартире.

Впрочем, она и до этого была не одна. В кресле, стоявшем посередине и чуть справа, полулежал мужчина. Рядом с креслом находился невысокий столик на гнутых ножках. На столике был сервирован ужин на двоих.

В груди мужчины торчал нож. Нож всажен был глубоко, по самую рукоятку, но, как ни странно, крови натекло не слишком много, это Ронен отметил механически, обшаривая взглядом обстановку.

Дани повторил вопрос. Женщина вздрогнула, словно очнулась, непонимающе на него посмотрела. В глазах ее медленно проступил ужас.

Она что-то произнесла в ответ. Полицейские не поняли, переглянулись.

– Она что, иностранка? – спросил Ронен. И обращаясь к женщине по-английски, повторил: – Вы иностранка? Говорите на иврите?

На этот раз она поняла вопрос.

– Да, иностранка... Нет, иврита не знаю...

– Как вы здесь оказались?

– У меня была назначена встреча.

Инспектор кивнул на убитого:

– С ним?

Женщина непроизвольно тоже взглянула в сторону кресла и вдруг покачнулась. Дани подхватил ее во-время, иначе им пришлось бы иметь дело сразу с двумя бездыханными телами («Не дай Бог», – подумал инспектор).

– Похоже, ей плохо, – сообщил Дани. Он подвел женщину к дивану и осторожно усадил ее. – Шимон, воды!

Шимон принес из кухни стаканчик с водой. Женщина послушно выпила, испуганно обвела взглядом мужчин, склонившихся над нею.

– Кто вы? – спросила она. Ее английский был не слишком хорош, но так можно было выяснить хоть что-то.

– Полиция, – ответил Ронен. – Вы же вызывали полицию!

– Я... никого... не вызывала... – она говорила с трудом, и в глазах ее по-прежнему прятался страх. – Я... только что... вошла...

Инспектор подумал, что она права. Во всяком случае, он с трудом представлял себе, чтобы в таком состоянии женщина могла позвонить и более-менее связно объяснить причины звонка.

Кроме того, звонившая в полицию говорила на иврите.

Алон выпрямился.

– Шимон! – сказал он второму полицейскому, переминавшемуся с ноги на ногу рядом с экспертом Нохумом Бен-Шломо. – Позвони в управление, спроси: они точно идентифицировали

звонок? Действительно звонили с этого телефона? – и снова повернулся к женщине. – Значит, вы только что вошли?

– Перед вашим приходом.

– Вы говорите, у вас была назначена встреча.

Женщина кивнула.

– На восемь часов, – сказала она.

– И кто же это? – спросил Ронен, указав на человека с ножом в груди. Как раз в этот самый момент доктор взялся за нож и резко дернул ее. Лезвие ножа оказалось с зазубринами, и... Неприятное зрелище. Инспектор поморщился. Женщина вновь едва не потеряла сознания. Подождав, пока она выпьет воды и немного придет в себя, он повторил вопрос:

– Так кто же это?

– Шломо Меерович, – ответила она. – Мой бывший муж. Мы с ним... – она запнулась. – Я не помню, как это по-английски... Ну, не живем вместе уже давно. У него другая жена.

– Разведены? – подсказал инспектор.

– Да-да, разведены.

– И что же вас заставило встретиться с ним?

– Но... – женщина нервно сглотнула слюну. – Но я встречалась здесь вовсе не с ним.

– Не с ним? С кем же?

– Я не знаю... – растерянно прошептала она.

– Интересно... – протянул инспектор. – Неизвестно с кем, в квартире бывшего мужа.

– Но я не знала, что он живет здесь.

– Жил, – механически поправил инспектор. Он выпрямился, обратился к доктору Бен-Шломо:

– Нохум, можешь сказать что-нибудь определенное?

– Смерть наступила в результате глубокого проникающего ранения в грудную клетку. Удар перебил коронарную артерию. Но, поскольку нож остался в ране, наружу попало относительно немного крови, – откликнулся доктор. – Умер сразу, можно сказать – мгновенно.

– Когда? – спросил инспектор.

– Думаю с полчаса назад. Или около того. Вобщем, недавно.

– Сможешь сказать точнее?

– Конечно, после вскрытия.

– Хорошо, – Алон снова обратился к женщине. Прежде, чем задать очередной вопрос, он сказал недовольным голосом, обращаясь Дани: – Твоя помощь не нужна. Пойди лучше, помоги Шимону осмотреть квартиру.

Дани поставил на столик стакан с водой и исчез. Инспектор спросил:

– Во сколько вы пришли?

– В четверть девятого.

Инспектор посмотрел на часы.

– Сейчас восемь тридцать пять... Кто еще был здесь?

– Никого. Никого я тут не видела... – женщина, словно в полусне окинула медленным взглядом комнату. – Кроме него... – она всхлипнула было, но тут же успокоилась – внешне, по крайней мере. – Нет, – повторила она. – Думаю, когда я пришла, в квартире никого не было.

Инспектор выразительно посмотрел на накрытый столик: бутылка вина, фрукты, конфеты. Два бокала тонкого стекла. Бутылка была пуста наполовину, в бокалах красноватые лужицы. На одном след от губной помады.

– Ну-ну... – сказал он. – Ну-ну... Документы у вас есть?

Она раскрыла сумочку, которую все это время крепко держала в руках.

– Туристка... – пробормотал он, листая паспорт в красной обложке. – Из России. Лариса Головлева. Ясно, – он закрыл паспорт, положил его в карман.

– Ронен, в спальне еще один телефон! – крикнул Шимон.

– Да? Значит звонили, возможно, с него, – он сказал женщине: – Мне придется задержать вас. Я должен задать вам несколько вопросов. Но не здесь.

Головлева послушно поднялась.

– Я поеду в полицию? – спросила она.

Ронен Алон кивнул и добавил:

– Надеюсь, что ненадолго, – он сам в это не особенно верил.

Головлева чуть нахмурилась.

– Я могу привести себя в порядок? – она вынула из сумочки косметический набор.

– Пожалуйста. Только поторопитесь.

Ожидая женщину, инспектор прошелся по комнате, заглянул в спальню. Вернулся к столику. Вызванные Нохумом Бен-Шломо санитары уже унесли тело.

Лариса Головлева вернулась. Пребывание в ванной комнате не особенно ее изменило – по мнению инспектора. Разве что губы стали чуть ярче, но это лишь подчеркивало мертвенный цвет лица.

– Я готова, – сказала она ровным, чуть напряженным голосом.

– Дани, проводи госпожу Головлеву в машину, – велел Алон.

– Ронен, посмотри, – сказал вдруг Дани. Инспектор повернулся. Дани стоял у книжных полок и держал в руках какую-то фотографию.

– Что там? – спросил инспектор.

Дани кивнул на женщину:

– Она.

2

Натаниэль Розовски проснулся от заунывно-трагического крика торговца-араба под окнами:

– Ковры!.. Ковры!..

Он кричал с надрывными переливами, и в то же время монотонно, не меняя интонации, периодически переходя с иврита на русский.

Натаниэль поднялся, взглянул на часы и присвистнул. Восемь, проспал все на свете... Через мгновение он вспомнил, что с сегодняшнего дня в отпуске, и значит никуда не опоздал и никуда не торопится. И не будет торопиться, по крайней мере – в течение ближайших десяти дней.

Он надел джинсы, валявшиеся у кровати, пригладил взъерошенные со сна волосы, подошел к окну. Слава Богу, уже осень. Сразу после праздника Суккот в этом году зарядили дожди, и летняя жара быстро сдала свои позиции. Из окна тянуло свежим ветерком. Натаниэль с удовольствием подставил лицо ласковым прохладным струям воздуха.

Внизу, возле подъезда стоял рыжий торговец. Один ковер был переброшен через плечо, второй он держал в руке. Розовски узнал его. Торговца звали Салех, он жил в Газе, появляясь на улице Бен-Элизер с регулярностью зимних дождей, каждую среду в последние пять лет. Натаниэль прикинул, что либо ковры были из бумаги и хозяева их выбрасывали с той же периодичностью, либо коврами обивали стены и потолок, устилали подъезды и мостовые. Во всяком случае, Салех должен был обеспечить коврами если не весь Тель-Авив, то, во всяком случае, добрую его половину.

Он нащупал в кармане сигареты, вытащил одну, закурил. Пять лет назад, когда Розовски еще служил в полиции, он здорово нагнал страху на беднягу Салеха: тот как раз торговался с покупательницей, прямо у подъезда, когда на служебном автомобиле подкатил Натаниэль. Увидев бело-синий «форд-транзит» с красными номерами, Салех превратился в каменный столб. Сходство со старым столбом дополнял еще цвет лица, становившегося, по мере приближения Натаниэля, еще носившего в те времена голубую форменную рубашку, все более зеленым – точно покрываясь мхом.

На его счастье покупательницей оказалась мать Натанэля, Сарра Розовски, которая обратилась к сыну только с одним вопросом:

– Ты обедал? – и, услышав: «Да», утратила к нему всякий интерес.

Салех, с перепугу, забыл о необходимости торговаться – деле чести всякого торговца на Востоке – и уступив грозной покупательнице так, что, по-видимому, денег едва хватило на автобус домой, испарился.

– Что это с ним сегодня? – озадаченно спросила Сарра, поднимаясь в квартиру с пестрым толстым ковром в руках. – Такой ковер – за каких-нибудь пятьдесят шекелей!

– Испугался, – коротко объяснил Натаниэль. – Может, без пропуска приехал из Газы.

Сарра непонимающе посмотрела на сына. Тот еще не успел переодеться, и мать, наконец, поняла.

– Тебя испугался, а я-то...

Убедившись, что ничего плохого с ним здесь не сделают, Салех продолжал приходить, был неизменно почтителен с Саррой и почти подобострастен с Натаниэлем. С Саррой он разговаривал на идиш, который освоил, работая на стройке вместе с репатриантами из Румынии. Он ухитрялся проникать в Тель-Авив даже после очередного безумства террористов из ХАМАСа, когда власти вводили для палестинских территорий закрытый режим...

Поддавшись произвольному течению воспоминаний, Натаниэль не заметил, как из подъезда вышла его собственная мать и направилась к Салеху. Он тихо охнул: куда еще ковры?

Но было поздно. Темно-вишневый ковер с плеча торговца переключал в руки Сарры Розовски, а две сиреневых пятидесятишекелевых купюры, украшенных портретами гордости израильской литературы, Нобелевского лауреата Шмуэля-Йосефа Агнона, – в руки Салеха из Газы.

3

Во время ежегодных отпусков, ставших за последние четыре года короткими, почти символическими, мировоззрение Натаниэля Розовски с катастрофической скоростью приобретало ярко выраженную антиссионистскую окраску. Ему хотелось, чтобы в течение шести-семи дней, пока он будет предаваться безделью, число желающих репатриироваться в Израиль из России и стран СНГ упало бы до нуля, чтобы Сохнут на какое-то время оказался без средств, чтобы Министерство абсорбции объявило забастовку или, на худой конец, аэропорт «Бен-Гурион» закрылся бы на профилактический ремонт. Причем год от года это желание становилось все крепче и, как большинство заветных желаний, абсолютно нереальным. Поэтому, в дополнение к подобным мыслям, Натаниэлю оставалось лишь ругать самого себя за поспешное решение уйти из полиции в частный сыск или молить Бога о том, чтобы в течение недели у репатриантов не происходило ничего, связанного с его работой.

Увы, все происходило с точностью до «наоборот». Стоило ему принять решение о законном отпуске, как начиналась череда непредвиденных (на самом-то деле вполне предсказуемых и прогнозируемых) событий. Например, в России появлялся очередной либерал-демократ, обещавший закрыть границы и разобраться с евреями, ограбившими страну. Последние, естественно, предпочитали не дожидаться подобного развития событий, хотя и понимали всю маловероятность оного. Или в какой-нибудь из бывших союзных республик объявляли «русскоязычных» гражданами второго сорта (как известно, именно на второсортных граждан проще всего свалить собственную некомпетентность или кое-что похуже), и некоренные граждане с простыми русскими фамилиями Рабинович-Вайнштейн срочно осаждали израильские консульства. На крайний случай обязательно находился вконец гениальный экономист-экспериментатор, мечтавший в течение двух-трех недель благодетельствовать осатаневших от потрясения сограждан. В итоге деньги превращались в подобие спичечных этикеток, а еврейская часть благодетельствованных сограждан спешно собирала чемоданы. В общем, число авиарейсов компании «Эль-Аль» из Москвы, Киева, Ташкента и прочих подобных мест возрастало примерно вдвое, соответственно увеличивалось число вновь прибывших. И естественно, в полном соответствии со статистикой, возрастало количество обращений в его агентство. И ведь что удивительно: стоило отпуску кончиться, как почти сразу же иссякал поток репатриантов, жизнь входила в обычную колею. Во всяком случае, так казалось несчастному Натаниэлю. Последний раз его теория получила подтверждение за год до описываемых событий. В тот самый день, когда он без всякого шума ушел в отпуск, в Хайфский порт, с громадным шумом вошел паром под украинским флагом, зафрахтованный какими-то прекраснодушными христианскими

организациями, страстно желающими помочь евреям оказаться, в конце концов, на исторической родине. Паром торжественно доставил в Святую Землю 750 человек. Натаниэль, узнавший о радостном событии из вечерней сводки новостей, схватился за голову и помчался отключать телефонный аппарат. И естественно, не успел.

Никакого выхода из заколдованного круга, им же самим созданного, Натаниэль Розовски не видел. Потому что вот уже четыре года частное сыскное агентство «Натаниэль» оставалось практически единственным в Гуш-Дане детективным агентством, специализировавшимся исключительно на делах новых граждан, прибывших из постсоветского пространства. Оно (не пространство, агентство, разумеется) постепенно становилось некоей репатриантской легендой, сведения о нем и номер телефона передавались из рук в руки – на манер переходящего красного знамени в полузабытом советском прошлом.

Клиенты приходили в контору, клиенты находили Натаниэля дома, клиенты ухитрялись узнавать место его отдыха, словом – отпуск летел в тартарары. Натаниэль не мог без зубовного скрежета читать имя основоположника политического сионизма Теодора Герцля. Скрежетать приходилось часто – в каждом населенном пункте страны непременно была улица, названная этим гордым именем.

Угадывалась во внезапном колебании сезонной численности репатриантов некая мистика. Розовски давно прекратил попытки объяснить загадочную закономерность. Хотя иногда в конце сумасшедшего рабочего дня ему приходила в голову туманная мысль: что случилось бы с полумиллионом репатриантов, если бы четыре года назад, испытал своеобразный культурный шок и внезапную эйфорию от резкого возрастания численности русской общины, он тем бы и успокоился? Что случилось бы с ними, если бы он, инспектор Розовски, не стал увольняться из полиции ради открытия частного агентства, специализирующегося на «русских делах»?

Впрочем, все это оставалось вопросами сослагательного наклонения. Действительность же, увы, была такова: выйдя в отпуск, он с невольной тревогой прислушивался к звонкам – и в дверь, и по телефону, так что появлялся на работе после этого якобы отдыха окончательно издерганным и разбитым.

4

– Мама, – сказал Розовски, скрывая досаду за беспечной улыбкой, – а этот ковер мы постелим, наверное, в туалете, да?

Мать, только что гордо вошедшая с темно-вишневым свертком в картуру, непонимающе уставилась на него.

– Что?

– Я имею в виду – ковер ты купила для нас? – спросил Натаниэль. – Или у кого-то еще не хватает этого добра?

– Сто шекелей! – Сарра сверкнула очками. – Это же не деньги!

– Конечно, но я вовсе не о деньгах.

– Через неделю Роза выдает замуж дочку, – сообщила мать. – Плохой подарок?

– Замечательный. Ты совершенно права, – Розовски поцеловал мать в щеку. – Давай, я пока отнесу его в лоджию.

Едва он взял в руки ковер, оказавшийся неожиданно легким, как раздался телефонный звонок.

Сарра вопросительно посмотрела на сына.

– Я в отпуске, – мрачным тоном сообщил Натаниэль. – Меня нет. Я временно умер.

– Типун тебе на язык! – возмутилась Сарра, направляясь к тумбочке с телефоном. – Никогда не говори так. Даже в шутку, – она сняла трубку: – Алло, кто это?

Натаниэль, не дожидаясь конца разговора, быстренько ретировался в лоджию. Уложив ковер в самодельный стеной шкаф, он еще некоторое время помедлил, окидывая рассеанным взглядом окрестный пейзаж, изрядно надоевший за десять лет – ровно столько времени мать

жила в нынешней квартире. Выкурив еще одну сигарету и в очередной раз вяло посоветовав самому себе бросить курить, он не торопясь вернулся в комнату.

Мать стояла у тумбочки и отнюдь не собиралась прерывать оживленную беседу. Натаниэль подумал, что его беспокойство относительно нарушения отпускных планов оказалось лишним основанием. Но Сарра Розовки, заметив сына, вдруг сказала невидимому собеседнику:

– А вот и он, я сейчас дам ему трубку, – и, уступая место у телефона сыну, пояснила: – Это какой-то адвокат. То ли Грузенфельд, то ли Грузенберг.

Натаниэль тихо охнул.

– Я же просил, мама... – он принял из ее рук телефонную трубку и сказал обреченным голосом:

– Слушаю.

– Здравствуйте, Натан, это адвокат Цви Грузенберг. Вы меня помните?

– Да, конечно, – ответил Розовски без особого энтузиазма в голосе. Он прекрасно помнил молодого спортивного вида адвоката и симпатизировал ему. В свое время информация, полученная от Грузенберга, помогла завершить одно из самых сложных расследований. – Вы были адвокатом покойного Ари Розенфельда. Кстати, чем закончился тогда ваш иск к страховой компании?

– Пока ничем. Представьте, уже больше года все это тянется.

– Что вы говорите! – вежливо удивился Натаниэль. – Никогда бы не подумал... – он замолчал и свирепо глянул на мать. Та демонстративно повернулась к нему спиной и вышла в лоджию.

– Представьте себе, – сказал Грузенберг. – Конечно, получив результаты полицейского расследования, они перестали обвинять наследников в совершении преступления. Теперь они настаивают на том, чтобы дочь покойного согласилась на часть выплаты. Мотивируют тем, что текст завещания не конкретен. Конечно, они выплатят все, но пока что приходится раз в месяц являться в суд и повторять одно и то же.

– Да, представляю, каково вам сейчас, – посочувствовал Розовски. – Хотя, вы лучше меня знаете наше судопроизводство. сколько тянется процесс над Арье Дери? Четыре года?

– Пять. Вы правы, это для нас почти нормально. Собственно, я не жалуюсь. Если честно, то мне доставляет удовольствие появляться в суде, – сказал Грузенберг. – Знаете, недавно я, наконец-то, понял, что люблю свою работу.

– А я свою разлюбил, – вполголоса произнес Натаниэль. – И понял это гораздо раньше.

– Что, простите?

– Нет, это я так. Ворчу. У меня с утра, обычно, плохое настроение. Пока не позавтракаю, – объяснил Натаниэль. – Между прочим, я советовал своему приятелю-психологу исследовать связь настроения человека с временем суток, состоянием желудка и...

– И расположением звезд, – добавил в тон ему адвокат.

– При чем тут звезды?... Ну, неважно, это просто словесная реакция, – сказал Натаниэль.

Услышав в его голосе тщательно скрываемое раздражение, адвокат Грузенберг спросил с легким беспокойством:

– Простите, Натаниэль, но, может быть, я не вовремя? Я перезвоню, скажите только, когда.

– Нет-нет, Цвика, что вы, я слушаю вас, – любезно ответил Розовски. – Вообще-то я со вчерашнего дня в отпуске, но если вам нужна моя помощь, не стесняйтесь. Вы ведь не собираетесь просить, чтобы я взялся за какое-то расследование?

Грузенберг промышал что-то неопределенное, потом сказал:

– Откровенно говоря, именно для этого я вам и позвонил.

Не выпуская из рук трубку, Натаниэль нащупал табурет, пододвинул его ближе к тумбочке и сел.

– Так я и знал, – сказал он. – Я хотел отключить телефон. Хотя вряд ли это помогло бы, – он вздохнул с невыразимой тоской. – В подобных случаях мой телефон почему-то звонит даже будучи отключенным. Не знаю, что это. Мистика, наверное. А если бы я запер дверь, непременно кто-нибудь влез бы в окно. Несмотря на третий этаж.

– Я все понимаю, Натаниэль, – сказал Грузенберг. – Мне самому не всегда удается отдохнуть. Честно говоря, очень неловко настаивать. Просто я не представляю, кто еще мог бы помочь. Обратился к вам. Вы ведь специализируетесь на репатриантских проблемах.

– Вы, я смотрю, тоже ими увлеклись, – хмуро заметил Розовски.

– Что вы хотите? Статистика. Количество репатриантов растет, соответственно растет удельный вес их обращений к адвокатам, – сказал Грузенберг. – В том числе и ко мне.

– Ну-ну, – Розовски не был настроен вести теоретическую беседу о социоэтнической структуре современного израильского общества. – И что же за дело вы сейчас ведете? Имущественный спор, наследство? Хотите, чтобы мы проверили чьи-то банковские счета? – с робкой надеждой спросил он.

– Увы, все гораздо печальнее и запутаннее, – сообщил адвокат. – Речь идет об убийстве, причем я представляю интересы подозреваемой.

– О Боже, – вздохнул Натаниэль, – убийство, и в нем замешана женщина... Тот самый букет, который я мечтаю видеть по утрам на тумбочке у постели.

– Я еще раз приношу свои извинения, Натаниэль, – виновато сказал адвокат. – Но прошу вас, выслушайте хотя бы вкратце.

– Чего уж вкратце, – проворчал Розовски. – Вы же сами понимаете, что я не смогу вам отказать. Тем более, в таком деле. Договоримся так: вы заедете за мной минут через двадцать, и мы отправимся ко мне в контору. А уже там вы все расскажете.

– Спасибо, Натаниэль, вы меня, действительно, крайне обяжете.

– Я еще не сказал «да», – возразил Розовски. – Пока что я всего лишь согласился вас выслушать. Потом я скажу, берусь или не берусь за ваше дело.

– Конечно, конечно. Спасибо и за это. Говорите адрес.

– Бен-Элиэзер, 12, квартира 8.

– Буду через пятнадцать минут.

Розовски с бессильной ненавистью посмотрел на ни в чем, вобщем-то, неповинный телефонный аппарат.

– Он уверен, что я возьмусь за расследование, – произнес Натаниэль в пространство. – Самое интересное, что и я почти уверен в том же, – он тяжело вздохнул и поплелся в свою комнату переодеваться.

– Уходишь? – спросила мать, когда он вновь вышел в салон.

– Мама, – ласково сказал Розовски, – объясни, пожалуйста, зачем ты позвала меня к телефону?

– Я не знаю, – растерянно ответила Сарра. – Но он так прилично выглядел... то есть, говорил... Я как-то не подумала...

– Что значит профессионал, – проворчал Розовски. – В общем, спасибо, мамочка, отпуск мой уже закончился.

5

Когда Розовски и Грузенберг появились в конторе Натаниэля, там царили полный покой и умиротворение. Секретарь Офра щебетала по телефону, судя по количеству «нет» и игривому тону – с кем-то из своих многочисленных поклонников. Помощник Натаниэля Алекс Маркин, расположившийся в кабинете шефа на все время предполагавшегося отпуска, читал журнал. Внутренняя интеллигентность Маркина контрастировала с его малоинтеллигентной внешностью. Сейчас этот контраст сглаживался полуметровой стопкой других журналов, лежавших на столе.

– Вот, полюбуйте, Цвика, – сказал Розовски. – Полное отсутствие трудовой дисциплины. У вас тоже так бывает?

Грузенберг неопределенно пожал плечами. Видно было, что мысли его сейчас заняты совсем другим.

При виде начальника, Офра и Алекс начали лихорадочно имитировать трудовую активность. Компьютер защелкал с невероятной скоростью, запорхали листы бумаги. Телефон, словно тоже устыдившись нетрудовой деятельности, принялся звонить с периодичностью одна трель в три секунды.

– Стоп! – скомандовал Розовски. – Достаточно.
Первым смолк телефон, за ним – компьютер.
– Убедили, – сказал Натаниэль. – А теперь – Алекс, марш к себе, у меня серьезный разговор.
Офра, приготовь два кофе. Вы какой кофе пьете, Цви?
– Турецкий.
– Отлично. Два кофе по-турецки, – и, повернувшись к адвокату, сказал: – Прошу, Цвика, располагайтесь. И рассказывайте.
Адвокат собрался с мыслями.
– Вчера меня упросили взяться за защиту одной женщины, – сказал он. – Упросили ее родственники, с которыми я немного знаком. Женщина приехала из России два месяца тому назад. Ее зовут Лариса Головлева. Позавчера, 16 октября, в 20 часов она была задержана полицией. Причина – подозрение в убийстве бывшего мужа, Шломо Мееровича.
– Она репатриантка? – спросил Натаниэль.
– Нет, туристка. Вернее она приехала в Израиль по туристической визе, и уже здесь подала прошение о перемене статуса на репатриантский. Ответ из МИДа пока получить не успела. Осенние праздники и так далее... Но я продолжу, хорошо?
– Да, пожалуйста.
– Несколько слов об обстоятельствах задержания. В восемь часов вечера в дежурную часть полицейского управления позвонила женщина, не пожелавшая назваться, и сообщила, что по адресу... – адвокат Грузенберг раскрыл папку и зачитал: – Бульвар Ганей-Кайц 124 в квартире 25 только что совершено убийство, – он закрыл папку. – Убит хозяин квартиры, некто Шломо Меерович. Преступник – вернее, преступница – еще находится на месте преступления. Имя преступницы также названо не было. Полиция выехала немедленно. Информация оказалась соответствующей действительности. Картина, судя по рапорту полицейских, представляла собой следующее, – адвокат снова обратился к папке и собрался было зачитать очередную бумажку. Розовски прервал его.
– Своими словами, если можно, – попросил он. – Мы не в суде, пока что можно не бояться неточностей.
– Хорошо, если хотите... В салоне стоял накрытый на двоих стол – закуски, прохладительные напитки, бутылка вина, – сказал Грузенберг. – В кресле, рядом со столом – Меерович. Увы – без признаков жизни. И его гостя, Лариса Головлева, чуть не упавшая в обморок при виде ворвавшейся в дом полиции.
– Та-ак... – Натаниэль побарабанил пальцами по столу. – Ответьте на несколько вопросов, Цвика.
Адвокат с готовностью кивнул.
– Вопрос первый: каким образом был убит хозяин квартиры?
– Ударом охотничьего ножа в грудь. Нож большой, массивный, пятнадцать сантиметров лезвие.
– Кому он принадлежал?
– Полиция предполагает, что нож принадлежал хозяину квартиры, ответил Грузенберг. – Скорее всего, так оно и есть, поскольку на стене, над письменным столом, остались ножны – от этого ножа или, во всяком случае, от подобного. Похоже, он приобретен в одном из магазинчиков, таких ножей продается полно, на любой вкус. В основном их покупают туристы, любители восточной экзотики.
– Понятно... – Натаниэль взял чистый лист бумаги из стопки, лежащей на краю стола, черкнул на нем несколько слов. – Вопрос второй, – сказал он. – Ужин был нетронутым?
– В том-то и дело, что наоборот! – адвокат был явно огорчен этим обстоятельством. – Сами понимаете: факт, входящий в явное противоречие с показаниями задержанной... – он махнул рукой, словно досадуя на собственные слова. – Ну, об этом чуть позже. Бутылка вина была опустошена почти наполовину, остатки вина в обоих бокалах, да и закуски... Нет, скорее можно сказать, что ужин уже был завершен.
– И вы адвокат подозреваемой, – меланхоличным голосом заключил детектив.
– Именно так, – в тон ему ответил Грузенберг. – Как я уже сказал, родственники Головлевой обратились ко мне с просьбой принять на себя ее защиту. К сожалению, я согласился.

– К сожалению? – Розовски удивленно поднял брови и перестал барабанить по крышке стола. – Простите, Цвика, не понимаю.

– Видите ли, Натаниэль, у меня есть свои принципы, – нехотя ответил Грузенберг. – Попробую объяснить. А вы постарайтесь понять. Я должен иметь хоть минимальную уверенность в том, что мой подзащитный говорит мне правду. Я могу не обнаружить необходимых доказательств в деле, мои аргументы могут показаться суду недостаточными. Но для себя лично я хочу иметь полную убежденность. В данном случае у меня ее нет. Напротив, я уверен в обратном, в том, что моя подзащитная лжет – от первого до последнего слова. Лжет даже в мелочах.

– Это интересно, – заметил Розовски. – Если судить по вашим словам, вы беретесь за защиту исключительно невиновных. Просто попавших в беду. Роковое стечение обстоятельств, еще что-то подобное, – он сделал неопределенный жест рукой, усмехнулся. – Если бы все адвокаты вели себя подобным образом, вряд ли хоть один подсудимый дождался защиты. Согласитесь, Цви, под суд крайне редко попадают полностью невиновные люди... Я не имею в виду диктаторские режимы, террористические организации, поскольку тут слово «правосудие» неуместно, – добавил Натаниэль после паузы.

– Вы меня не поняли! – адвокат говорил с еле сдерживаемым возмущением. – Я имел в виду совершенно другое. Я имел в виду искренность моего клиента. Без этого я просто не в состоянии начинать защиту. Неужели вы не понимаете? А тут – я повторяю, она мне лжет. Я чувствую это, но не могу сломить эту глухую стену.

– Да, странно, странно... – пробормотал Натаниэль. – Вообще, по моему опыту, преступники стараются не использовать стопроцентную ложь, предпочитая дозированную полуправду. Я, конечно, не говорю о патологических случаях.

– Я не исключаю, что этот случай несколько патологичен, – хмуро заявил адвокат. – Почитайте, – он отколол от пачки лежавших в папке документов один и протянул его Натаниэлю. – Это запись одного из допросов. Поскольку он проводился в моем присутствии, документ представлен мне официально.

Взглянув на лист, Натаниэль покачал головой.

– Я еще не решил, буду ли заниматься этим делом, – сказал он. – Скорее всего – нет. Знаете, все-таки я впервые решил устроить себе отпуск – за последние четыре года. Настоящий отпуск. И нужны очень веские основания для того, чтобы я поменял планы.

– Понимаю, – сдержанно произнес адвокат. – Назовите сумму.

Розовски покачал головой.

– Вы не поняли. Сумма тут ни при чем. Основания – не размер гонорара, а что-нибудь иное.

– Что именно?

– Сам не знаю, – честно признался Розовски. – Я просто не хочу заниматься этим. Вот посмотрите сюда, – он показал на лист, в котором на протяжении всего разговора делал какие-то пометки. – Не буду вам объяснять всего – пока не буду – но обратите внимание: мы с вами говорили... – Натаниэль посмотрел на часы. – Мы говорили всего-навсего восемнадцать минут. Вы не сказали мне и десятой доли того, что знаете, а я поставил уже четыре вопросительных знака. Видите?

Грузенберг посмотрел на вопросительные знаки, жирно выведенные Натаниэлем и ничего не сказал.

– Тем более, если вы говорите, что она лжет во всем, – добавил Натаниэль.

– В том-то и дело, – сказал адвокат. – В этом парадокс. Очень странное ощущение, но мне кажется, что она невиновна. И при этом – абсолютно неискренна в показаниях. Как думаете, такое возможно?

– Не знаю, – сказал Натаниэль. – Может быть... – он нахмурился, крикнул: – Офра, где обещанный кофе?

– Еще вода не закипела, – отозвалась из-за закрытой двери Офра.

– Н-да... Знате, Цвика, вы помогли мне в том давешнем деле, и я чувствовал бы себя очень неуютно, если бы отправил вас ни с чем, – сказал Розовски. – То есть, я по-прежнему не собираюсь этим заниматься, но готов помочь вам советом или консультацией. Бесплатно. Если вы согласны – что ж, давайте ваши записи, я просмотрю. Если же ваше условие – взять на себя

расследование и только после этого – знакомство с документами, тогда оставляйте их при себе. Мы сейчас выпьем кофе и расстанемся.

Адвокат немного подумал.

– Хорошо, – сказал он. – Я согласен. Прочтите вот эту запись и выскажите о ней свое мнение. Или посоветуйте мне, как быть. Это, как я уже говорил, запись первого допроса – первого в моем присутствии.

6

Вошла Офра с подносом, на котором стояли две чашечки дымящегося кофе. Адвокату она улыбнулась, на шефа посмотрела с подозрением.

– Ты в отпуске или нет? – спросила она, ставя перед ним поднос.

– Или нет, – ответил Розовски. – Или да. Спасибо за кофе.

– Что говорить, если будут звонить?

– Если будут звонить – или да, – сказал Натаниэль, пробуя кофе. – Или нет – это для вас с Алексом.

Она молча вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Натаниэль сначала быстро пробежал глазами лист бумаги.

– Так... В присутствии... Ну, это понятно... – пробормотал он. – Ага, и переводчик тоже.

– В связи с тем, что госпожа Головлева заявила о плохом знании иврита, полиция представила ей переводчика, – пояснил адвокат. – Доктор Илана Ольшанецки из университета Бар-Илан.

– Ясно... Вы пейте кофе, Цвика, Офра замечательно его варит. Настоящий кофе по-турецки, – Натаниэль принялся читать вполголоса: – Что тут у нас?... Ага, – он зачем-то разгладил и без того гладкую страницу и углубился в чтение.

После необязательных вступительных фраз в документе шла подробная запись допроса. Розовски опустил вопросы анкетного характера – их можно будет прочитать позже.

...Следователь. Вы утверждаете, что пришли по приглашению хозяина квартиры, господина Мееровича.

Головлева. Да, но я не знала, что это именно он.

Следователь. Поясните.

Головлева. Он не представился.

Следователь. Вы хотите сказать, что не были с ним знакомы?

Головлева. Нет, я хочу сказать, что не знала, от кого именно получила приглашение. Оно было сделано по телефону.

Следователь. Вам позвонил по телефону мужчина. Пригласил вас провести вместе с ним вечер. При этом не назвал себя. И вы так легко согласились?

Головлева. Понимаю, это выглядит очень странно. Я могу показаться вам легкомысленной, но все было именно так. Утром позвонил мужчина. Оказалось, что ошибся номером. Извинился. Минут через двадцать-тридцать позвонил снова. Сказал, что ему очень понравился мой голос. Что мои интонации напомнили ему голос женщины, которую он любил когда-то. Мы разговорились.

Следователь. О чем?

Головлева. Ни о чем конкретно. Так, обычная болтовня малознакомых людей. Кончилось тем, что он назначил мне свидание на вечер.

Следователь. У себя дома?

Головлева. По адресу бульвар Ганей-Кайц 124, квартира 25. В семь-тридцать.

Следователь. И вы не узнали в говорившем своего мужа?

Головлева. Нет. Я и сейчас не уверена, что говорил именно он.

Следователь. То есть, вы утверждаете, что вас пригласил в гости незнакомый вам человек?

Головлева. Да.

Следователь. Несмотря на это, вы сразу согласились?

Головлева. Да.

Следователь. Почему?

– Действительно, – сказал Розовски, прерывая чтение, – что это вдруг она так легко согласилась встретиться вечером с незнакомым мужчиной, да еще в его квартире? В конце концов, это могло оказаться опасным.

– И оказалось, – заметил Грузенберг. – Правда, совершенно неожиданным образом.

– Верно... – Натаниэль задумчиво посмотрел на адвоката. – Послушайте, Цвика, может быть она просто охотница за мужчинами? Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Сейчас таких много, в том числе и среди туристок.

– Некоторые считают, что в особенности среди туристок.

– Именно так. Может быть, и здесь нечто подобное?

– Нет, – Грузенберг принялся внимательно разглядывать свои аккуратно подстриженные ногти. Подняв наконец взгляд на выжидательно молчащего Натаниэля, он сказал: – То что вы сейчас услышите, звучит вообще... – он поискал подходящее определение.

– Совершенной выдумкой? – подсказал Розовски.

Адвокат отрицательно качнул головой.

– Следователю она не объяснила причины, видимо, понимала, что все это будет выглядеть, по меньшей мере, странно, – сказал он. – Любой полицейский рассмеется ей в лицо. И предложит придумать что-нибудь более убедительное.

– А вам объяснила?

– Объяснила. Действительно странное объяснение. Головлева утверждает, что ее успокоил гороскоп.

– Гороскоп? – собиравшийся было закурить Розовски отложил незажженную сигарету и уставился на Грузенберга. Интонация адвоката не позволяла определить, серьезно он говорит или нет. – Какой гороскоп?

– На тот день, 16 октября, астрологический прогноз обещал ей романтическое приключение, могущее окончиться браком. Ей рекомендовано было ни в коем случае не отказываться от возможного приглашения в гости, – невозмутимо сообщил адвокат.

– Та-ак... – Розовски, все-таки, закурил. Это позволило ему не сразу обнаружить свою реакцию на услышанное. – Похоже, вы относитесь к этому серьезно.

– Да. И она тоже.

– Ну-ну, – Натаниэль действительно был ошарашен и больше не считал необходимым скрывать это. – Она что, суеверна?

– Это не суеверие, – Грузенберг говорил совершенно серьезно. – Это всеобщее поветрие. Массовое увлечение. Не знаю, как обстоят дела на русском языке, но во всех израильских газетах целые полосы забиты прогнозами, предсказаниями, советами и прочим. Выходит даже журнал «Астролог». Плюс такое же, если не большее количество подобной литературы на английском – из Штатов и Великобритании.

– Думаю, на русском та же картина, – сказал детектив.

– Я тоже так думаю. Что же до Головлевой, то, по-моему, она не более суеверна, чем мы с вами. И прекрасно понимает, что астрологическое объяснение никак не может удовлетворить следователя.

– Меня тоже, – сообщил Розовски. – Мне просто нечего будет делать. Есть прогноз – и вперед. Никакого следствия, никаких загадок. Приходит клиент, а ты ему сразу же: «Простите, кто вы по гороскопу? А жена кто? Ну тогда, естественно, вам должны были наставить рога. Чего же вы хотите? Так говорят звезды!» – он засмеялся. – Сиди и читай в газетах прогнозы. Ни тебе слежки, ни поиска улики. Роскошная жизнь, правда?

– Это было бы весело, если бы в деле не присутствовал труп, – холодно заметил адвокат. Его несколько покоробил тон сыщика.

– Вы правы, конечно же все совсем невесело, – согласился Натаниэль. – Неуместная шутка, простите. Считайте это просто реакцией растерянного человека. Может быть, вы расскажете мне немного подробнее об этом ее увлечении? В моей практике подобное объяснение из уст подозреваемого встречается впервые.

– В моей тоже. Что ж, слушайте, – адвокат вздохнул, видимо, заранее представляя реакцию собеседника на свой рассказ. – Лариса Головлева приехала в Израиль, как я уже говорил, два с половиной месяца назад. Родственники сняли ей квартиру в Яффо. В первый же день, по ее словам, она купила в киоске чуть ли не все выходящие на русском языке израильские газеты. Родственники чем-то были заняты в выходные дни, поэтому ей предстояло провести субботу дома. Чтобы не скучать, она и скупила газеты.

– Если бы родственники были заняты каждую субботу, ваша подзащитная разорилась бы, – сказал Розовски. – Вы знаете, сколько русских газет – ежедневных и еженедельных – выходит в Израиле?

– Честно говоря, никогда не интересовался, – ответил Грузенберг. – Но, думаю, пять-шесть. А что?

– Двадцать три, – сообщил Натаниэль. – Двадцать три газеты.

Грузенберг был потрясен цифрой. Не меньше, пожалуй, чем Натаниэль – верой обвиняемой в астрологию.

– Двадцать три?! Но зачем? – спросил он. – О чем могут писать двадцать три газеты в нашей маленькой стране? К тому же, на русском языке!

– Мало ли, – ответил Натаниэль. – Например, друг с другом ругаться. Или ругать правительство. Вы же сами понимаете, что этим можно заниматься бесконечно. Вообще-то, я их не читал. Почти. Ладно, Цвика, это к делу не относится. Рассказывайте дальше.

Адвокат собрался с мыслями.

– Да, – сказал он. – Итак, она купила... нет, конечно, не двадцать три. Я так понял – четыре или пять. И от скуки начала читать астрологические прогнозы. По ее словам, они оказались весьма точными. То есть, точно описали ее предполагаемое времяпровождение в ближайшие дни. Ее это несколько позабавило. В воскресенье она вновь купила газету – на этот раз одну, ежедневную. Прогноз вновь совпал. Более того, по ее словам именно этот прогноз помог ей избежать лишней траты времени. В нем говорилось что-то о том, что важное дело, связанное с документами и запланированное на сегодня, лучше перенести на среду.

– И что же это за дело? – спросил Натаниэль.

– Визит в консульский отдел, – ответил адвокат. – Оказывается, работники МИД три дня бастовали.

– Замечательно, – пробормотал Розовски. – Никогда бы не подумал. Оказывается, звезды вмешиваются даже в забастовки.

Грузенберг пожал плечами.

– Вы ведь просили пересказать ее слова, – сказал он. – Я пока не высказываю свое мнение об этом.

– Да, разумеется. Итак, астрологические прогнозы оказались удивительно точны. И что же?

– Постепенно она настолько уверовала в абсолютную истину астрологических прогнозов, что каждое утро начинала с прочтения их в газете. И планы свои соизмеряла с тем, что говорил астролог. Тот день, естественно, не стал исключением.

– Это касалось только одной газеты? – спросил Розовски. – Или все прогнозы во всех газетах совпадали?

– Этого я не спрашивал, – ответил адвокат. – Как вы сами понимаете, я не могу руководствоваться в своей работе подобными аргументами. Если я и выслушал все, то лишь по обязанности. Ни при каких обстоятельствах я не смогу строить линию защиты на подобных доводах. «Господа судьи, мою подзащитную подвела ее слепая вера в астрологию...» Хорошенькую речь я смогу произнести на заседании... Если конечно, дело дойдет до суда, – добавил он.

– Может и не дойти? – спросил Розовски.

– С вашей помощью... Вы считаете важным, в какой именно газете черпала она сведения?

Натаниэль молча пожал плечами и продолжил чтение протокола.

*...Следователь. С кем же, по-вашему, вы говорили по телефону?
Головлева. Не знаю. Видимо с тем, кто устроил мне эту ловушку.
Следователь. Вы подозреваете кого-нибудь?*

Головлева. Нет...

– Интересно, в чем она видит ловушку? – спросил Натаниэль. – Если кому и подстроили западню, так это ее бывшему мужу.

– Она считает, что ее кто-то сознательно выманил из дома таким образом, чтобы она оказалась на месте преступления к самому приходу полиции, – объяснил адвокат. – И ее сделали виновницей преступления, к которому она не имеет никакого отношения.

– Для этого этот некто должен был, во-первых, быть абсолютно уверенным в ее слепой вере в прогнозы, – заметил Розовски. – И так точно рассчитать скорость ее перемещения по городу, чтобы полиция оказалась в самый подходящий момент.

– Или в самый неподходящий, это уж как посмотреть.

– Верно. Кроме того, ей звонил мужчина. В полицию – женщина. Целый заговор, вы не находите?

– Такова ее версия.

– Да, версия... Что тут дальше? Простите, Цвика, вам не мешает то, что я читаю вслух? Вы ведь все это знаете.

– Ничего, мне полезно услышать еще раз. Когда читает кто-то, абстрагируешься от собственных впечатлений. Продолжайте, прошу вас.

Следователь. Вернемся к тому дню. Вы приняли приглашение. Дальше?

Головлева. Дождалась вечера и поехала.

Следователь. Вы не знали, что по указанному адресу проживает ваш бывший муж?

Головлева. Не знала. Мы с ним не поддерживали отношений с момента нашего развода. Около десяти лет.

Следователь. О его жизни все эти годы вы тоже ничего не знали?

Головлева. Нет.

Следователь. И не интересовались?

Головлева. Нет, все давным-давно в прошлом.

Следователь. Кто вам открыл дверь?

Головлева. Никто. По телефону он предложил, чтобы дверь была незаперта и я вошла сама, без всяких звонков. Он будет сидеть в кресле и ждать...»

– Романтические выкрутасы, – сказал Розовски, в очередной раз прерывая чтение. – Он сидит в кресле, делает вид, что никого не ждет, и тут входит она, прекрасная и воздушная, нежно обвивает его за шею и... Как вам все это, Грузенберг?

– Никак. Мне приходилось сталкиваться с поведением еще более странным.

– Да? Может быть, может быть...

Следователь. Опишите, что происходило в квартире, после того, как вы вошли.

Головлева. Я не сразу поняла, что случилось. Он сидел в кресле у накрытого столика, спиной к входу. Я решила, что он просто ждет меня, как и обещал по телефону. Когда я приблизилась и встала перед ним, то поняла, что он мертв. Нож торчал в его груди по самую рукоятку...

– В этом месте допрос пришлось прервать, – сообщил адвокат. – Ей стало плохо. Я настоял на том, чтобы в кабинет следователя пригласили врача. Допрос продолжили через сорок минут, по собственной просьбе задержанной.

– Что ж, это понятно. Как она объяснила то, что ужин, так сказать, уже съели? Ведь, если верить ее словам, полиция появилась через несколько минут после ее появления в квартире Мееровича.

– Никак не объяснила. Так же не смогла объяснить наличие в квартире покойного ее относительно недавней фотографии с дарственной надписью. Она сказала, что помнит, как подписывала фотографию, но не помнит, кому именно. Не покойному – это она утверждает категорически.

– А кто вызвал полицию? – спросил Натаниэль.

– А вот это загадка из загадок, – сказал адвокат. – Проверка показала, что звонок в полицию был сделан из квартиры номер 25 дома 124 по бульвару Ганей-Кайц.

– То есть, с телефона убитого? – Розовски удивленно поднял брови. – Любопытно...

– Причем в то время, когда там находилась моя подзащитная! – Грузенберг помолчал, потом объяснил, с некоторым сомнением: – В квартире Мееровича есть параллельный аппарат. Один в салоне, где находился труп и Головлева, другой – в спальне. Остается предположить, что в спальне скрывался некто, оказавшийся свидетелем преступления и вызвавший полицию. Если только этот некто сам не был убийцей.

– Тогда ему следовало не полицию вызывать, а от непрошенного свидетеля, то есть, вашей подопечной избавляться, – возразил Натаниэль. – По возможности, радикальным образом. Так же, как от хозяина.

– Вы полагаете, человеку, совершившему одно убийство, так уж легко убить еще одного? – адвокат нахмурился. – Поверьте, подобные вещи редко случаются. Если только преступник не профессионал и не психопат.

– Да, вы правы... Полиция нашла чьи-нибудь отпечатки пальцев на втором аппарате?

– Аппарат был тщательно протерт.

Натаниэль быстро вел пальцем по записи допроса.

– Где то... Ага, вот! – он остановился. – Тут, в конце, следователь спрашивает: «Видели ли вы кого-нибудь, выходящего из квартиры? Может быть, вам показалось, что в квартире есть еще кто-то?» – прочитал Розовски. – Но нет ее ответа.

– Покажите, – Грузенберг заглянул в записи. – Ах, да, сейчас я вспоминаю: она не ответила на этот вопрос. Во всяком случае, ответила невразумительно. Что-то вроде: «Тогда мне показалось... Но сейчас я не уверена...» Или наоборот. Я, все-таки, думаю, что там кто-то был. И что она знает, кто именно. Во всяком случае, догадывается.

– Вот как? – Натаниэль покачал головой. – Цвика, вы ведь общались через переводчика. Возможно, это ваша фантазия.

– Во-первых, я юрист, – возразил адвокат. – В подобных ситуациях фантазия мне попросту противопоказана. Во-вторых, не зная языка, не понимая слов, лучше улавливаешь оттенки интонаций. Поверьте, с этим предполагаемым свидетелем не все так просто.

– И куда, по-вашему, он делся потом? – спросил Натаниэль. – Испарился?

– Не знаю.

– Вы не знаете. Это понятно. А полиция? Полиция знает?

– Полиция сейчас занимается розыском этого пропавшего свидетеля. Кстати, я подозреваю, что именно определенные подозрения полиции в его отношении и не позволили предъявить обвинение задержанной.

– На дверной ручке тоже нет отпечатков?

Грузенберг покачал головой.

– Понятно. То есть, ни черта непонятно, – Розовски отложил протокол. – Как вы сказали? Ей до сих пор не предъявлено обвинение?

– Нет. Это значит, – адвокат посмотрел на часы, – что через девять часов ее обязаны будут освободить. Истечет сорок восемь часов с момента задержания.

– В чем же дело? – Розовски по-настоящему удивился. – Ее освободят, суда не будет, ваша помощь не понадобится. Следовательно, и моя тоже.

– Я уверен, что наутро ее вновь арестуют, – мрачно сказал адвокат. – Или через пару дней. Интуиция подсказывает мне, что полиция не отыщет этого третьего, присутствовавшего на ужине. И вновь вернется к попыткам обвинить мою подзащитную.

– Интуиция?

– Если хотите – опыт.

– Понятно, – Розовски вернул адвокату записку допроса.

– Что скажете? – выдержав небольшую паузу, спросил тот.

Розовски пожал плечами.

– Странное впечатление, – сказал он. – Очень странное. Не знаю, что и сказать.

– А что вы посоветуете мне?

– Вам? – Розовски немного подумал. – Объясните, пожалуйста, Цвика, какой вы видите роль частного детектива в этом деле?

Адвокат долго смотрел в пустую кофейную чашечку. «Так, – подумал Натаниэль. – Есть подозреваемая, слепо верящая в астрологические прогнозы, и адвокат, гадающий на кофейной гуще. Мне пора становиться гипнотизером. Этим, как его... Экстрасенсом».

Грузенберг поставил чашку на блюдце.

– Видите ли, Натаниэль, – сказал он хмуро, – я могу выиграть это дело только в одном случае.

– В каком же?

– Если будет найден настоящий преступник. Или преступники, не знаю. Понимаете?

Натаниэль внимательно посмотрел на него.

– Похоже, вы действительно верите в ее невиновность, – сказал он с удивлением. – Ну-ну.

– Я же вам уже говорил, – произнес с некоторой укоризной адвокат. – Я не верю ни единому ее слову. Так, как она рассказывает, – так просто не бывает. Не может быть.

– Но?

– Но в ее невиновность я верю. Не знаю почему, – он замолчал, выжидательно глядя на детектива. Натаниэль неторопливо подошел к окну, поднял жалюзи. С улицы потянуло свежей влагой.

– Дождь, – сказал Розовски. – Вы любите дождь, Цвика? Я люблю. Когда-то любил снег... Скажите, ваша подзащитная обращалась в российское консульство? Или это предстоит сделать вам?

– Госпожа Головлева не обращалась в консульство. И не поручала этого мне.

Натаниэль отвернулся от окна и удивленно взглянул на адвоката.

– Не обращалась? – переспросил он. – И не поручала вам? Но вы, я надеюсь, собираетесь это сделать?

– Думаю, она этого не захочет.

– Почему?

– Непростая ситуация, – Грузенберг покачал головой. – Очень непростая ситуация. Видите ли, как я уже говорил, за две недели до этого печального происшествия моя подзащитная подала прошение о представлении ей израильского гражданства. Она приехала по туристической визе навестить родственников. Уже здесь обратилась в консульский отдел нашего МИДа с просьбой о перемене статуса на репатриантский. По Закону о возвращении она имеет на это право – как дочь еврея.

– Да, я уже понял, но почему она не хочет обращаться в консульство?

– Потому что она не сочла нужным поставить русское консульство в известность о своем решении.

– Да, дела... – протянул Розовски. – Выходит, она теперь никто? В смысле, ничья?

– Вот именно. Российское подданство она уже потеряла, поскольку, фактически, нарушила закон, попросив о подданстве другого государства. А израильского еще не получила.

– Может, и не получит, – заметил Натаниэль.

– Надеюсь, что получит, – адвокат нахмурился. – Очень надеюсь. Хотя бы после того, как мы с вами докажем ее невиновность.

Розовски вернулся к столу, ничего не сказав на это. Перелистал зачем-то лежащие на краю бумаги, отбросил их в сторону.

– Хорошо, – наконец, сказал Розовски. – Вот мой совет. Офра! – крикнул он. И, когда девушка вошла в кабинет, распорядился: – Подготовь для господина Грузенберга бланк соглашения.

– Значит, вы принимаете мое предложение? – спросил адвокат.

– Я не слышал вашего предложения, – Натаниэль усмехнулся. – Но поскольку вы обратились ко мне за советом, вы, как я думаю, собираетесь ему последовать. А мой совет – обратитесь за помощью к частному детективу. Вы уже обратились. И я согласился вам помочь. Только, упаси Бог, вы вовсе не поручали мне расследовать убийство, понимаете? Строго говоря, частный детектив не может заниматься подобными вещами.

– Что же я вам поручаю? – недоуменно поинтересовался Грузенберг.

– Как это что? – в свою очередь, удивился Натаниэль. – Вам же необходимо разыскать женщину, звонившую в полицию в тот вечер, верно? Вы сами об этом говорили!

– Да, конечно! Конечно, я поручаю вам разыскать эту женщину.

– Прекрасно. За это я берусь. Пока Офра подготовит документ, мы можем обсудить размеры оплаты. Но я так и не понял, кто становится моим клиентом: вы, Головлева или ее родственники?

– Я.

Розовски покачал головой в некотором сомнении.

– Скажите, Цвика, ваша подзащитная знает о том, что вы собираетесь обратиться за помощью к частному детективу? – спросил он. – Вы поставили ее в известность?

– Конечно, это противоречит правилам, – ответил адвокат, – но нет, не поставил. Я заручился согласием тех самых людей, которые пригласили меня защищать эту женщину.

– А если она, по каким-либо причинам, не захочет иметь дело с частным сыском?

– Не вижу этих причин. Думаю, она сама понимает, что полиция куда больше заинтересована предъявить обвинение ей, чем разворачивать новое следствие на столь шатких основах, как эти, – он кивнул на протокол допроса. – Родственники ее колебались недолго.

– Кто они, кстати? – спросил Розовски. – Вы говорите: родственники. Кто именно?

– Двоюродная сестра Головлевой и ее муж, Мирьям и Ицхак Шейгер. Я поставил их в известность о том, что собираюсь обратиться к вам за помощью, – сказал Грузенберг. – Они о вас слышали. Я сказал, что постараюсь убедить вас заняться нашим делом. Собственно говоря, я и самой Головлевой сообщил бы об этом, но не хотел зря обнадеживать.

Стоявший у окна спиной к адвокату Натаниэль удивленно на него посмотрел.

– Что значит – зря обнадеживать? – спросил он.

– Видите ли, Натан, я ведь знал, что вы в отпуске, – адвокат засмеялся. – У меня не было никакой гарантии, что вы пожертвуете отдыхом.

Розовски улыбнулся.

– Вы называли хитрецом меня, – сказал он. – Но вы сами хитрец, Цвика. Я-то думал, что вы случайно позвонили мне домой.

– Каюсь. Но у меня не было другого выхода.

– Ну ладно, – Розовски отошел от окна, но сел не за стол, а во второе кресло для посетителей, напротив адвоката, по другую сторону журнального столика. – Перейдем к делу.

Адвокат мгновенно посерьезнел, подобрался. Взгляд его стал цепким и сосредоточенным.

– Во-первых, вы ничего не рассказали о результатах обыска. Разве полиция не проводила обыск в квартире Мееровича?

– Разумеется, проводила.

– У вас, случайно, нет полицейского протокола?

– К сожалению.

– Действительно, к сожалению... Насколько я понимаю, обыск не дал никаких результатов.

– Абсолютно.

– Отпечатки пальцев?

– О телефонном аппарате и дверной рукоятке я уже говорил. На всем остальном – только убитого. И в нескольких местах – в том числе, увы, и на рукоятке ножа – подозреваемой.

– Как она объяснила это?

– Ну, это как раз просто: увидев кошмарную картину, первое что сделала – попыталась вытащить нож. Чисто импульсивно. В итоге – чуть вообще не потеряла сознание.

– И под ее отпечатками нет других?

– Преступник, видимо, действовал в перчатках.

– Или же не существовал... – тихонько заметил Розовски.

Адвокат сделал вид, что не слышит.

– А в ее квартире? Которую она снимает?

– Снимают для нее родственники, – поправил адвокат.

– Да-да, конечно. Что там дал обыск?

– Не могу сказать. Полицейские не предъявили никаких улик.

Думаю, они обыскивали и ту квартиру – с тем же эффектом. – А как со мной? Могу я осмотреть ее квартиру? – спросил Натаниэль после небольшой паузы. – В вашем присутствии, разумеется.

– У меня есть ключи.

– Когда мы можем это сделать?

– Хоть сейчас.

– А что говорит экспертиза по поводу времени убийства?

– Это второй момент, благодаря которому мне удалось добиться ее освобождения, – сказал адвокат. – Экспертиза указывает на время несколько более раннее, чем восемь часов. Как вы помните, по словам Головлевой, она появилась в квартире Мееровича именно в восемь. Эксперты считают, что смерть хозяина квартиры наступила примерно за полчаса до этого. Или даже за сорок минут. Но поскольку Головлева не имеет алиби на этот час – плюс остатки ужина – полиция не очень доверяет ее показаниям относительно времени приезда.

– Ясно... Только что вы сказали, что ее освободят сегодня в... во сколько?

– В восемь вечера.

– Тогда второе, – сказал Розовски. – Прошу вашего разрешения на немедленную после освобождения беседу с этой дамой.

– Возражений нет.

– У вас нет, – уточнил Натаниэль. – А у вашей подзащитной?

– Думаю, тоже не будет.

– Надеюсь. И третье: переговорить с родственниками.

– До Головлевой или после? – уточнил Грузенберг, тщательно записывавший все это в миниатюрный блокнот.

Розовски немного подумал.

– До, – ответил он. – Сразу же после осмотра квартиры. А сейчас, если вы не возражаете, мне нужно дать указания моим помощникам.

Адвокат поднялся.

– Я подожду вас в машине, – сказал он.

Едва за Грузенбергом закрылась дверь, как в кабинет неторопливо вплыла Офра с очередной порцией кофе. Следом за ней вошел Алекс Маркин. Вид у обоих был виноватый.

– Что? – грозно спросил Натаниэль. – Оказывается, мне ни на день нельзя оставить службу? Агентство мгновенно превращается в ночной клуб, работающий днем? А ты, Офра, зря подлизываешься, кофе я больше пить не буду.

– Я не подлизываюсь, – оскорбленно ответила Офра. – А кофе я принесла вовсе не тебе. Алекс сегодня еще не пил. Поскольку ты всегда вызываешь его после ухода клиента, я позаботилась. Тебе бы это и в голову не пришло.

– Вот и замечательно, – сказал Розовски. – А теперь можешь идти и забрать кофе с собой. Я действительно должен поговорить с Алексом, но кофе он сегодня не заработал.

Офра негодуяще фыркнула и конечно же не подчинилась. Так что Алекс, несмотря на грозный вид шефа, уютно устроился в кресле для посетителей с чашкой в руке.

– Ладно, – Розовски махнул рукой. – В таком случае, носи и мне. Цвика подождет.

Офра удалилась.

– Цвика? – переспросил Маркин. – Этот парень? Он что, новый клиент?

– Цвика Грузенберг, адвокат, – сказал Натаниэль. – И, между прочим, ты мог бы запомнить эту фамилию.

– Уже запомнил.

– Нет, запомнить раньше. Она уже звучала в нашем агентстве.

– Я и запомнил раньше, – сказал Алекс несколько обиженным тоном. И после паузы, добавил: – Только вот не помню, в связи с чем.

– Замечательно, – Розовски усмехнулся. – Вот это память. Ладно, я напому: дело Ари Розенфельда. Помнишь?

– А как же! – Алекс встрепенулся. – Убийство в Кесарии. Еще бы!.. Так что, этот парень тоже был замешан? – недоверчиво спросил он.

– Боже мой, иметь в помощниках такого склеротика... – огорченно сказал Розовски. – Цвика Грузенберг был адвокатом покойного. И попортил, кстати говоря, немало нервов господам из страховой компании «Байт ле-Ам», чему я откровенно рад.

– Я тоже. Так что же этот адвокат?

Розовски задумчиво посмотрел на развалившегося помощника. Под взглядом шефа Алекс немного собрался. Во всяком случае, так можно было определить его неопределенное движение.

– Что ты на меня уставился, Натан? – спросил он недовольно. – Собираешься прочесть еще одну нотацію? Ну ладно тебе, все равно работы никакой не было, а...

– Ты кто по гороскопу? – спросил Розовски.

– А? – Алекс захопал глазами. – В каком смысле?

– Ну, под каким знаком Зодиака ты родился? Не знаешь? Я тоже. Из чего следует сделать вывод: ни ты, ни я не интересовались гороскопами.

– Точно, – подтвердил Алекс. – А также экстрасенсами, колдунами и прочими.

– Вот, а другие интересуются, – сообщил Натаниэль. – И в результате попадают в очень неприятное положение.

– Это ты об адвокате? – спросил Маркин.

Розовски помотал головой.

– О его клиентке, – он прошелся по кабинету. – Теперь она и наша клиентка. И по этому поводу у тебя будет очень много беготни в ближайшие несколько дней.

Маркин с готовностью кивнул.

– Первое поручение, – сказал Розовски. – Купи мне все сегодняшние русские газеты.

– А потом?

– Не волнуйся, – пообещал Розовски. – Без работы не останешься.

7

Квартира, которую родственники сняли для Головлевой, находилась довольно далеко от центра – в Яффо на улице Тель-а-Мелех. Поднявшись на второй этаж старого – примерно, двадцатилетней постройки – четырехэтажного дома, они долго по очереди возились с замком. У Натаниэля даже возникло подозрение, что им дали не те ключи. Он спросил адвоката.

– Те, те, – проворчал Грузенберг. – Вот бирка с адресом, видите? Просто замок старый. Давно следовало заменить.

Пока они пытались проникнуть в квартиру, мимо дважды прошествовала дама преклонного возраста в темном длинном платье и соломенной шляпке. Сначала дама поднялась вверх по лестнице, потом вниз. Оба раза ее очки негодующе сверкали в сторону непрошенных посетителей. И оба раза блеск очков был успешно нейтрализован обаятельной (по его собственному мнению) улыбкой Натаниэля. В третий раз обаяние не сработало. Бдительная дама остановилась перед незванными гостями и строго спросила:

– Что вы здесь делаете?

Натаниэль обожал таких старух. В первую очередь потому, что от них можно было узнать куда больше, чем от платных осведомителей. Будь Натаниэль министром полиции или, как называлась эта должность с недавних пор, министром внутренней безопасности, он создал бы специальное отделение, работавшее исключительно с бабушками по всей стране. Розовски был абсолютно уверен в том, что раскрываемость преступлений в этом случае возросла бы минимум втрое, равно как и профилактика, а уж сроки расследований соответствовали бы продолжительности беседы с одной старушкой.

Поскольку Розовски был не министром, а всего лишь, частным сыщиком, он улыбнулся – в третий уже раз – и сказал:

– Ужасная погода, верно? Вообще, в Тель-Авиве климат оставляет желать лучшего. Если не жара, так обязательно кошмарная сырость.

На разговор о погоде дама не купилась. Глядя на обоих мужчин уже с откровенным подозрением, она спросила:

– Кто вы такие? Отвечайте немедленно, не то я вызову полицию!

– Спокойно, мадам, спокойно! – Розовски поспешно протянул ей свою лицензию. – Вы ее уже практически вызвали. Частный детектив Натаниэль Розовски, – представился он. – Это – адвокат Грузенберг.

Цвика на минуту оторвался от очередной попытки повернуть ключ в скважине и вежливо кивнул женщине.

– Я спрашиваю, что вы здесь делаете? – повторила та, чуть-чуть смягчившись. Видимо, она относилась к той весьма многочисленной категории еврейских мамаш, которые всю желали видеть своих отпрысков только адвокатами или врачами. В свое время Натаниэль попытался представить себе страну сбывшихся материнских желаний. То бишь, Израиль, населенный исключительно врачами и юристами. Выходило нечто вроде рынка Кармель, только вместо бесконечных прилавков стояли бы сомкнувшиеся плотной стеной письменные столы с коллегами Цвики Грузенберга. Напротив них, за подобными же столами располагались Цвики Грузенберги в белых халатах, наперебой предлагая своим визави горы таблеток, инвалидных колясок и прочего. Гроздьями наподобие бананов висели бело-розовые зубные протезы. Словом, картинка представилась ему тогда очень оригинальная, он даже хотел спросить у любителя фантастики Алекса Маркина, не написал ли кто-нибудь в его любимом журнале «Миры» нечто подобное. Так сказать, в качестве предупреждения.

Между тем, грозная дама требовала объяснений.

– Мы пытаемся проникнуть в квартиру, мадам, – честно сообщил Розовски. – По очень важному делу.

– Ее нет уже два дня, – сообщила соседка, имея в виду Головлеву. – Я думаю, следует известить полицию.

– Полиция уже извещена. Как вас зовут? – спросил Натаниэль.

– Меня зовут Шошана, – ответила она. – И я не позволю вам ломиться в квартиру в отсутствие хозяев.

– Кстати, – Натаниэль легонько взял Шошану за локоть и отвел в сторону. – Как вам кажется, не было ли в поведении вашей соседки чего-нибудь странного?

Шошана нахмурилась.

– Что может быть странного в поведении нормального человека? – спросила она. – Во всяком случае, дверь она отпирала быстрее.

Розовски развел руками.

– Отсутствие навыков, знаете ли.

Грузенберг облегченно вздохнул, выпрямился.

– Порядок, – сказал он, толкнув дверь. – Обязательно передам Мирьям, пусть заставят хозяина поменять замок.

– Сейчас он вас послушает, – фыркнула Шошана.

– Прошу вас, Натаниэль, – Грузенберг сделал приглашающий жест.

– Стойте! – Шошана оттолкнула детектива и встала в двери, преграждая им путь. – Минутку. Я уже сказала: только с полицией или хозяевами.

– Шошана, – серьезно сказал Натаниэль. – Ваша вера в полицию заслуживает всяческого одобрения. И я, как бывший офицер полиции, непременно сообщу коллегам об этом. Думаю, они оценят. Но, с другой стороны, у вашей соседки неприятности. Мы обязаны осмотреть квартиру. Если вы настаиваете, мы сделаем это в вашем присутствии. Мне кажется, под вашим присмотром мы будем вести себя еще добропорядочнее, чем под надзором полиции. Прошу! Заодно я задам вам пару вопросов.

– С какой стати я должна отвечать на ваши вопросы? – воинственно спросила Шошана. – И я не собираюсь торчать в чужой квартире, пока вы там будете что-то искать. Кстати, – спросила она грозно, – у вас есть разрешение на обыск?

– Какой обыск? – Натаниэль сделал невинное лицо. – Кто говорит об обыске?

– Минутку, – вмешался адвокат. – Госпожа Шошана, вы знакомы с Мирьям Шейгер, родственницей вашей соседки?

– Прекрасно знакома, ну и что?

– Позвоните ей. Это она попросила нас найти здесь кое-какие вещи. Понимаете? Не поручила, а попросила. И сама дала нам ключи.

Шошана немного подумала.

– Ладно, – сказала она. – Я сейчас позвоню. Стойте здесь! – она вошла в квартиру и быстро закрыла за собой дверь.

Грузенберг выразительно посмотрел на Розовски. Натаниэль развел руками.

– Ничего не поделаешь, Цвика, – сказал он. – Нам, частным детективам, иной раз приходится куда хуже. Все нормально, не нервничайте.

– Во-первых, я вовсе не нервничаю. Во-вторых, я не частный детектив. А в-третьих: о чем вы хотите спросить у этой сверхбдительной особы?

– Так, задам несколько обычных вопросов. Взгляд со стороны, знаете ли, – неопределенно ответил детектив.

Дверь открылась. По лицу Шошаны нельзя было сказать со всей определенностью, что она удовлетворилась телефонной проверкой. Но, во всяком случае, теперь женщина милостиво позволила им войти.

– Вы тоже проходите, – пригласил Розовски, проходя в крохотный салон и окидывая его критическим взглядом. В салоне едва поместились старый диван и журнальный столик с одним креслом. В углу стоял маленький одностворчатый шкаф с покосившейся плохо закрывающейся дверцей.

Шошана поджала губы, но приняла приглашение и села в углу дивана. Следом вошел и Грузенберг. Он не стал садиться, остался стоять, всем своим видом показывая, что они спешат. Натаниэль сделал вид, что не понимает. Он лениво подошел к окну, выглянул на улицу. Дождь уже прекратился, внизу блестел мокрый асфальт. Он подошел к шкафу, открыл его.

– Вы сказали, что это не обыск, – напомнила Шошана.

– Я и не обыскиваю ничего, – рассеянно ответил Розовски, присев на корточки. Внизу шкафа стоял небольшой чемоданчик, рядом – раскрытая сумка. Он, не трогая сумку руками, попытался заглянуть внутрь. Женская косметика, несколько документов в прозрачной пластиковой папке.

– Что там? – спросил адвокат.

– Ничего особенного, копии документов, – ответил Натаниэль. – Подлинники, видимо, в консульском отделе МИДа, – он выпрямился. – Сколько здесь комнат? Вы не знаете, Шошана?

– Две, – сухо ответила та. – Две и кухня. Все квартиры в этом подъезде одинаковы. Правда, не все настолько запущены, – она указала на осыпающуюся с потолка известку и на стену, покрытую пятнами плесени.

– Да, – согласился Розовски. – Состояние оставляет желать лучшего.

– Это упрек соседке? – спросил адвокат.

– Нет конечно, она въехала сюда полтора месяца назад, по-моему. Или около того. Хозяева такие. За последние десять лет они не ремонтировали квартиру вообще. А сдают постоянно. И цену заламывают ого-го! – Шошана осуждающе покачала головой. – Я понимаю, что люди хотят заработать. Но пятьсот долларов в месяц – могли бы и раскошиться немного.

Розовски присвистнул. Он знал, что цены на жилье растут, но подробности его мало интересовали.

– Пятьсот долларов? – спросил он. – То есть, полторы тысячи шекелей? Вот за этот сарай?

Шошана кивнула.

– Конечно, – ответила она. – Это же считается меблированная квартира, – в слово «меблированная» она вложил весь свой сарказм.

– Да, верно... – Розовски прошелся по комнате, обманчиво-скучающим взглядом еще раз окинул скудную обстановку. На столике лежали несколько старых газет на русском языке. Он неторопливо перелистал их. Одну газету – вернее, оторванную газетную страницу – просмотрел внимательнее, с обеих сторон. Помедлил немного, потом сложил вчетверо и сунул в карман, пробормотав при этом:

– Вы не будете возражать, Шошана? Это всего лишь страница, вырванная из старой газеты.

Соседка пожалала плечами:

– Мне все равно, – сказала она. – Но я сообщу Мирьям.

– Не волнуйтесь, мы сами сообщим. А что во второй комнате?

– Спальня.

Натаниэль заглянул в спальню.

– Я сейчас, – сказал он адвокату. – Еще несколько секунд, – он вошел во вторую комнатку. По сравнению с ней салон выглядел залом для торжеств. Кое-как протиснувшись между платяным шкафом и наспех застеленной кроватью, Розовски подошел к крохотной табуретке, видимо, служившей чем-то вроде туалетного столика. На столике лежала массажная щетка, тубики с

ночными кремами, еще какие-то женские ухищрения. Рядом с маленьким изящным зеркальцем стояла фотография в тонкой металлической рамке. Фотография изображала молодую женщину в вечернем туалете и с тщательно уложенной прической. Фоном служил праздничный стол и украшенная елка. Это был, пожалуй, первый предмет в квартире Головлевой, заинтересовавший Натаниэля. Он вернулся в салон с фотографией.

– Цвика, – он протянул адвокату фотографию, – там, на Ганей-Кайц была такая же фотография? Адвокат внимательно рассматривал фотографию.

– Думаю, да, – сказал он. – Во всяком случае, очень похоже. Если и не та же самая, то делалась в тот же день.

– Вечер, – поправил Розовски.

– Да, вечер. Видите – стол, разукрашенная ель сзади.

– Новый год, – сказал Натаниэль.

– С чего вы взяли?

– Елка.

– Ах да... Нет, она говорила, что фотография была сделана в ее день рождения.

– Да? – Натаниэль коротко засмеялся. – Вот невезение. Я ей сочувствую.

– Почему?

– Плохо рождаться в дни праздников. Нет ощущения собственной уникальности.

– А что, это ощущение так необходимо? – спросил адвокат.

– Конечно, – серьезно ответил Натаниэль. – Каждый человек должен ощущать себя уникальным. Иначе очень тяжело жить, – он еще раз посмотрел на фотографию. – Красивая женщина. Верно?

– В жизни даже лучше, – сообщил адвокат. – несмотря на то, что я видел ее в обстановке... – он запнулся, коротко посмотрел на молчавшую Шошану.

Розовски положил фотографию на столик.

– Шошана, я хочу вам задать деликатный вопрос, – сказал он. – Вы позволите?

– Задавайте.

– Ваша соседка... Она производила впечатление легкомысленной женщины?

– Вовсе нет. А что вы имеете в виду?

– Ну, – Розовски сделал рукой неопределенный жест, – посещали ее мужчины или нет, случилось ли ей не ночевать дома?

– Я что, следила за ней, что ли? – возмущенно спросила Шошана. – За кого вы меня принимаете? – она поднялась с дивана. – Вы уже закончили свой осмотр?

– Успокойтесь, я просто хотел сказать: вы, безусловно, наблюдательный человек и умный, – поспешно заговорил Розовски. – И вы, конечно, в состоянии сделать правильный вывод о человеке, живущем рядом с вами, разве нет?

Выражение лица пожилой дамы смягчилось.

– Ну, допустим, – сказала она.

– Вот! – обрадованно произнес Натаниэль. – Вот и скажите нам, какой показалась вам ваша новая соседка?

Шошана задумалась. Натаниэль и Цвика выжидательно смотрели на нее.

– Замкнутой, – неожиданно заявила Шошана. – Никаких мужчин не водила, и вообще – целые дни просиживала дома. Я даже удивлялась: приехать в Израиль и никуда не ходить, ничего не посещать.

– Вот как? А родственники?

– Иногда приезжали, конечно. Собственно, не родственники, а родственница.

– Мирьям?

– Мирьям. Но не так часто. И ненадолго. Вообще, – сказала Шошана, – мне кажется, у нее что-то случилось.

– У кого? У Ларисы или у Мирьям? – спросил Натаниэль.

– У Ларисы, конечно, – ответила Шошана. – Такое впечатление, что у нее случилась какая-то неприятность. Незадолго до приезда... А может быть, она просто ожидала неприятности, – вдруг добавила она. – Знаете, как бывает? Предчувствие. Некоторые люди предвидят неприятности, которые могут с ними произойти. С ними или их близкими.

– Близкими? А что, у Мирьям какие-то неприятности?

– У Мирьям? – Шошана медленно покачала головой. – Не знаю, – сказала она с сомнением в голосе. – Может быть, мне так показалось, но... – она замолчала.

– Что вам показалось? – требовательно спросил адвокат. – Говорите, что именно?

Розовски предостерегающе глянул на него. Но Шошана, похоже, не обратила внимание на недопустимый тон.

– Мне кажется, – сказала она, – что у них случилась размолвка. Недавно. С неделю назад... Вот что, – Шошана словно спохватилась. – Раз уж вам разрешили осмотреть квартиру, так и быть, оставайтесь. Но мне некогда, – не дожидаясь реакции собеседников, она быстро скрылась за дверью.

– Да-а, – сказал после паузы Розовски. – Надо же – из всех бдительных пенсионерок нам досталась наименее разговорчивая... Собственно, смотреть больше нечего. Кухню и ванную, разве что...

– Вам удалось что-нибудь выяснить, Натаниэль? – нетерпеливо спросил адвокат. Взглянув на часы, он добавил: – Пора бы заехать к родственникам. Если вы все еще намерены встретиться с ними до встречи с госпожой Головлевой.

– Намерен, конечно намерен... – Натаниэль снова взял в руки фотографию. – Как вы думаете, родственники не будут возражать, если я возьму это на денек?

– Конечно, не будут. А для чего вы хотели осмотреть эту квартиру?

– Сам не знаю, – нехотя ответил Розовски. – Так, составить общее представление о том, в каких условиях живет ваша подопечная. Знаете, обстановка, в которой человек живет, помогает составить впечатление о нем самом.

– Составили?

– Я же говорю – в общих чертах... – Розовски прошелся по комнате – насколько это позволяли размеры комнаты и мебели. Остановившись у шкафа, он, все-таки, извлек из сумки папку с документами.

– Все-таки, вы что-то перепутали, Цвика, – сказал он. – Вот тут, в метрике, написано: день, месяц и год рождения 6 октября 1961 года. А вы говорите... – он кивнул на фотографию. – Там не день рождения, а Новый год.

– Может быть, – легко согласился Грузенберг. – Мы ведь беседовали через переводчика... А это что? – спросил он. – Что вы там рассматриваете?

– Договор, – ответил Натаниэль. – Договор об аренде квартиры. Странно... – он рассеянно взглянул на адвоката.

– Что странно?

– Что? Нет, ничего, это я так... – он положил договор в папку, а папку вернул на место.

– Думаю, нам здесь больше делать нечего, – Он еще раз окинул взглядом крохотную квартирку. – Пока, во всяком случае. Можем отправляться дальше.

8

Конечно, куда больше смысла было бы в обыске на месте преступления, то есть, в квартире Мееровича на Ганей-Кайц. Но попасть туда без разрешения Розовски не мог, а обращаться в полицию с просьбами в самом начале расследования Натаниэль не собирался.

По дороге в Рамат-Авив, где жили родственники Головлевой, Розовски заинтересовался:

– Кто занимается расследованием этого дела в полиции?

– Старший инспектор Алон и инспектор Шимшони. Вы с ними знакомы?

– Еще бы! – Натаниэль хмыкнул. – Закадычные друзья. И Ронен, и Дани... Боже мой, – вздохнул он, – я каждый день убеждаюсь в том, какая маленькая страна Израиль. Не проходит и месяца, чтобы я не наступил на мозоль кому-нибудь из бывших сослуживцев.

– Что вы хотите? – философски заметил адвокат. – Мир вообще маленький. Стоит мне приехать в Штаты, как в течение первых же часов на американской земле я носом к носу сталкиваюсь с двумя-тремя бывшими однокашниками.

– Это не весь мир маленький, – возразил Натаниэль. – Это наш еврейский мир маленький.

Они проезжали мимо железнодорожной станции, когда Розовски спросил:

– Вам не кажется, что для любящих родственников Шейгеры сняли госпоже Головлевой квартиру на достаточно большом удалении?

– Вы так думаете? – удивленно спросил Грузенберг. – Не знаю, мне это не приходило в голову. Вообще-то да, далеко. Но ничего подозрительного в этом я не вижу.

– Я и не говорю, что это подозрительно. Я просто отмечаю этот факт, – сказал Натаниэль.

– Даже любящие родители снимают своим детям жилье подальше от себя, – сказал Грузенберг.

– В основном, по инициативе детей.

– Неважно. Расстояние лишь укрепляет родственные связи.

– Да, возможно.

– И потом: молодая красивая женщина, одинокая...

– Кузина беспокоится о крепости семейного очага?

– Почему бы и нет? Это еще не причина для того, чтобы подозревать ее в преступных намерениях.

– Кого? – Натаниэль усмехнулся. – В деле две женщины.

– Три, – поправил его адвокат.

– А кто третья? – Натаниэль удивился. – Вы мне не говорили.

– Жена Мееровича. Вернее, уже вдова.

– Да-да, – Розовски похлопал себя по карманам. – В вашей машине можно курить?

Адвокат молча выдвинул пепельницу.

– Спасибо, – Розовски закурил. – Так что вы говорили о вдове?

– Даля Меерович. Не уверен, что она уже знает о случившемся. Ее сейчас нет в Израиле. Она путешествует по Европе.

– Вот как? Это точно?

– Не знаю. Так сказали в полиции. Ей попробуют сообщить о смерти мужа. Если узнают, в какой именно из европейских стран она находится в данный момент.

– А если нет?

– Тогда сообщат по возвращении, через семь дней.

Розовски погасил сигарету в пепельнице и сказал с некоторым раздражением:

– Честное слово, Цвика, вы меня удивляете. Вы излагаете суть дела в очень странной последовательности. Почему бы вам вообще не сообщить мне хоть какие-то подробности из жизни убитого? Или вас интересует только ваша клиентка?

Грузенберг хмыкнул.

– Я мог бы ответить и так, – сказал он. – В конце концов, я представляю ее интересы...

– Действительно, – буркнул Розовски. – Интересы покойного в настоящее время представляет «Хевра кадиша».

– ...но, на самом деле, я просто несколько растерян, – продолжал адвокат. – Согласитесь, это очень странное дело.

– Да, мягко говоря, странное, – согласился Натаниэль. – Но, возможно, и очень простое. Ладно, сведения о покойном я постараюсь собрать самостоятельно. Вернемся к тому, о чем я говорил.

– А о чем вы говорили?

– О родственниках вашей подопечной. Скажите, Цвика, как вы поступите, если окажется, что в деле каким-то образом, замешаны обе родственницы? Или, что еще оригинальнее, Головлева, действительно, окажется ни при чем, а вот ее двоюродная сестра... – Розовски немного помолчал, потом добавил: – Это я так, в порядке поддержания светской беседы.

– Я так и понял, – заметил адвокат. – Думаю, предположение достаточно фантастично.

– О разумеется! Но ведь в деле, как бы-то не было, присутствуют двое: мужчина, звонивший по телефону, и женщина, вызвавшая полицию. Пока что мы имеем только одну пару, которая могла это сделать.

– А мотивы? – спросил адвокат.

Натаниэль пожал плечами.

– Понятия не имею. Я вообще знаю лишь то, что вы мне рассказали, – он извлек из кармана сложенную четверо газетную страницу. – Плюс вот это.

– Да, я видел, что вы нашли эту бумажку в квартире Головлевой. Что это?

– Газетная страница с гороскопами, – Розовски развернул страницу. – Видите, гороскоп на позавчера... Ах да, вы же не читаете по-русски. Ну, неважно. Гороскоп соответствует тому, что сообщила вам ваша подзащитная. Вот тут кто-то, видимо, она сама, отчертила прогноз: «Сегодняшний день принесет вам немало неожиданностей и сюрпризов...» Это точно, сюрпризов было более чем достаточно... «Возможны новые знакомства, визиты. Не отказывайтесь от приглашений: они могут кардинальным образом изменить вашу жизнь в лучшую сторону. Романтическая связь, завязавшаяся в этот день, будет прочной и долговременной...» Ну-ну... – Натаниэль нахмурился. – А вот еще кое-что, интересно, она говорила вам об этом?

– О чем?

– «Близкие люди могут нарушить ваши планы. Не советуйтесь с ними и не доверяйте их обещаниям...» А? Это как?

– Вы же не верите в астрологию, – сказал адвокат. – Или я ошибаюсь?

– Не верю, – Розовски сложил страничку и спрятал ее в карман. – Меня раздражает ощущение того, что наша жизнь спланирована заранее. Звездами, небесами – неважно. Я хочу сам решать, что мне делать сегодня, что – через год.

– А если не верите, – Грузенберг улыбнулся, – то почему обратили внимание на какое-то предостережение в гороскопе?

– Не знаю, – Розовски смотрел в окно. – Но в данном случае мы имеем дело не с астрологией вообще, а с причиной преступления – возможно, кажущейся – на которой настаивает обвиняемая. Она же – ваша клиентка. И я бы очень хотел знать: расценивает ли она это предостережение как намек на собственных родственников. И если да, то как она понимает этот намек. Так что? Она вам говорила что-нибудь об этих людях?

– Приехали, – сообщил адвокат вместо ответа. – Вот этот дом.

9

Сходство между жилищем четы Шейгер в Рамат-Авиве и квартиркой в Яффо, только что осмотренной Натаниэлем и адвокатом, было примерно таким же, как между тигром и домашней кошкой. Парадоксально, однако на роль дикого тигра претендовала конура Головлевой. Сравнение с домашней кошкой пришло Натаниэлю в голову, едва он переступил порог и вошел в просторный, дорого и со вкусом обставленный салон.

Ицхак и Мирьям были под стать дому. Предложив обоим посетителям сесть, они, тем не менее обращались исключительно к адвокату. Чувствовалось, что к Натаниэлю они относятся то ли как к мальчику на побегушках, то ли как к мальчику для битья. Ситуация не оскорбила детектива, скорее, позабавила. Откинувшись в широком мохнатом кресле, чуть в стороне от журнального столика на гнутых ножках, он предоставил Грузенбергу возможность беседовать с хозяевами, а сам с интересом разглядывал родственников Головлевой, пытаясь составить первое впечатление о них. Тем более, что беседа на первых порах касалась финансовых отношений адвоката и его подопечных и была Натаниэлю скучна и малопонятна. Свои проблемы с Грузенбергом он решил.

Ицхак Шейгер показался ему типичным сорокалетним представителем *middle-class*. С поправкой на средиземноморское происхождение. То есть, с одной стороны, дорогая и внешне скромная одежда (хозяин квартиры был одет в темно-серую пиджачную пару и светло-серую сорочку с галстуком строгой расцветки), холеные ногти и несколько церемонная манера разговора, с другой – природная смуглость, и мрачноватая глубина темных глаз. По словам адвоката, он работал исполнительным директором некрупной, но крепко стоящей на ногах компании по торговле недвижимостью.

Что же до Мирьям, то назвать ее типичной Натаниэль не решился бы ни в коем случае. В этой эффектной – и просто красивой – женщине чувствовалось нечто такое, чего Натаниэль, при всем своем легкомыслии побаивался в представительницах слабого пола. Это не определимое словесными формулами качество давало госпоже Шейгер ощущение спокойной силы и уверенности, а ее собеседникам – ощущение скрытой угрозы. Розовски заметил, что фактически разговор с Грузенбергом вела она. Хотя говорил муж, Мирьям вставила от силы две-три фразы.

Словом, Розовски рассматривал сцену, чувствуя себя достаточно беззаботным зрителем.

Неловкость испытывал Грузенберг, считавший, что хозяевам следовало больше внимания уделить приглашенному им детективу.

Наконец, он не выдержал:

– У господина Розовски есть несколько вопросов к вам, – сказал он. – Забыл вам сообщить: господин Розовски в прошлом много лет проработал в полиции и до сих пор считается одним из лучших специалистов своего дела.

Натаниэль вежливо улыбнулся в ответ на эти слова и вызванные ими холодные взгляды хозяев.

– У нас еще есть время, – сказал он. – Госпожу Головлеву освободят из-под стражи через три часа, а вопросов у меня совсем немного. Так что можете закончить свои дела, не обращая на меня никакого внимания.

Намек на игнорирование его присутствия поняла Мирьям. Ицхак только кивнул головой, как бы принимая его слова к сведению.

– Но мы уже закончили, – заметил Грузенберг. – Все остальное не является срочным. Так что – прошу вас, Натаниэль. Вы не возражаете? – он вопросительно посмотрел на хозяев. Ицхак пожал плечами.

– Спрашивайте, – коротко ответила Мирьям.

– Сколько лет вы живете в Израиле?

– Стандартный вопрос, – Мирьям позволила себе улыбнуться краешком губ. – Традиционный. Первые два года я слышала его постоянно: «Сколько времени ты в стране?»

– Так сколько же?

– Восемь лет. С восемьдесят восьмого года.

Натаниэль перевел вопросительный взгляд на Ицхака. Тот отрицательно качнул головой.

– Я вышла замуж шесть лет назад, – сказала Мирьям. – Мы познакомились с Ицхаком уже здесь.

– Вы не были замужем в Союзе?

– Нет.

– Скажите, Мирьям, вы поддерживали отношения с Ларисой Головлевой в течение всего времени вашей жизни здесь, в Израиле?

– И здесь, и в Союзе. Мы были очень близки с Ларисой... – она секунду поколебалась. Натаниэль не преминул это отметить. – Исключая разве что последний период перед отъездом, – закончила Мирьям.

– Часто переписывались?

– Последние два года – примерно раз в месяц. Довольно часто. До этого реже. Почти не переписывались.

– Она когда-нибудь спрашивала вас о своем бывшем муже? Где он живет, что делает?

– Нет.

– А когда приехала?

– Тоже нет.

– Но это странно! – сказал Розовски. – Кроме вас бывший муж – единственный человек в стране, которого она знает. Неужели ее не интересовала его нынешняя жизнь?

Ицхак счел необходимым вмешаться.

– Собственно, почему бы и нет? Они расстались, она вычеркнула его из своей жизни, – он оглянулся на жену. – Верно, Мирьям?

– Я вспомнила, – сказала она. – В одном из писем Лариса действительно спрашивала о Шломо. Я просто забыла. Все-таки, восемь лет.

– То есть, в одном из первых писем?

– Да.

– У вас сохранилось это письмо?

– Боюсь, что нет.

– За эти годы мы несколько раз меняли квартиру, – снова вмешался муж. – Естественно, мы не могли каждый раз возить за собой старые письма. Кое-что приходилось выбрасывать.

– Да, – сказала Мирьям. – Из-за переездов некоторые письма затерялись.

– Но, может быть, вы все-таки, помните? – Натаниэль обращался только к Мирьям. Это, как он видел, несколько раздражало ее мужа.

– Неужели это так важно? – спросил он. – Какое-то письмо восьмилетней давности.

– Ну конечно нет, – Розовски улыбнулся хозяйке. – Я просто хочу занять разговором вашу жену. Вполне естественное желание при виде красивой женщины, вы не находите?

Ицхак хмуро посмотрел на него, потом на Мирьям. Та отреагировала на комплимент детектива мимолетной улыбкой.

– Она просто поинтересовалась, не встречала ли я ее бывшего мужа, – Мирьям сделала легкое ударение на слове «бывшего». – Обычный, ни к чему не обязывающий вопрос.

– Не обязывающий к ответу? – уточнил Розовски.

– Именно.

Натаниэль сделал небольшую паузу. Ему очень хотелось курить, но поскольку хозяйка не поставили на столик пепельницу, можно было сделать вывод, что в доме не курят.

Словно прочитав его мысли, Мирьям поднялась и принесла из другой комнаты изящную керамическую пепельницу. Ицхак неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал. Розовски поблагодарил хозяйку и положил рядом с пепельницей сигареты и зажигалку. Закурив, он еще какое-то время молчал.

– Значит, на этот вопрос вы не ответили, – сказал он. – Но что-нибудь о его жизни здесь вы знали?

– Нет, откуда?

– Понятно... Скажите, а чем был вызван развод?

– Это был странный брак.

– В чем же?

– Короткий бурный роман, столь же стремительный брак. Потом – медленное остывание и естественный финал.

– У них были какие-нибудь взаимные претензии?

– Нет.

Адвокат посмотрел на часы и сказал:

– Нам пора, Натаниэль.

– Да, верно, – Розовски поднялся. – Мирьям, а фотографию, найденную в квартире Мееровича, вы видели?

– Да, мне ее показали в полиции, – ответила Мирьям.

– Судя по фотографии, вы не очень похожи, – Натаниэль улыбнулся.

– Мы же не родные сестры, а двоюродные, – заметила Мирьям. – Наши отцы были родными братьями. Но мы обе пошли в матерей.

– У вас были красивые матери, – сообщил Натаниэль. – По-разному, но, видимо, очень красивые.

– Второй комплимент за короткое время, – засмеялся Грузенберг. – Будьте осторожны, Мирьям, комплименты от сыщика – в этом есть что-то опасное.

– Ничего опасного, – Розовски тоже засмеялся. – Разве что для самого сыщика.

– Как раз если судить по фотографии, они очень похожи, – сказал вдруг Ицхак.

Натаниэль повернулся к нему.

– Вы вместе были в полиции? – спросил он.

– При чем тут полиция? Просто я видел эту фотографию.

– Где?

– У нас тоже есть такая, правда Мирьям? – но, увидев потемневшее лицо жены, Ицхак осекся.

Натаниэль внимательно посмотрел на супругов.

– Вы не могли бы показать эту фотографию? – спросил он.

– Да, конечно, – неохотно сказала она. – Не уверена, что точно такая же. Но, во всяком случае, сделанная тогда же, – она вышла и вскоре вернулась, держа в руках фотоальбом. – Вот здесь, – она перелистала толстые картонные листы. – Где-то здесь.

На развороте, который она протянула детективу, лежали три фотографии, снятые, действительно, в тот же день, что и виденная Натаниэлем в квартире Головлевой. Правда, кроме самой Ларисы фотографии изображали, по всей видимости, ее гостей.

– Ее московские друзья, – пояснила Мирьям. – Фотографировались в начале этого года.

– Новый год? – спросил Натаниэль.

– Нет, день рождения. У Ларисы день рождения восьмого января. Вы же знаете, елку в России принято убирать после тринадцатого.

– Старый Новый год, понятно...

– Что значит «старый новый год»? – недоуменно спросил Грузенберг.

– Новый год по старому стилю, – объяснил Натаниэль, возвращая альбом. – До семнадцатого года в России был другой календарь.

– То есть, в России отмечают новый год дважды? – недоверчиво спросил адвокат.

– Евреи – трижды, – ответил Натаниэль. – Еще и Рош-а-шана... Но это не совсем те фотографии, – он снова обратился к Мирьям. – Я так понял, что там была еще одна, четвертая. Верно?

– Кажется, да, – ответила Мирьям.

– Потеряли?

– Нет, – она нахмурилась. – Не помню. Может быть, ее забрала Лариса.

Ицхак молчал. Натаниэль повертел в руках пачку сигарет, с сожалением спрятал ее в карман.

– Пора, Натаниэль, – снова напомнил Грузенберг. – Мне нужно быть в полиции через сорок минут.

– Да, сейчас... Скажите, квартиру в Яффо сняли вы? – спросил он. – Или Лариса сама?

– Я, конечно.

– До ее приезда или после?

– До приезда, по ее просьбе.

– То есть, она с самого начала собиралась остаться в Израиле?

– Да, конечно.

– Почему же она сразу не приехала как репатриантка?

– Побаивалась, – Мирьям покачала головой. – Она вообще меняет свои решения по несколько раз на день. Человек настроения.

«О ее сестре этого не скажешь, – подумал Розовски. – Вот уж, поистине, человек, который всегда знает, чего хочет». Вслух сказал:

– А почему вы нашли квартиру так далеко? Это ведь неудобно – добираться до центра.

– А вы знаете цены на квартиры в центре? – воинственно спросил Ицхак. – Я вот раньше не знал, а сейчас, когда мы искали жилье для Ларисы узнал. Безумные цены. Просто невероятные.

– Да, действительно. Откуда у туристки большие деньги?

– При чем тут туристка? – возразил Ицхак. – Квартиру оплачиваем мы. Потом, когда Лариса получит статус репатрианта и все, что ей причитается, она начнет платить сама.

– Да-да, конечно... – пробормотал Розовски. – Вы были у Ларисы в тот день? – снова обратился он к Мирьям.

– Была.

– Вам ничего не показалось необычным?

Мирьям немного подумала.

– По-моему, она была в хорошем настроении, – сказала она. – Это меня обрадовало. Когда она только приехала, то выглядела несколько подавленной.

– Что-нибудь говорила вам о своих планах на вечер?

– Нет.

– Вы с ней не ссорились?

– Ссорились? – Мирьям удивленно улыбнулась. – Нам не из-за чего ссориться.

– Что ж, – сказал Натаниэль. – У меня пока все. Может быть, вопросы есть у вас?

Чета Шейгеров, словно по команде, пожала плечами. Уже стоя у двери, Натаниэль спросил:

– А вы знакомы с Далией Меерович? Второй женой Шломо?
– Нет, я уже сказала, что ни разу не виделась с ним, – ответила Мирьям. Сквозь холодную любезность Натаниэль расслышал нотки раздражения.

10

– Странная семейка, – сказал Натаниэль, когда они с адвокатом уже подъезжали к Управлению полиции.

– Вы так считаете? По-моему, обычная семья.

– Я не о супругах, – прояснил Розовски. – Я о сестрах. То есть, о кузинах.

– И что же в них странного?

– Цвика, помяните мое слово: есть тут какой-то «скелет в шкафу». Что-то в их прошлом. В их общем прошлом. О чем они не хотят вспоминать. Во всяком случае, Мирьям. О Ларисе я пока что ничего не могу сказать. Предполагаю, что и она тоже. Но могу ошибаться... – Натаниэль помолчал немного. – Мирьям... Сильная личность, вы не находите? По-моему, муж у нее под каблуком. И это положение ему нравится.

Грузенберг промолчал.

– А вот подозреваемая, – Розовски покачал головой. – Из слов госпожи Шейгер вырисовывается образ несколько импульсивной дамы, кидающейся из крайности в крайность, вы не находите? Скажем так: не очень привлекательная дама... – он подумал и пояснил: – Я не имею в виду внешность.

– Мне судить трудно, – сказал адвокат. – Для меня она – человек, попавший в беду и нуждающийся в помощи. В подобных случаях особенности характера отходят на второй план.

– Очень благородно звучит, – сказал Натаниэль. – Ну а в чем ваши клиенты видят мою роль?

– Я объяснил, что единственная возможность доказать невиновность их родственницы – найти свидетеля, – ответил Грузенберг. – Свидетельницу. Ту, которая позвонила в полицию.

– И они согласились с этим?

– Да, почему бы и нет?

– Хотя бы потому что свидетельница явно указала на Головлеву как на убийцу, – сказал Натаниэль. – Довольно странное желание для родственников обвиняемой – найти, возможно, единственного человека, показания которого могут упечь ее пожизненно. Если я не ошибаюсь, ее слова были: «Преступник еще в квартире», верно?

– Да, но ведь она не назвала имя преступника, – возразил адвокат.

Натаниэль в сомнении покачал головой.

– Шаткая надежда, – сказал он. – Очень шаткая, Цвика.

– А что, есть другие предложения?

– Пока нет...

– Есть скелет в шкафу или нет, но я уверен, что она невиновна в предумышленном убийстве, – заявил Грузенберг после паузы.

– Ага! – Розовски засмеялся. – Кое-какие сомнения в вас я, все-таки, посеял. Уже не вообще невиновна, а в предумышленном убийстве. Хорошо, какое еще убийство могло иметь место в той злополучной квартире?

– Возможно, убитый позволил себе вольность, – предположил адвокат не совсем уверенно. – Чрезмерное внимание, которое было истолковано ею как попытка изнасилования. А не сообщила она об этом на следствии по причинам психологического характера. Вам не приходило в голову подобное объяснение?

– Вряд ли, – лениво сказал Розовски.

– Почему?

– В вашем случае она бы воспользовалась первым попавшимся под руку предметом. Например, столовым ножом, лежавшим на сервировочном столике. Кстати, убить таким очень

трудно. Нанести рану, даже опасную – да, возможно. Но убить... – Натаниэль покачал головой. – Вряд ли, – снова сказал он.

– Нож, скорее всего, принадлежал хозяину квартиры.

– Это не играет роли. Чтобы стать тем, чем стал, то есть орудием непредумышленного убийства, он должен был оказаться у нее под рукой. Он что, лежал на сервировочном столике?

– Нет, – признался адвокат. – По утверждению полиции, он висел над письменным столом. В кабинете.

– А они сидели за журнальным столиком, в салоне. Значит, непредумышленное убийство отпадает. Это предумышленное убийство, Цви.

– Но пока что неизвестно, кто его совершил, – не сдавался адвокат. – Насколько я понимаю, полиция тоже так считает. Иначе бы они выдвинули обвинение против Головлевой. Поверьте, им бы этого очень хотелось. Так что в любом случае, свет может пролить только исчезнувшая дама. Либо она сама преступница...

– ... Либо видела преступника, – закончил Розовски. – Что ж, вы правы. Посмотрим.

Машина остановилась.

– Знаете, я подожду вас на лавочке, – предложил Натаниэль. – Бывшие коллеги очень своеобразно реагируют на мое появление.

– Это может затянуться, – предупредил Грузенберг.

– Ничего страшного. Свежий воздух, нежарко. У вас есть что-нибудь почитать? – Натаниэль оглянулся. На заднем сидении он заметил книгу в красной обложке. – О, по-моему, детектив. Можно?

– Ради Бога.

– «Убийство в первом чтении», – прочитал Розовски. – Хадива Гефен. Интересно?

– Театральная богема, – сказал адвокат. – Ничего, написано бойко. Вы любите детективы?

– Терпеть не могу. Но читаю регулярно. Так я возьму?

– Конечно.

Они вышли. Грузенберг отправился в полицейское управление, а Натаниэль с книжкой в руке пристроился на скамейке метрах в ста от входа.

Раскрыв ее наугад, Розовски с интересом прочитал, как главная героиня пришла в родной театр и обнаружила на сцене труп режиссера. Дальше шли описания ее злоключений. Натаниэль не столько читал, сколько пролистывал книгу. Как ему удалось понять, оставшиеся после описания убийства двести с лишним страниц посвящены были различным (главным образом, альковным) приключениям героини-рассказчицы.

«А кто же расследует убийство? – лениво подумал Розовски. – Хотя, чего гадать, скорее всего полиция».

Едва он успел подумать об этом, как над самым его ухом раздался знакомый голос:

– Привет, Натан, что ты здесь делаешь?

Розовски оторвал взгляд от книжки. Старший инспектор Алон, собственной персоной. Маленький, смуглый и как всегда чем-то недовольный.

– Привет, Ронен, – Розовски широко улыбнулся. – Я как раз тебя вспоминал.

– С чего бы это? – поинтересовался Алон, садясь с ним рядом.

– Ну, не тебя вообще, – признался Натаниэль, – а полицию. Вот... книжку листал. Новый детектив.

К книжке инспектор интереса не проявил.

– А что ты здесь делаешь?

– Я? Ну, вообще-то, дышу свежим воздухом. А что?

– В двух шагах от полиции? – подозрительно спросил старший инспектор.

– Разве? – Натаниэль удивленно огляделся по сторонам и воззрился на Управление, словно впервые его увидел. – Действительно. Что значит возраст. Начинаешь забывать собственную *alma mater*. Спасибо, что напомнил, Ронен.

– Пожалуйста. Значит, просто дышал воздухом и листал книжку?

– Ты мне не веришь? – спросил Натаниэль оскорбленно. – Я что, обманывал тебя когда-нибудь? И потом: что мне, собственно говоря, делать рядом с полицией?

– Вот именно, – повторил Ронен. – Что тебе, собственно говоря, делать рядом с полицией? А насчет обманывал или нет – уж лучше молчи, Розовски, пока я не вспомнил все твои проделки.

– Ничего я тут не делаю, – сказал Натаниэль. – Я в отпуске. Со вчерашнего дня. Гулял по городу, и ноги сами принесли меня к родному подъезду. Видимо, подсознательно меня сюда тянет.

– Да, как преступника на место преступления, – проворчал Алон. – У тебя сигареты есть?

Натаниэль протянул ему пачку «Соверена».

– Что новенького? – спросил он, поднося бывшему коллеге огонек зажигалки.

– Ничего новенького, – ответил Ронен. – Сегодня битых два часа доказывал невозможность освобождения подозреваемой. Ну, ты же знаешь наших законников: «Двое суток прошло, обвинение не представлено...» Адвокат еще попался из молодых, но тертый, – он огорченно махнул рукой.

– Что за история? – спросил Натаниэль равнодушным голосом. – Убийство?

– Дамочка всадила нож в бывшего супруга, – объяснил старший инспектор. – И сказала, что она ни при чем. Мол, так и было.

Розовски хмыкнул.

– Вон, кстати, она идет, – раздраженно сообщил Ронен, махнув рукой в сторону Управления. – Вместе с адвокатом. Ладно, – он бросил сигарету в урну. Не хочу я с ними встречаться. Пока, Натан. Заходи, поболтаем, – он быстрыми шагами направился к «форду» с красными номерами. К облегчению Натаниэля, «форд» рванул с места раньше, чем Грузенберг с Головлевой приблизились к его скамейке.

– На вас жалуются, Цвика, – сообщил он адвокату, после того, как тот представил Головлеву. – Инспектор Алон считает, что добившись освобождения госпожи Головлевой, вы помешали нормальному ходу следствия.

– Да?

– Чтобы не усиливать его чрезмерную подозрительность, предлагаю покинуть это идиллическое место, – предложил Розовски. – Не стоит давать ему пищу для очередного недовольства. Вообще он хороший парень, но ужасно не любит, когда я лезу, как он считает, в его дела. По-моему, он просто считает мой уход из полиции предательством по отношению к нему лично. Я вам не говорил, по-моему, Цвика, но в свое время он был моим учеником. Каковы ваши планы? – спросил он, глядя на Головлеву. Женщина пока что не произнесла ни слова. Она смотрела в сторону отрешенно-рассеянным взглядом. Лицо ее было спокойным. Или, скорее, равнодушным. «Да, она же не знает иврита, – вспомнил Розовски. – Наверное, это невежливо, но повторять все сказанное для нее...» – Так что? – снова обратился он к адвокату. – Куда вы собираетесь?

– Вы же хотели побеседовать с госпожой Головлевой, – напомнил ему Грузенберг.

– Ну не здесь же!

– Может быть, для начала отправимся к вам в офис? – предложил Цви. – Потом я отвезу ее к родственникам.

Натаниэль перевел его предложение Головлевой.

– Послушайте, – сказала вдруг она, – я ведь не просила нанимать частного сыщика. Меня никто не спрашивал. С какой стати я должна ехать куда-то и отвечать на какие-то вопросы? Пусть полиция занимается своими делами. А я займусь своими. Я хочу отдохнуть. И никого не хочу видеть. Скажите ему, чтобы он отвез меня домой.

– Что она говорит? – спросил Грузенберг.

– Так, ничего, – ответил Натаниэль. – Просто благодарит вас за внимание. И просит отвезти домой. Имеется в виду – Яффо. Собственно, я не возражаю. Можно задать несколько вопросов по дороге.

По дороге Натаниэль Розовски совершенно неожиданно вспомнил, что сегодня еще не завтракал и не обедал.

– Давайте заедем на несколько минут в кафе, – предложил он. – Тут, по дороге.

Грузенберг не возражал. Головлева, когда детектив обратился к ней, поморщилась, но промолчала.

– У меня гастрит, – сообщил Розовски извиняющимся тоном. – Я должен соблюдать режим питания. Это совсем недолго.

Она равнодушно пожала плечами.

– Вот и отлично... Остановитесь здесь, Цвика.

Они подъехали к кафе «Тоскана».

– Итальянское кафе, – сказал Натаниэль. – Вы составите мне компанию? Я буду чувствовать себя неловко, если вам придется ждать меня в машине.

– С удовольствием, – ответил адвокат. – Я, кстати, тоже не успел поесть. Только кофе – дома и у вас.

– А вы? – спросил Розовски. – Вас накормили в полиции?

– Накормили, – коротко ответила Головлева. – Я не голодна.

– Но кусочек пиццы с сыром и кофе?

Она согласилась без особого желания.

Девушка-официантка принесла заказ – три пиццы и апельсиновый сок. Розовски с удовольствием принялся за еду. Казалось, кроме горячей пиццы с сыром и зелеными маслинами, его ничто не интересует. Грузенберг не отставал от него. Что же до Головлевой, то она не притронулась к еде, сидела и смотрела в окно.

Поев, Натаниэль удовлетворенно вздохнул, отодвинул пластиковую тарелочку.

– Замечательная пицца, правда, Цви?

Грузенберг кивнул.

– Теперь мы выпьем кофе и отправимся дальше, – сказал Розовски тоном радушного хозяина. – О, вы ничего не ели! – разочарованно сказал он Головлевой. – Вам не понравилось?

– Просто нет аппетита.

– Да, я понимаю... А кофе? Какой вы предпочитаете? Эспрессо, капучино? Может быть, по-турецки?

– Кофе выпью, – сказала она. – Все равно какой.

– Тогда по-турецки...

Когда подали кофе, Натаниэль с наслаждением закурил, предварительно испросив позволения у своих соседей.

– Послушайте, – сказала вдруг Головлева, рассеянно помешивая в чашке ложечкой, – я прекрасно понимаю, что вы просто хотите меня разговорить. Для этого не нужно было ехать в кафе.

– Разговорить? Вовсе нет, – Натаниэль удивленно посмотрел на нее. – Я действительно очень хотел есть. Что же до разговора – поверьте, я вовсе не собираюсь навязывать вам свою помощь. В конце концов, это было бы, по меньшей мере, странно. Если вы предпочитаете полицейское расследование...

– Да, я предпочитаю полицейское расследование, – заявила она. – Я целиком доверяю полиции.

Натаниэль почувствовал себя неловко. Ему еще ни разу не доводилось сталкиваться с таким резким нежеланием пользоваться его услугами. Он посмотрел на адвоката.

– Ваша клиентка не особо довольна вашей инициативой, Цви, – сказал он. – Не зря я спрашивал, поставили ли вы ее в известность о своем решении.

– Что такое? – Грузенберг отставил в сторону чашку с недопитым кофе и удивленно посмотрел на Натаниэля, потом на свою подзащитную. – Недовольна? Почему?

– Считает, что вполне достаточно полицейского расследования. Я не уверен в том, что ее следует переубеждать, – сказал Натаниэль. – Приятно было провести день в вашей компании, – он поднялся.

– Погодите! – Грузенберг тоже поднялся. – Но это же нелепо! Объясните ей, что она поставит в дурацкое положение всех – меня, своих родственников, вас, в конце концов!

– Ну, мне не привыкать, – пробормотал Розовски.

– Что?

– Ничего, Цвика... – и, обращаясь к Головлевой, по-прежнему сидевшей на высоком стуле и смотревшей через стеклянную стену на улицу, сказал:

– Вам делает честь такая вера во всемогущество и беспристрастность полиции. И все-таки, как человек уже знакомый в общих чертах с вашим делом, я советую вам еще раз подумать.

– Мне не о чем думать, – отрезала Головлева.

– Полиция, безусловно, постарается раскрыть все обстоятельства дела, – продолжал Розовски, решив не реагировать на ее слова. – Если вы уверены в своей невинности – а вы, конечно же, в ней уверены, – я не вижу причин, которые вынуждают вас так упорно отказываться от моих услуг. Поймите, я вовсе не навязываюсь. Могу сказать вам по секрету, что со вчерашнего дня нахожусь в отпуске. Просто мы с вашим адвокатом – старые друзья. И чисто по-дружески хочу оказать ему услугу.

– Видимо, достаточно высоко оплачиваемую, – язвительно вставила Головлева.

– Даже если и так – вам-то что? – Натаниэль почувствовал себя уязвленным. – Ведь не вы нанимали адвоката, не вы платите ему. Сколько я могу судить, это делают ваши родственники. Или вы настолько щепетильны, что не хотите вводить их в лишние расходы? – он говорил нарочито резко, надеясь разозлить женщину. Ему это не удалось. Головлева на его замечания не реагировала. Вообще, ему показалось, что она не столько слушает его, сколько прислушивается к каким-то собственным мыслям.

Грузенберг смотрел то на детектива, то на подозреваемую, пытаясь понять смысл разговора.

– Ну что? – наконец, спросил он. – Что она решила?

– Видите ли, Цвика, – сказал Розовски, – ваша подопечная вовсе не в восторге от моего участия. Она не хочет вводить в лишние траты своих близких. Не в моих правилах навязываться. Так что я вас все-таки покину. Желаю успешного завершения дела.

– Да, – сказал Грузенберг, – похоже, мне следовало сначала поговорить с ней, а потом уж с вами. Но я даже... – он помолчал немного. – В конце концов, это я вас нанял. Скажите ей, что не она, а я – ваш клиент. Если же она продолжает настаивать на вашем неучастии – что ж, я вынужден тоже отказаться.

Розовски перевел. На Головлеву это не произвело впечатления. Внешне, во всяком случае, ее поведение осталось прежним.

– Поймите, – сказал Натаниэль. – Полиции гораздо выгоднее не найти таинственную свидетельницу – или преступницу – позвонившую в тот вечер. И уж конечно им не придет в голову искать мужчину, назначившего вам свидание.

– Почему вы так думаете? – спросила Головлева.

– Зачем им это? – Натаниэль подумал, что его резкость становится чрезмерной – по отношению к женщине, пробывшей двое суток под арестом в чужой стране. Тем не менее он продолжил: – У них есть вы. Вполне подходящая кандидатура для суда. Не считая некоторых шероховатостей, за которые, слава Богу, уцепился ваш адвокат, их версия абсолютно логична. Вы встретились со своим бывшим мужем, убили его – мотивы предполагаются в совместном прошлом. Арестованы на месте преступления. Все остальное... – он развел руками.

Заметив, что у его подопечной изменилось выражение лица после сказанного, Цвика потребовал перевести. Натаниэль перевел.

– Да, вы правы. Добавьте, что без вашего участия упомянутые вами шероховатости будут сглажены хорошим прокурором в течение пяти минут. И шансов у нее не останется вовсе.

Натаниэль перевел, на этот раз – на русский. Его уже начала раздражать роль. Головлева нахмурилась. Похоже, она что-то взвешивала в уме.

– Хорошо, – наконец, сказала она. – Я согласна. Но только оставьте меня в покое. Хотя бы на сегодня. Завтра я отвечу на ваши вопросы.

– Как вам будет угодно, – сказал Натаниэль. – Я, вообще-то говоря, хотел задать всего лишь три вопроса. Лучше будет, если вы ответите на них сейчас. И я обещаю вам в ближайшее время не докучать ни своим присутствием, ни своими вопросами – без крайней необходимости. А?

Головлева неохотно согласилась. Розовски и Грузенберг снова сели.

– Закажем еще кофе? – предложил Розовски.

– Задавайте вопросы, – сказала Головлева. – Я хочу поскорее добраться домой.

– Хорошо. Вопрос первый, – сказал Натаниэль. – Почему вы разошлись с Шломо Мееровичем?

– Просто разошлись, – ответила Головлева. – Не сошлись характерами.

– А вы не могли бы ответить подробнее?

– Не могла бы.

– Н-да... – Натаниэль заглянул в чашку с остатками кофе. Сделал глоток. Поморщился, когда почти сухой черный порошок оказался на зубах. – Ваша кузина считает, что у вас с бывшим мужем был бурный роман, – сказал он. – Бурный, но краткосрочный. Я так понял, что вы к нему охладели. Это правда?

– Мирьям лучше знает некоторые стороны моего супружества, чем я сама, – Головлева недовольно передернула плечами. – Может быть, она расскажет вам и все остальное?

– Может быть. Так что же, вы к нему охладели – а он? Тоже?

– Не знаю, возможно.

– И вас действительно не интересовала его дальнейшая жизнь? Здесь, в Израиле?

– Нисколько.

– Вопрос второй. Кому вы подарили фотографию, найденную полицией в квартире Мееровича?

– Не помню.

– Но она ведь подписана?

– Просто – «С пожеланиями всего доброго, на память.» И все.

Без имени.

– А если вспомнить по дате?

– Я никогда не ставлю даты на фотографиях. Впрочем, – она заколебалась, – у меня было несколько фотографий. Одну из них я подарила Мирьям. В числе прочих. Больше не помню.

– Понятно... И третий вопрос. Скажите, вы действительно так верите в гороскопы, что готовы слепо следовать астрологическим указаниям?

– Почему бы и нет? Одни доверяют интуиции, другие – информации, третьи – логике. Почему бы мне не доверять гороскопу? Тут, по-моему, нет принципиальной разницы.

– Да, действительно, – Натаниэль вытащил из кармана газетный листок, развернул его. – Посмотрите-ка, это тот самый?

Лариса Головлева мельком взглянула в очерченный карандашом текст.

– Вы что, рылись в моих вещах?

– Нет, просто осмотрели квартиру и документы. С разрешения ваших родственников.

– Да, тот самый, – сухо ответила она, отворачиваясь.

– Скажите, а как вы сами оцениваете вот эти слова, – Натаниэль зачитал: – «Близкие люди могут нарушить эти планы. Не советуйтесь с ними и не доверяйте их обещаниям»?

– Никак не оцениваю. Между прочим, вы задали не три вопроса. Мы можем ехать? – она взглянула на адвоката.

– Да? Странно, мне казалось, что я еще и одного не задал, – сказал Розовски. – Я слышал, вы несколько дней назад повздорили с Мирьям? Из-за чего?

– Плохое настроение, – коротко ответила Головлева.

– Понятно... Еще одно. На этот раз, не вопрос, а просьба. Просветите меня, пожалуйста, – Натаниэль широко улыбнулся. – Я в астрологии не очень разбираюсь. Вот здесь, – он протянул ей лист с прогнозом, – под названием созвездия – вот это ведь название созвездия – «Водолей» – правильно?

Головлева кивнула.

– Вот. Под названием созвездия – цифры. Что они означают?

– Даты рождения.

– Даты... Понятно – те, кто родился с двадцатого декабря по двадцатое января, считаются рожденными под знаком Водолея, так?

– Так.

– В том числе и вы?

– В том числе и я.

– Интересно... – Розовски озадаченно посмотрел на женщину. – Как вы знаете, я позволил себе просмотреть ваши документы. В метрическом свидетельстве указан другой день рождения. Кажется, 6 октября. Или я что-то путаю?

– Нет, вы ничего не путаете, – Головлева холодно улыбнулась. – Восьмое января – мой настоящий день рождения. В метрику была внесена ошибочная дата. Всю жизнь думала, что надо исправить, но так и не исправила.

– Понятно. И гороскопы вас интересовали в соответствии с настоящим днем рождения?

– Естественно, – нетерпеливо ответила Головлева. – Астрология не оперирует записями из советского ЗАГСа. У вас есть еще вопросы? Или мы можем, наконец-то, ехать домой?

– Вы по-прежнему верите в гороскопы? – спросил Натаниэль.

– Почему вы спрашиваете?

– Последний прогноз вас подвел, – пояснил Натаниэль. Головлева резко поднялась со своего места.

– Свой чрезмерный интерес к астрологии вы можете удовлетворить в другой раз, – сказала она.

– Да, действительно... Что ж, Цвика, давайте доставим вашу подопечную домой. По дороге в Яффо все трое молчали. Машина остановилась у знакомого подъезда.

– Приехали, – Натаниэль вышел и помог выйти своей соседке. – До свидания. Приятно было познакомиться.

– До свидания, – буркнула она и не оглядываясь пошла в дом.

– Вот так, Цвика, – Розовски вздохнул. – Не очень приятный прием, верно?

– Что делать, – сказал Грузенберг извиняющимся тоном. – Сами понимаете: шок, двухдневный арест.

– Конечно понимаю. Вы все еще настроены на то, чтобы я занимался этим делом?

– В гораздо большей степени, чем прежде, – Грузенберг улыбнулся. – Надеюсь, вы сами не передумали?

Розовски медленно покачал головой.

– Здесь появляется много любопытного, – задумчиво произнес он. – Я бы... – он замолчал. Выдержав небольшую паузу, адвокат спросил:

– Вас отвезти домой?

– Что?... Нет-нет, лучше в офис, спасибо.

Когда они отъезжали, Розовски заметил в окне третьего этажа голову бдительной Шошаны. Он подумал, что хотел задать этой женщине какой-то вопрос, но какой – так и не вспомнил.

12

– Тебя ждут, – вполголоса сообщила Офра, едва Натаниэль переступил порог приемной.

– Да? Почему шепотом? – спросил Натаниэль, тоже впрочем понижая голос. Секретарь многозначительно кивнула на прикрытую дверь кабинета. Увидев знакомую фигуру, одиноко сидящую в кресле для посетителей спиной к входу, Розовски нахмурился.

– Почему не в приемной?

– Я не успела ничего сказать. Он...

– Не придирайся к девушке, – сказал инспектор Алон. – Лучше зайди и ответь на парочку вопросов.

– С удовольствием, – весело откликнулся Натаниэль. – Я ведь не знал, что это ты. Просто не люблю, когда посетители занимают мой кабинет в мое отсутствие.

Он вошел в кабинет, прикрыл за собой дверь.

– Привет, Ронен, как дела?

– Мы уже виделись сегодня, – ответил инспектор. Он отложил газету, которую держал в руках. – И даже разговаривали. Не надо симулировать амнезию.

– Я вовсе не симулирую, – Розовски развел руками. – Просто забыл. Правда, забыл. Много дел, верчусь как заведенный.

– Да? А как же отпуск?

– Я и говорю: во время отпуска дел гораздо больше, – объяснил Натаниэль. – Мама регулярно придумывает, чем бы занять великовозрастного сына-бездельника. То одно поручение, то другое, – он сел за свой стол. – Магазины, то, се... Так что случилось? Решил посмотреть, как мы тут живем?

– Что у тебя за дела с адвокатом Грузенбергом? – спросил вместо ответа инспектор.

– С Грузенбергом? – Натаниэль удивленно поднял брови. – Никаких дел, с чего ты взял?

– С того, что он отвозил тебя от управления. Не отпирайся, я видел, как ты, он и его подзащитная вместе садились в его машину.

– А это была его подзащитная? Приятная женщина, – заметил Розовски. – Никаких дел, Ронен. Просто нам оказалось по дороге. Ты же знаешь, у меня нет машины. А тут дождь собирался.

– По дороге? И только?

– Что же еще?

Инспектор некоторое время исподлобья смотрел в широко раскрытые глаза частного детектива.

– Ну-ну, – сказал он. – Знаешь, Натаниэль, больше всего на свете мне бы хотелось, чтобы ты уехал далеко-далеко. И надолго-надолго. Хотя бы во время отпуска. Я бы даже купил тебе билет. В один конец. На собственные деньги.

Розовски засмеялся.

– Да объясни, в чем дело? – сказал он. – Что у тебя за подозрения относительно адвоката Грузенберга? И при чем тут я?

– Зря смеешься, – Ронен извлек из кармана пачку «Тайма», закурил. Поискал пепельницу. Розовски пододвинул ему керамическую пепельницу и тоже закурил. На некоторое время воцарилось молчание. Оба делали вид, что заняты исключительно процессом пускания дыма в потолок. Причем походило это на некое соревнование.

Первым не выдержал инспектор. Раздав сигарету в пепельнице, он сказал:

– Не хочешь говорить – буду говорить я. А ты дополнишь, если захочешь.

– Если смогу, – поправил Натаниэль.

Инспектор нетерпеливо махнул рукой.

– Итак, – сказал он, – адвокат Грузенберг хочет добиться освобождения своей подзащитной.

– Освобождения? Разве она не на свободе?

– Пока, – многозначительно произнес инспектор. – Пока на свободе. Чисто формально. Если хочешь знать, я уже сегодня мог бы предъявить обвинение госпоже Головлевой. Но твой приятель Грузенберг очень хитро выставил основной уликой показания неизвестной свидетельницы. Позвонившей в полицию и сообщившей о преступлении. Верно?

– Не знаю, – задумчиво сказал Розовски. – Логика подсказывает именно такое действие. Но логика, как ты сам наверное знаешь, не всегда срабатывает.

– Ты хочешь сказать, что адвокат нанял тебя не для этого? – Ронен недоверчиво прищурился. – Не для того, чтобы найти эту свидетельницу?

Не отвечая, Натаниэль повернулся к полуприкрытой двери.

– Офра! – крикнул он. – Принеси сегодняшнее соглашение.

Ронен недоуменно посмотрел на него.

– О каком соглашении речь? – спросил он.

– Неважно, погоди, Ронен, – Натаниэль взял лист бумаги из рук Офры. – Ага, вот: «Агентству оставляется право, в случае необходимости, вступать в контакт с представителями полиции», – он

отложил текст соглашения, улыбнулся. – Видишь, дружище, общаясь с законниками сам становишься законником. Итак, о чем ты спрашивал?

– Разве адвокат нанял тебя не для поиска женщины, позвонившей в полицию? – повторил свой вопрос инспектор.

– На конкретный вопрос даю конкретный ответ: да, для этого.

– Шансов у этого парня никаких, – сказал Ронен. И пояснил: – Я об адвокате.

– Я понимаю.

– Не знаю, на что он рассчитывает. Дело абсолютно ясное, она задержана на месте преступления. Можно сказать, с поличным... – инспектор покачал головой. – Он хочет найти свидетельницу. Даже если удастся, что он будет делать дальше? Свидетельница тут же укажет на Головлеву как на убийцу, совершившую преступление у нее на глазах. Все! Проигрыш, – он выжидательно посмотрел на Розовски, ожидая его реакции, но Натаниэль молчал.

– Зря он тебя нанял, – снова заговорил инспектор. – Лучше бы оставил эту исчезнувшую даму как расплывчатый, но весомый аргумент в суде. Так нет, решил найти. И что же? Легче найти иголку в стоге сена.

– Кто знает... – рассеянно заметил Натаниэль. Пока инспектор Алон излагал свое мнение, он в очередной раз развернул перед собой листок с гороскопом.

Ронен посмотрел на него.

– Чем это ты так занят? – спросил он.

– Новое увлечение, – пояснил Натаниэль. – Астрология. Занятная штука. Вот ты, например, кто по гороскопу?

– Черт его знает, – инспектор слегка растерялся. – А ты?

– А я Скорпион, – гордо сообщил Натаниэль. – Потому что родился в начале ноября. А подозреваемая твоя... – он задумался, махнул рукой. – Ну, неважно. предположим, Стрелец.

– Ну и что? Что ты хочешь этим сказать?

– Констатирую факт, – сказал Розовски серьезно. – Кроме того, я не знаю: может быть это означает, что она лучше стреляет, чем орудует ножом. Причем стреляет из лука. Стрелец, сам понимаешь.

Инспектор Алон негодуя фыркнул.

– Думаю, если бы тебя сейчас услышал твой клиент, – сказал он, – он бы пожалел о своем решении, господин Скорпион. Ну ладно, – он поднялся. – Пора. Я ведь зашел просто посоветовать тебе по-дружески: не лезь в эту историю. Помешать ты мне ничем не помешаешь. Себе повредишь. Репутация, прочее. Кроме шуток, Натаниэль. Говорю совершенно серьезно.

– Спасибо, – искренне сказал Розовски. – Я всегда рад тебя видеть, Ронен.

Инспектор пошел к двери. Натаниэль молча смотрел ему вслед. Когда Алон открывал дверь, он вдруг сказал:

– Ронен...

– Что? – инспектор повернулся.

– Но звонок-то был? – спросил Натаниэль. – В полицию. Или дежурному померещилось? А? Как ты думаешь?

Алон молча вышел. Правда, дверью не хлопал.

Натаниэль рассеянными движениями перекладывал бумаги, в беспорядке лежащие на столе.

– Офра! – крикнул он. – Где Алекс?

– Я здесь, – откликнулся Маркин. – У себя.

– Зайди. Есть разговор.

13

Маркин возник на пороге кабинета, держа в руках объемистую пачку русских газет.

– Вот, – сказал он, водружая пачку на стол шефу. – Все, как ты просил. Все сегодняшние газеты.

– Там есть гороскопы? – спросил Розовски, не притрагиваясь к газетам.

– Есть, я уже смотрел.

– Из какой газеты вот эта страничка, как думаешь? – Натаниэль протянул помощнику страницу, найденную в квартире Головлевой. Маркин внимательно посмотрел, подумал немного.

– По-моему, из «Ежедневной почты», – сказал он. – Вот, видишь? – он быстро нашел названную газету, перелистал ее, открыл на предпоследней странице. – Видишь, те же символы. И шрифт такой же. Точно, отсюда.

– Да, верно, – Натаниэль сравнил вырванную страницу с раскрытой газетой. – «Рубрику ведет Моше Бен-Яир...» Где находится редакция?

– Посмотрим на первой странице, тут должен быть адрес... Только почтовый. И телефоны, – сообщил Маркин. – Утром можно позвонить, уточнить.

– Нет, – сказал Розовски. – Лучше я позвоню Баренбойму. Сейчас.

– При чем тут Баренбойм? – удивился Маркин. – Он что, теперь с газетами связан?

– Вся его жизнь в Израиле связана с газетами, – пробормотал Розовски, быстро листая записную книжку. – С начала и по сегодняшний день... Ага, вот его номер!

О своем бывшем соседе и одном из первых клиентов Владимире Баренбойме Натаниэль вспомнил, увидав название газеты. Год назад в «Ежедневной почте» имел место тихий (относительно) скандал. Начало ему положила публикация статьи о «русской» мафии в Израиле (горячая тема для пенсионеров и ветеранов). Автор статьи К.Михайлов (укрывшийся под псевдонимом редактор «Ежедневной почты» М.Коган) избрал наиболее, как ему казалось, подходящую форму: беллетризованный биографический очерк о некоем «новом русском». Пространно рассказав о боевом комсомольском прошлом своего героя, Михайлов-Коган не менее пространно изложил суть его нынешних, далеко не безукоризненных с точки зрения закона занятий. Связанных естественным (в силу национальной принадлежности героя) образом с государством Израиль. Собственно, статья как статья, таких можно было в тот момент насчитать по добром десятку в каждой уважающей себя газете.

Однако публикация сия имела неожиданное продолжение. Владельцу «Ежедневной почты» Ицику Ротштейну позвонили из МИДа и сообщили, что консульство одного государства (мидовцы не уточнили, какого именно, но ясно было, что государство до недавнего времени являлось частью «великого и могучего») сочло себя весьма оскорбленным статьей К. Михайлова «Портрет мафиози в интерьере». Оказалось, что для оформления (иллюзии документальности, как признался автор) газетчики использовали первую попавшуюся фотографию, валявшуюся на столе редактора и изображавшую средних лет человека с весьма мафиозно-комсомольским выражением лица. Человек сей был сфотографирован в окружении семьи, причем состав семьи полностью соответствовал описанию героя разоблачительной статьи.

Увы, злой рок подсунул редактору «Ежедневной почты» фотографию не чью-нибудь, а именно вице-консула оскорбленного государства. Консульство обратилось с протестом.

– Кто мог знать? – потрясенно вопрошал Коган у сослуживцев. – Разве с таким лицом можно идти в консулы?

– В консулы – нет, – отвечали ему. – Можно в вице-консулы.

Словом, скандал разрастался. Обалдевший Ицик Ротштейн пытался кое-как уладить дело, объяснить, что фотография попала случайно.

– Ну да, – мрачно заметили из консульства, – а биография?

Ицик онемел. По двум причинам: во-первых, зная по-русски около двух слов, он никогда не читал собственной газеты и оценивал ее добросовестность исключительно по финансовым результатам. Во-вторых, его потряс сам факт того, что вице-консул имел не только внешность, но и биографию типичного русского мафиози.

Ицик очень испугался.

– Что вы молчите? – осведомились в консульстве. – Биография-то наша. Год рождения, состав семьи. Работа в советское время. Конечно, речь не о мафиозной деятельности, но тем не менее.

Последняя фраза чуть-чуть успокоила Ротштейна. Зато следующая могла послужить причиной обширного инфаркта. Правда, не сердца несчастного Ицика, а всего лишь его кошелька. Правда, неизвестно, что переносится легче.

– Будем подавать в суд, – сообщили из консульства. – Готовьте деньги.

– Сколько? – выдавил Ротштейн.

– Много, – коротко ответили в консульстве. – Скандал, между прочим, международный. Думаю, меньше чем в триста тысяч оценить моральный ущерб, причиненный нашему вице-консулу, не представляется возможным.

Ротштейн, положив трубку, принялся меланхолично листать паспорт, прикидывая, какую визу и куда следует ставить в ближайшее время.

За таким занятием его застал проштрафившийся автор. Ицик воззрился на него изумленно. Он пребывал в абсолютной уверенности, что Коган уже повесился.

Вместо этого неповесившийся Коган был радостно возбужден.

– Спасены! – закричал он. – Вот спаситель! – и он представил плохо соображавшему Ицику некоего Зеева Баренбойма, который тут же предложил все уладить по минимальной цене.

– Старый школьный друг, – сказал Зеев (он же – Владимир) об оскорбленном вице-консуле. – Договоримся, я думаю.

– Сколько? – мрачно спросил Ротштейн.

– Пятнадцать тысяч.

– Долларов? – уточнил на всякий случай Ицик.

– Шекелей, – невозмутимо ответил Баренбойм.

– Сколько?! – еще не веря своим ушам переспросил Ицик.

– Пятнадцать тысяч шекелей, – повторил Баренбойм смехотворную (по сравнению с тремя сотнями тысяч) сумму. И слово свое сдержал. Консульство больше не беспокоило ни МИД, ни газету.

Ицик, радостный словно хасид, дождавшийся прихода машиаха, простил автора, взяв с него слово больше не писать о русской мафии. А если и писать, так в том смысле, что в Израиле ее нет и быть не может.

Розовски узнал об этой истории от самого Баренбойма, когда тот обмывал счастливое окончание комбинации вместе со своими школьными друзьями – Михаилом Коганом и оклеветанным вице-консулом. Он почему-то решил, что удобнее всего это сделать у Натаниэля, когда Сарра Розовски в очередной раз отправилась навещать родственников. Будучи первым клиентом частного детектива Натаниэля Розовски (и одновременно – последним пострадавшим, с которым пришлось иметь дело полицейскому офицеру Натаниэлю Розовски), он считал, что имеет некие особые права на личное расположение последнего. В принципе, Натаниэль ничего против не имел – хотя бы потому, что шумный Баренбойм иногда становился неоценимым источником информации. Так вот, от неожиданных гостей Натаниэль и узнал некоторые любопытные детали происшедшего. Например, что гениальный план – потрясти чересчур прижимистого Ицика Ротштейна – родился в буйной голове непоседливого Баренбойма, когда он в очередной раз читал о невероятных суммах штрафов за клевету и диффамацию в печати.

Так что, говоря о постоянной и устойчивой связи Зеева Баренбойма с русскоязычной периодической прессой, Розовски не погрешил против истины.

14

– Привет, Зеев, это Розовски.

– Натаниэль? Привет, как дела?

– Замечательно, а у тебя?

– Полный порядок, – жизнерадостно сообщил Баренбойм. – Видел сегодня твою маму, она сказала что ты все еще не женился. По-моему, она очень из-за этого переживает.

– Больше она тебе ничего не рассказывала? – поинтересовался Натаниэль настороженно.

– Нет, не успела. А в чем дело?

Натаниэль вздохнул чуть свободнее.

– Понятно. Нет, она не переживает. Это она так пошутила, Зеев, не обращай внимания. На самом деле она очень довольна, что я неженат. Целыми днями дома, ей не так скучно.

– Да? – разочарованно сказал Баренбойм. – Как же... А я думал... Я ей сказал, что есть приличная...

– ...женщина, – закончил Розовски. – С высшим образованием. Обеспеченная. Разведенная. Твоя соседка. Скажи, Зеев, только честно – ты что, открыл брачную контору?

– Почему? – Баренбойм говорил немного растерянно. – Просто знакомая.

– Ах да, извини. У нас матримониальные дела – не бизнес, а потребность души... – Розовски вздохнул. Маркин, слушавший разговор с большим интересом, согласно кивнул головой. – Послушай, – сказал Натаниэль. – Мне нужна твоя помощь.

– А в чем дело? – осторожно спросил Баренбойм. – Что-то случилось?

– Ничего серьезного, что это ты такой подозрительный? Просто ищу одного человека. Думаю обратиться к твоему другу. Как его... Михаил Коган, кажется?

– Миша? – настороженность в голосе Баренбойма усилилась. – Он что, натворил что-нибудь? Не может быть, он же приличный человек... – тут он осекся, вспомнив, видимо прошлогоднюю историю.

– Конечно, приличный, иначе я бы и не спрашивал, – подтвердил Розовски. – Так что? Он все еще работает в «Ежедневной почте»?

– Работает, а что?

– Хочу с ним повидаться. Нужна консультация специалиста, – Натаниэль очень любил произносить подобные фразы. Ничего особенного не выражая, они, тем не менее, создавали у собеседника ощущение серьезности разговора и добавляли ему самоуважения. Вот и сейчас в голосе Баренбойма появились деловые интонации.

– Думаю, можно устроить, – сказал он. – Когда?

– Завтра с утра.

– Пожалуйста, – сказал Баренбойм. – Я ему могу позвонить прямо сейчас и предупредить. Во сколько ты будешь?

– В десять.

– Значит, в десять.

– Ты перезвонишь?

– Зачем? Он мне не откажет. Не волнуйся, можешь смело идти завтра.

– Если бы ты еще объяснил, куда, – сказал Натаниэль. – В газете только почтовый адрес. И телефон.

– Это понятно, – Баренбойм хмыкнул. – Если бы они давали адрес, представляешь, сколько наших бывших сограждан толклись бы там день и ночь?

– Представляю. Так где они находятся?

– Дай сообразить... Значит, так: улицу Швуот знаешь?

– Знаю.

– Там есть высокий дом на углу. Похож на старую фабрику. Номер 29. На втором этаже они и сидят. Найдешь?

– Найду. Спасибо, Зеев, – Розовски положил трубку.

– Что ты хочешь узнать в газете? – спросил Маркин.

– Да так... – ответил Натаниэль. – Хочу, чтобы Коган познакомил меня с астрологом, который дает столь точные прогнозы.

Маркин сел в кресло, которое недавно занимал инспектор Алон.

– Ты что, всерьез думаешь, что гороскопы имеют в этой истории большое значение?

– Почему бы и нет? – Розовски похлопал ладонью по пачке газет. – Если для человека, попавшего в переplet, какая-то деталь имеет значение, эта деталь и для тебя должна быть реальной и важной. Для нашей клиентки астрологический прогноз имел решающее значение. По ее утверждению – а у меня пока нет оснований ей не верить – именно гороскоп, обещавший романтическую встречу, и оказался причиной ее появления на месте преступления.

– Это я уже слышал, – Маркин недоверчиво покрутил головой. – Вот уж не думал, что ты воспримешь это всерьез.

– Представь себе... – Натаниэль заглянул в пачку сигарет, выудил последнюю. – Любая реальность является таковой лишь в том случае, если кто-то в нее верит. В данном случае

Головлева верит в точность астрологических прогнозов. Следовательно, сия точность – реальный фактор.

– Погоди, – Маркин озадаченно нахмурился. – Но ведь прогноз оказался ошибочным! Вместо романтического приключения произошло убийство.

– Вот! – Натаниэль поднял указательный палец. – Теперь понимаешь? Все прогнозы сбывались, а этот дал грубейший сбой. Следовательно, мы просто обязаны познакомиться с автором. И предъявить ему рекламацию. В смысле: как же так, господин астролог? Что это с вами стряслось?

После этих слов он неторопливо закурил и выпустил в потолок струю серовато-лилового дыма.

Маркин с интересом следил за рассеивающимся облаком.

– Теперь понятно, – сказал он. – Ты прав. Ну а я? Что должен буду делать я?

– Ты? – Натаниэль нахмурился. – Ты должен собрать мне сведения об убитом. О Шломо Мееровиче. Все, что возможно. О нем, о его жене, о его соседях, о его работе. Привычки. Образ жизни. Короче – все.

– Ясно. А что-нибудь тебе известно?

– Только то, что он репатриировался в Израиль около десяти лет назад, что его жену зовут Далия Меерович и что в настоящее время она путешествует по Европе. И, естественно, что он был убит в прошлое воскресенье в собственной квартире. Вот адрес, – Натаниэль черкнул несколько слов на листке бумаги. – Есть вопросы?

– Конечно, есть, – Маркин прочел адрес, спрятал листок в карман. – Например, сколько времени ты мне выделяешь на это? Только не говори, что один день.

– Нет, конечно, – великодушно сказал Натаниэль.

– Ну, слава Богу, – Маркин поднялся с кресла. – Тебя подвезти домой?

– Подвези.

– Значит, встречаемся послезавтра? – на всякий случай уточнил Алекс.

– Послезавтра? – Розовски удивленно посмотрел на помощника. – Никаких послезавтра. Я же сказал – тебе выделяется отнюдь не день. Тебе выделяется полдня. И завтра в два часа ты представишь мне исчерпывающую информацию.

Маркин тихонько охнул.

15

Розовски редко чувствовал себя полным идиотом. Но сегодня был тот самый редкий случай. Приехав на улицу Швуот, он обнаружил, что дом под номером 29 на ней отсутствовал. Можно было бы, конечно, предположить, что Баренбойм ошибся. Но проблема заключалась в том, что на улице имелся дом номер 27, следом за ним – дом 31. Напротив, соответственно – 28 и 30. Номера 29 не было в помине.

Бесцельно покружив на пяточке и окончательно разуверившись в своих – заодно и баренбоймовых – умственных – качествах, Натаниэль вошел в стеклянную дверь под номером «27». Над дверью красовалась вывеска, извещавшая о том, что в доме располагалась гостиница Ицика Бен-Ами. Сразу за дверью сидел скучающий охранник.

– Послушай, – обратился к нему Натаниэль, – это Швуот, 27?

Охранник оторвался от разглядывания обнаженных девиц в журнале, посмотрел на детектива ничего не выражающим взглядом и величественно кивнул.

– А вон там, следом – 31? – спросил Розовски.

Снова кивок.

– А где 29? – спросил Розовски.

Охранник долго молчал, рассматривая посетителя, потом тяжело вздохнул.

– Тебе какой город нужен? – спросил он лениво.

В порядке помутившемся сознании Натаниэля забрезжило пока еще слабый свет.

– Тель-Авив, – серьезно ответил он.

– Тель-Авив, улица Швуот, дом 29? – уточнил охранник.

– Точно. Страну назвать?

– Не надо. Это улица Швуот, 27. Город Бней-Брак.

Розовски облегченно вздохнул. Города в Гуш-Дане так разрослись, что накрепко переплелись друг с другом.

– А где Тель-Авив? – спросил он.

– Через дорогу, – ответил охранник. – Две остановки назад. А если тебе нужен Рамат-Ган – две остановки вперед.

– Улица проходит через три города? – недоверчиво спросил Натаниэль. Он был уверен, что такое может случиться только с улицей им. Герцля.

– Через четыре, – невозмутимо поправил охранник, возвращаясь к журналу.

Самое обидное в этой истории было то, что искомое здание оказалось куда ближе к дому Натаниэля.

Поднявшись на второй этаж, Натаниэль сразу же попал в настоящий лабиринт: большое помещение редакции было разделено невысокими перегородками на добрый десяток маленьких. В каждом сидели за компьютерами по два-три человека. Ровный нескончаемый гул сплетался из смеси иврита, русского и английского, на которой общались друг с другом редакционные работники.

Розовски невольно почесал в затылке, пытаясь определить, в какую из ячеек ему заглянуть для начала. За это время его дважды едва не сбили с ног озабоченные курьеры. Причем оба, почему-то, несли большие картонные коробки с пиццами. Видимо, в редакции к обеду готовились серьезно и с утра.

«Ничего обстановочка, – подумал Натаниэль. – Люди работают и...»

Больше он ничего подумать не успел. Очередной сумасшедший – на этот раз не курьер, а газетчик – столкнувшись с детективом, вдруг отпрянул и радостно закричал:

– Ба! Миша! Тезка! Какими судьбами?

Он с силой хлопнул Натаниэля по плечу. Розовски поморщился. Михаил Коган – а это был именно он – не обратил внимания на гримасу.

– Ко мне? Или к кому-то еще?

– К вам, Миша, – Натаниэль виновато улыбнулся. – Только мы не тезки. Если, конечно, вы за это время не поменяли имя.

– Да? – Коган задумался. – А мне казалось, что Баренбойм назвал вас Михаэлем. Когда знакомил. Разве нет?

– Михаэлем он назвал вас, – Розовски развел руками. – А меня он назвал Натаниэлем.

– Ага... – Коган пожевал губами, словно недоумевая, как он мог ошибиться. – Но вы же частный детектив? – спросил он с легким подозрением в голосе. – Или это он тоже сказал не о вас?

– Нет, вот это он, как раз, сказал обо мне, – с максимальной серьезностью сообщил Розовски.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Коган. – Остальное неважно. Раз вы ко мне – пойдёмте ко мне.

Они прошли в один из закутков, отличавшийся от прочих, на взгляд Натаниэля, разве что большей захлапленностью (это – минус) и большей отдаленностью от непрерывно тараторивших по телефонам рекламных агентов (это – плюс).

– Пришли, – сказал Миша. – Хотите пива?

Розовски помотал головой, скользнул взглядом по стенам, заклееным рекламными плакатами с полуобнаженными красотками.

– А я выпью, – сказал Коган и достал из маленького холодильника бутылку «Голдстар». Приложившись к бутылке, он одним глотком осушил ее. Немного подумав, достал из холодильника вторую. Пустая бутылка отправилась в корзину для бумаг.

Розовски ждал, пока редактор восстановит жидкостный баланс. Чтобы не очень скучать, он взял со стола свежий номер «Ежедневной почты». Коган удовлетворенно бросил вторую бутылку вслед за первой и спросил:

– Итак, чем могу быть полезен?

Розовски на мгновение оторвался от заинтересовавшей его газеты и еще раз осмотрелся.

– Знаете, – сказал он немного рассеянно, – я бы хотел присесть. Честно говоря, не очень люблю вести серьезный разговор стоя.

Коган удивленно на него посмотрел.

– Так садитесь, – сказал он. – Кто вам мешает?

– Вы бы еще сказали – куда... – проворчал Натаниэль.

Оба стула в кабинете редактора были завалены папками с документами.

– Да сбросьте на пол, – Коган засмеялся. – Все никак не соберусь выбросить этот хлам.

Натаниэль охотно последовал совету. Внушительная стопка папок полетела в угол, а детектив с удовольствием уселся на покрытый бумажной пылью стул.

– Итак? – снова спросил Коган. – Вас интересуют конкретные сведения? Чем могу быть полезен?

– Ох, боюсь, что я окажусь полезнее вам, чем вы мне, – ответил Розовски.

– А в чем дело? – настороженно спросил Коган.

Натаниэль выразительно скосил глаза на первую страницу сегодняшней газеты.

– Вы уверены, что у Зеева есть связи и на столь высоком уровне? – спросил он. – Все-таки, это уже не вице-консул. Это, как-никак, все главы европейских государств. Плюс президенты США и России.

– А что там стряслось? – еще больше встревожился Коган. – Что я еще наделал?

Натаниэль молча показал. Редактор приподнялся и некоторое время тупо смотрел в страницу.

– Все, – сказал он обреченно. – Труба. Полный, как говорится... Гена!! – заорал он с такой силой, что Натаниэль чуть не упал. – Гена, твою мать!!

Гена был маленьким и тощим человеком лет тридцати. Розовски обратил внимание на нездоровый цвет лица и испуганно-рассеянный взгляд.

– Что случилось? – спросил или вернее прошептал он.

Редактор ткнул ему газету.

– Это что? – ласково спросил он. – Ты в могилу меня загнать хочешь, да, Гена?

– А что? – спросил Гена удивленно.

– Не видишь? – так же ласково спросил Коган.

– Не вижу.

Натаниэль отвернулся, с трудом сдерживая смех. Дело в том, что первая страница была посвящена очередному заседанию ЕЭС с участием США и России. Видимо, чтобы подать материал поэффектнее, во всю полосу красовались портреты самых известных людей мира, то бишь президентов и премьер-министров. Всего мирового политического бомонда. Единственной накладкой оказалось то, что кто-то – похоже, именно Гена – забыл снять рекламу. Так что указанные портреты обрамляла ярко-красная надпись: «Болезнь века – мужская импотенция», причем буквы по величине могли поспорить с заголовком самой газеты. Учитывая, что портреты изображали исключительно мужчин (все-таки, политика – мужская привилегия, что бы ни говорили поклонники М.Тэтчер и Г.Меир), картинка получалась пикантная.

Между тем, Михаэль закончил снимать стружку с так ничего и не понявшего Гены. Махнув на него рукой, он отослал парня работать. Когда тот ушел, Коган скомкал газету, швырнул ее в угол и заявил:

– А пошли они все подальше! Плюнем и забудем. Генка хороший парень, но у него вечно проблемы. Ладно, не впервые. Однажды мы давали материал о последних днях Ленина. Посередине страницы поместили фотографию. Кошмарная фотография. Не вождь мирового пролетариата сидит в кресле-качалке, а высохший полутруп, с безумными вытаращенными глазами.

– Да, я где-то видел такую фотографию.

– Вот, а наш Геночка, заметив, что на странице осталось немного места, подверстал туда же рекламное объявление: «Ищу партнера для открытия книжного магазина в Беер-Шеве». И объявление дал крупным шрифтом, аккуратно под фотографией обезумевшего Ленина. Как вам такой партнерчик?

Натаниэль попытался представить себе реакцию возможных партнеров, жаждущих открыть в Беер-Шеве книжный магазин.

– Нет, – уверенно сказал он. – Не откроют.

– Вот именно, – буркнул Коган. – Иногда мне кажется, что он делает это нарочно.
– Вы думаете? – вежливо удивился Натаниэль.
– А что? Он у нас художник-авангардист. Может, для него это художественный прием такой, – Коган умолк, потом, слегка оживившись (Розовски заподозрил, что при воспоминании о пиве), сказал: – Ладно, забудем. Я вас слушаю, Натаниэль.

Розовски вытащил пачку сигарет.

– Вопрос может показаться странным, – сказал он.

– Ну и что? – Коган ободряюще улыбнулся. Чувствовалось, что он уже забыл о недавнем происшествии и вполне восстановил нормальное настроение. Розовски позавидовал ему. – Во-первых, я давно уже не слышал нормальных вопросов, – сказал редактор. – Странный так странный. Задавайте.

– Скажите, кто составляет для вашей газеты астрологические прогнозы? – спросил Розовски.

– А? – Михаил все-таки удивился. – Прогнозы?

– Гороскопы, – подсказал Розовски.

– Понятия не имею. А что? Вообще-то... – он замолчал, глядя как Розовски, не торопясь, прикуривал сигарету.

– Вы много курите? – сказал Коган.

– И пью тоже, – ответил Розовски. – Иногда – много. А вы не курите?

Михаил покачал головой.

– Пятнадцать лет курил, – сообщил он. – Теперь вот – бросил. Надо думать о здоровье. Все-таки, не мальчик уже.

– А пиво? – спросил Розовски, красноречиво глядя на обнаженных красоток.

– Да ну, – обиженно произнес редактор. – Что я, совсем уж... А это, – он показал на рекламные плакаты, – это мне досталось в наследство от прежнего обитателя кабинета. Моего предшественника.

Натаниэль не стал уточнять, что именно он имел в виду под «совсем уж».

– Вернемся к вашим гороскопам, – сказал он.

Коган издал булькающий звук.

– Не вижу в этом ничего смешного, – холодно сказал Розовски.

– А я и не смеюсь. Это я так, поперхнулся, – объяснил Коган, откупоривая новую бутылку «Голдстар».

– Замечательно, – сказал Розовски. Он уже перестал считать количество пива, вливаемого в себя хозяином кабинета. – Так что насчет гороскопов?

– Могу узнать, – сказал редактор. – У Саши. Саша!! – заорал он, и Розовски снова вздрогнул. Видимо, такого рода коммуникация была принята в газете раз и навсегда. – Иди сюда немедленно!!

Искомый Саша вырос словно из-под земли. Высокий молодой человек, с весьма пессимистичным выражением лица.

– Чего орать-то? – осведомился он.

– Познакомься.

Саша кивнул Натаниэлю и снова воззрился на редактора.

– Кто составляет гороскопы для нашей газеты?

– А что? – в свою очередь спросил Саша. – Есть претензии?

– Можно сказать и так, – уклончиво заметил Натаниэль.

– Кстати, Миха... то есть, Натаниэль – частный детектив.

Саша посмотрел на Натаниэля со слабым интересом.

– И что же?

– Кто составляет гороскопы для вашей газеты? – терпеливо повторил Розовски свой вопрос.

– Для какой?

– А у вас их несколько?

– Ну, строго говоря, две.

– Для «Ежедневной почты», – Розовски всегда считал избыток терпения главным достоинством в своей профессии.

– Вот их как раз и две, – сообщил Саша. – Ежедневная и еженедельная. Вас какие прогнозы интересуют?

– Очень интересно, – задумчиво сказал Розовски. – Еженедельная «Ежедневная почта». Свежо, друзья мои, свежо.

– Подумаешь! – Коган пренебрежительно скривился. – А ежедневные «Новости недели»?

– Да, действительно, – согласился Натаниэль. – Вернемся к гороскопам. Так что, для разных газет их составляют разные люди? – спросил он.

– Да. Еженедельный гороскоп составляет профессиональный астролог, очень, кстати говоря, опытный и знающий. Я могу, конечно, дать его телефон. Дать?

– Дать. А кто составляет ежедневные гороскопы?

– Я.

Розовски поперхнулся дымом.

Саша смотрел на него безмятежно-ясными глазами. Прокашлявшись, Натаниэль спросил:

– Мы могли бы побеседовать тет-а-тет?

– Когда?

– Сейчас.

– Подходите. Вон туда, – Саша показал. – Я там заканчиваю материал для номера. Побеседуем тет-а-тет. Относительно, конечно.

И он исчез так же мгновенно, как появился.

– Серьезное дело? – спросил редактор.

– Серьезнее не бывает... – рассеянно пробормотал Натаниэль. – Спасибо, Миша, выручили. Пойду, поболтаю с вашим работником, – он поднялся.

– Русская мафия? – полуутвердительно произнес Коган.

Розовски засмеялся.

– Ну, Миша, как же так? Вы напоминаете ребенка, который пугал всех страшными сказками, да сам же в них и поверил.

Коган хмыкнул и промолчал.

– Вы что, всерьез верите всем этим историям о русской мафии? – спросил Натаниэль. – О том, что у них другого дела нет, кроме как лезть в наш несчастный Израиль со своими миллионами долларов?

– Миллиардами, – поправил Коган. – Вы думаете иначе?

– Я думаю, что более невыгодное дело трудно найти, – сказал Розовски.

– Почему?

– Можно найти более выгодное применение этим самым миллиардам. С их точки зрения, наша страна находится в состоянии войны. Ливан, ХАМАС, проблема Голан. Плюс почти что социалистическая экономика.

– Министр полиции Моше Шахаль недавно ездил в Москву, – заметил Коган. – Потом сказал...

– Что сказал Моше Шахаль, я тоже слышал, – перебил Натаниэль. – Вернее, читал. Его слова – это его проблемы. Я привык оперировать фактами. Мало ли что ему наговорили в Москве.

– Он ведь и факты тоже... Вон, в Эйлате...

– Да бросьте! – Натаниэль рассмеялся. – Знаю я об истории в Эйлате. Собрались богатые люди, решили погулять. Конечно, пошумели. А наши журналисты превратили это в съезд русской мафии. Станет мафия так засвечиваться!

– Почему бы и нет?

Натаниэль некоторое время изучающе смотрел на него, потом сказал:

– Ментальность не та.

Взгляд Когана не выразил никаких эмоций. Потом журналист улыбнулся.

– Спасибо за интервью, – сказал он.

– Что? Ах, вон что! – Розовски расхохотался. – А я-то думал... Ладно. В таком случае, угощайте и меня пивом.

– Ну-у... – разочарованно протянул Коган. – Что ж вы раньше молчали. У меня больше нет, – и он красноречиво указал на корзину для бумаг, доверху заполненную пустыми бутылками из-под «Голдстар».

Отыскав в лабиринте закуток, занятый длинным Сашей, Натаниэль вошел внутрь и несмело кашлянул. Саша оторвался от компьютера и уставился на детектива.

– Мы собирались побеседовать, – напомнил Натаниэль. – Помните? Только что, у Когана.

Взгляд Саши выражал глубокую задумчивость. Натаниэль немного помялся и осторожно напомнил:

– Коган – это такой журналист. Ваш редактор. Пиво любит. Помните?

Саша моргнул. В поисках поддержки Розовски оглянулся на второго обитателя крошечного помещения. Но тот сидел спиной к ним, уткнувшись носом в самый экран компьютера. Спина показалась Натаниэлю знакомой. Через мгновение он узнал во втором обитателе клетки Гену, виновника огульного обвинения мировых лидеров в мужской несостоятельности.

– А что вы стоите? – спросил вдруг Саша, и Натаниэль облегченно вздохнул. – Пришли – так садитесь. Могу предложить кофе. Правда, растворимый. И без молока, – он немного подумал. – И без сахара.

– Но, надеюсь, с кипятком? – серьезно спросил Розовски. – Или вы угощаете гостей только кофейным порошком? Всухомятку?

– С кипятком, – ответил Саша. – Но за ним нужно сбегать. Так что? Будете кофе?

– Буду.

Саша кивнул с видом: «Я так и знал», и отправился в другой конец редакции – видимо, за кипятком. Вернулся он неожиданно быстро, поставил на стол три пластиковых стаканчика с черной жидкостью.

– Гена! – позвал он напарника. – Я тебе тоже налил.

– Угу. Спасибо, – промычал тот, по-прежнему, не оборачиваясь.

– Гена, – сказал Саша, – если ты закончил, можешь идти.

– Мне еще чуть-чуть осталось, – ответил Гена. – Хочу подправить. У меня на полосе абзац вылезает. И сократить нельзя. Очень важный текст. Я вам не мешаю?

– Вы нам не мешаете, – поспешно сказал Натаниэль. – И я вам, надеюсь, тоже. Я ненадолго.

Он сел на стул, переместив лежавшие на нем папки к себе на колени.

– Бросьте на пол, – сказал Саша. Видимо, таков был стиль редакции.

– Значит, вы – частный детектив, – с удовольствием произнес Саша и крутнулся на вращающемся кресле. – Черт, здорово! Ни разу в жизни не видел частных детективов.

– Смотрите, – разрешил Натаниэль. – Очень интересное зрелище. А можно я, все-таки, задам вам парочку вопросов?

– Задавайте, – великодушно разрешил Саша. Натаниэль покосился на Гену. Будучи сам от природы и по долгу службы любопытным человеком, Розовски крайне отрицательно относился к аналогичному качеству у других. А судя по тому, как затаил дыхание Гена, услышав профессию гостя, сослуживец Саши был именно таким человеком. Но делать было нечего. Собираясь с мыслями, он взял стаканчик с кофе, сделал маленький глоток.

– Не слишком крепко? – спросил Саша.

– Нормально, спасибо.

Он неторопливо допил кофе, надеясь, что за это время Гена закончит работу и уйдет. Саша тоже пил кофе, изредка поглядывая на монитор и одним пальцем что-то печатая.

Ожидания оказались тщетными. Гена по-прежнему сидел за компьютером спиной к ним и явно не собирался покидать свое место.

– Так что? – спросил Саша. – Что там у вас с гороскопами?

Пришлось махнуть рукой на конфиденциальность.

– Видите ли, – сказал детектив, – забавная приключилась история. То есть, поначалу забавная. Потом уже нет, коль скоро потребовались мои услуги, – он вытащил из кармана страницу с гороскопами. – Посмотрите, Саша, это вы писали?

Саша внимательно просмотрел страницу, зачем-то даже перевернул ее. Пожал плечами.

– Ну и что?

– Вы или не вы?

– Газета наша, – сообщил Саша. – Ежедневная. Значит, гороскопы мои. Еженедельный выпуск выглядит иначе. Дальше что?

– Дальше то, – ответил Розовски, – что я хочу знать: каким образом вы составляете ваши ежедневные прогнозы?

– А зачем?

– Нужно, – сказал Розовски. – Очень нужно знать, Сашенька. Видимо, в голосе его прозвучало нечто, заставившее журналиста посерьезнеть.

– Только вы никому не рассказывайте, – попросил он.

– Даю слово.

– Сами понимаете, никакой я не астролог. И серьезные, то есть еженедельные прогнозы, составляет для нас профессиональный астролог. Если нужно, я дам вам его телефон. Могу предварительно позвонить, он вас примет.

Натаниэль ничего не ответил на это великодушное предложение. Саша со вздохом продолжил:

– Он же отвечает на письма читателей.

– Его имя?

– Моше Бен-Яир. Можно просто – Миша. Или Михаил Борисович. А телефон...

– Минутку... – Натаниэль рассеянно пошарил по столам, нашел на столе Геннадия клочок бумажки. Видимо, сыщик нечаянно толкнул парня, потому что Геннадий проследил за рукой с бумажкой удивленно-растерянным взглядом.

– Давайте, – сказал Розовски. – Диктуйте.

Записав телефон, он сказал:

– Но вы говорите, что это все касается еженедельных прогнозов. Меня больше интересует ежедневный. Вот этот. Это же ежедневный, верно?

– Верно. Дело в том, Натаниэль, что астрологи далеко не всегда соглашаются составлять такие вот гороскопы.

– Почему?

– Ну как почему? В пять раз больше работы, за те же деньги. Так что эти прогнозы я составляю сам.

– Вот оно как... С помощью справочника «Тикра», верно? – спросил Натаниэль.

– Какого справочника? – недоуменно переспросил Саша.

– «Тикра» на иврите – «потолок», – невозмутимо сообщил Розовски. – Давно в стране? Иврит изучали только в ульпане «алеф»?

Саша засмеялся.

– Верно, с потолка. Вы же сами понимаете, что никто не будет всерьез сверяться с этими прогнозами. И кроме того, я стараюсь писать обтекаемыми фразами. Так, чтобы не сбить человека с толку. Ну... – он сделал неопределенное движение рукой.

– А подписываете и те, и другие прогнозы от имени господина Моше Бен-Яир?

– Ничего подобного, – Саша энергично помотал головой. – Вы нам самоуправства не пришлете. Там написано: «Рубрику ведет Моше Бен-Яир». Ведет, понимаете? Ведет рубрику. Это вовсе не означает, что он обязательно пишет прогнозы собственноручно.

– Хватит демагогии, Саша. Я прекрасно понимаю, что вы можете сейчас же, не вставая с места, доказать мне все что угодно. Но зачем? – лениво спросил Натаниэль. – Зачем вам это? Я ведь вовсе не собираюсь отстаивать авторские права вашего астролога. На кой черт мне это все сдалось? Я пришел совсем по другому поводу. Чтоб вам было понятно: в полиции я работал в отделе расследования особо опасных преступлений. Став частным детективом, я – увы! – время от времени вынужден действовать по своему старому профилю.

– Что? – уже другим тоном спросил Саша. – Особо опасное преступление? Связанное с нашими гороскопами? – он растерянно улыбнулся. – Но как это может быть?

– Представьте себе, – сухо заметил Натаниэль. – Вы сказали, что всерьез ваши ежедневные гороскопы никто всерьез не принимает. Ну-ну. Спешу вас порадовать, – сухо сказал Натаниэль. – Некая дама настолько всерьез относилась к вашим, с позволения сказать, прогнозам, что в итоге

попала в очень серьезную ситуацию. Ее обвиняют в убийстве. И все потому, что она следовала указаниям вот этого прогноза, – Натаниэль постучал по страничке с прогнозами, все еще лежавшей перед Сашей. – Поэтому я здесь.

Саша заметно побледнел.

– Ничего себе... – сказал он. – Вы что, хотите сказать, что я посоветовал кому-то кого-то прикончить?

– Нет конечно, я же говорю – попала в серьезную ситуацию. Я не говорил: убила, – сказал Натаниэль.

– Кто это?

– Туристка, – коротко ответил Розовски. – Туристка из России. Моя клиентка.

Саша ошарашено покачал головой. Видимо, ему никак не могло прийти в голову, что его прогнозы кем-то воспринимаются всерьез. И уж тем более – что они могут привести к подобным последствиям.

Молодой человек опустил голову и еще раз перечитал гороскоп, беззвучно шевеля губами.

– Стойте! – сказал вдруг он встревоженным голосом. – Погодите!

– А я никуда и не тороплюсь, – заметил Розовски. Доморощенный астролог протянул ему листок.

– Вот это, да? То, что обведено? – спросил он, мельком глянув на детектива. Натаниэль кивнул.

– Водолей, – сказал он.

– Сами вы Водолей, – буркнул Саша. – Тут заголовок оторван. Это Козерог. Водолей относится к следующему... Ну, неважно, – Саша опустил страничку. – Но это вовсе не я писал, – сказал он. – Я ведь говорю: стараюсь писать обтекаемыми фразами. А тут... – он прочитал: – «Возможны новые знакомства, визиты. Не отказывайтесь от приглашений: они могут кардинальным образом изменить вашу жизнь в лучшую сторону. Романтическая связь, завязавшаяся в этот день, будет прочной и долговременной...» Это же прямое руководство к конкретному действию, разве нет? Или вот это: «Близкие люди могут нарушить ваши планы. Не советуйтесь с ними и не доверяйте их обещаниям...» Нет, – повторил он, – это не мой текст. Не мой стиль.

– Ну-ну... – Натаниэль озадаченно нахмурился. – Действительно, на обтекаемые фразы непохоже. Вы хотите сказать, что кто-то подменил ваш прогноз?

Саша пожал плечами.

– Выглядит глупо, – сказал он. – Но похоже на то.

Натаниэль задумался. Звучало неожиданно, но что-то подобное он ожидал. Кто-то, узнавший о слепой вере Ларисы Головлевой в гороскопы газеты «Ежедневная почта», подделал прогноз и всунул его вместо правильного... то есть, тоже неправильного, но сочиненного астрологом-любителем Сашей. В результате...

Рассуждение весьма напоминало горячечный бред. Натаниэль фыркнул.

– И каким же образом это можно было сделать? – недоверчиво спросил он. – Я имею в виду – так, чтобы вы этого не заметили?

– Ну... – Саша задумался. – Редакционные компьютеры соединены в сеть, – сказал он неуверенно. – В принципе, каждый сотрудник редакции может вызвать любой файл и ввести в него новый текст. Никто и не заметит. Я только не понимаю, зачем? Шутки ради, что ли?

– Какие уж там шутки, – проворчал Розовски, поднимаясь со своего места. – Ладно, спасибо, Саша.

На улице Розовски направился было к автобусной остановке, и тут обнаружил, что забыл в редакции листок с телефоном астролога. Пришлось повернуть обратно.

Саши на прежнем месте не было. Гена сидел, облокотившись о стол и меланхолично смотрел в пустой дисплей. Видимо, все еще переживал давешнюю выволочку, сделанную ему Михаилом Коганом. Увидев детектива, он чуть приподнялся, словно собираясь встать по стойке смирно. Натаниэль жестом усадил его на место.

– Вы что-то забыли? – спросил Гена.

– Да, записал номер телефона вашего астролога и забыл... Ага, вот он, – Натаниэль взял бумажку с записью.

– Она? – спросил Гена.

– Да. А где Саша?

- Его редактор вызвал. Если хотите, я схожу, – Гена вскочил.
- Нет-нет, – Натаниэль благодарно улыбнулся. – Он мне уже не нужен, спасибо... Гена, кажется, да?
- Гена кивнул.
- Всего хорошего, Гена.

17

У себя в конторе Розовски появился далеко после двух и в весьма плачевном виде. По дороге из редакции «Еджедневной почты» он вымок до нитки, попав под короткий и стремительный осенний дождь, так что пришлось заскочить домой и переодеться. Нацепив позапрошлогдние джинсы и столь же почтенные по возрасту свитер и куртку, Натаниэль помчался на работу, не реагируя на причитания матери, утверждавшей, что настоящий дождь только начинается. Как это всегда бывает, материнское пророчество сбылось с максимальной точностью, так что, войдя в контору Розовски больше напоминал водолаза, чем детектива. Или во всяком случае, детектива, долго и тщательно разыскивавшего затонувшие сокровища капитана Кидда.

Но молодой человек, сидевший с флегматичным видом в приемной напротив Офры, вызвал его раздражение вовсе не из-за плохой погоды. Просто меньше всего сейчас Натаниэль был расположен заниматься какими-то новыми делами и принимать новых клиентов. Поэтому он с максимальной скоростью проследовал в свой кабинет, бросив Офре по дороге: «Привет, зайди ко мне», и проигнорировав попытку молодого человека привстать из кресла и заговорить с ним.

Офра тотчас последовала за ним, решив, видимо, не ехидничать по поводу жалкого вида шефа.

- Алекс появлялся? – хмуро спросил Натаниэль.
- Нет.
- И не звонил?
- И не звонил.

Натаниэль нетерпеливо осмотрелся по сторонам, вытащил из шкафа нераспечатанную пачку бумажных полотенец и принялся с яростным ожесточением сушить волосы.

- Как ты себя чувствуешь? – спросила Офра.
- Как любимое блюдо моей младшей сестры, – буркнул Натаниэль.
- А что это за блюдо?
- Гефилте фиш, – пояснил Розовски. – Фаршированная рыба. До того, как ее нафаршировали, но уже после того, как ее поймали, – он остановился посреди комнаты, с очередным полотенцем в руке. Офра посмотрела на торчащие во разные стороны волосы шефа и фыркнула.
- Причешись.
- Именно это я и собираюсь делать. Что за тип сидит в приемной? Ты не можешь ему сказать, что я получил воспаление легких и скончался у тебя на руках только что?
- Могу, – легко согласилась Офра. – Но после этого Шимшон Дамари вряд ли пришлет нам нового стажера.

Шимшон Дамари, давний знакомый Натаниэля, был директором курсов частных детективов при иерусалимском городском бюро по трудоустройству.

- При чем тут Шимшон? – недоуменно спросил Натаниэль, окончив, наконец, приведение в порядок прически.
- Этого парня прислал Шимшон. Он говорит, что мы просили стажера, – объяснила Офра.
- Так это новый стажер?
- Ты прав, – сказала Офра с легким сожалением. – Насчет близости с любимым блюдом твоей сестры. Во всяком случае, по скорости понимания. Да, это новый стажер. И он ждет тебя с самого утра. Очень терпеливый и воспитанный молодой человек.
- Ладно, – сказал Натаниэль. – Давай его сюда.

Офра вышла, и в кабинет тут же вошел кандидат в стажеры. Натаниэль сел за стол и жестом указал на кресло для посетителей.

– Кто вы по гороскопу? – спросил он.

– Дуб, – коротко ответил молодой человек, ничуть не удивившись вопросу.

Зато очень удивился ответу Розовски.

– А что, есть и такое созвездие? – растерянно спросил он.

– Почему – созвездие? – молодой человек улыбнулся с легким чувством превосходства. – Я пользуюсь гороскопом друидов.

– А-а... Ну да, конечно, как же это я забыл... – пробормотал Розовски. – Конечно, гороскоп друидов, это же просто... Значит, дуб?

– Можно по имени, – любезно сказал молодой человек. – Меня зовут Илан.

– Очень приятно, Илан. Я – Натаниэль, очаровательная девушка в приемной – Офра, мой секретарь. Есть еще Алекс Маркин, мой помощник, думаю, вы познакомитесь с ним завтра... – Розовски вытащил из кармана куртки сигареты, тщательно осмотрел. К счастью, пачка не промокла. Он выудил сигарету, неторопливо размял ее. – Вы курите, Илан?

– Нет.

– Смотри-ка! – удивился Розовски. – Такое впечатление, что вокруг меня все бросают курить. Придется подумать над этой проблемой. А что по поводу курения говорят друиды? – с интересом спросил он.

Молодой человек набрал полный легкие воздухом и, к ужасу Натаниэля, прочел небольшую, но очень емкую лекцию о кельтах, друидах, особенностях их религии, причем непостижимым образом увязал все это с вредом курения и спецификой наркотического воздействия никотина на умственные способности. Розовски растерялся окончательно. Будущий стажер обладал располагающей к себе внешностью человека, безусловно не прочитавшего в своей жизни ни одной книги, кроме инструкции пользования холодильником «Амкор».

– Ну даешь! – сказал Розовски, когда Илан замолчал. Молодой человек пожал плечами и ничего на восхищенный возглас не ответил.

– Хорошо, – Натаниэль вздохнул. – Твои познания меня убедили окончательно. Тем более, что нам действительно нужен стажер. Тестов мы не проводим, документы у тебя, надеюсь, в порядке.

Илан протянул Натаниэлю пластиковую папку с бумагами. Розовски, не читая, отправил папку в ящик.

– Вопрос номер один, – сказал он. – У тебя машина есть?

– Есть.

– И сегодня ты на машине?

– Да.

– Замечательно. Изучал на курсах азы уличной слежки?

Илан молча кивнул.

– Прекрасно. Будем проверять твои познания на практике. Не возражаешь?

Парень отрицательно качнул головой. «Очень разговорчивый молодой человек, – подумал Розовски. – Ценное приобретение. Главное, не задавать вопросов о друидах». Вслух сказал:

– Послушай, Илан, мне некогда вводить тебя в курс дела. Скажу только, что необходимо проследить за одной молодой дамой. Вот за этой, – он вынул из ящика стола фотографию Головлевой и показал ее стажеру. – Запомнил?

Тот кивнул.

– Рассмотрите, рассмотрите повнимательнее... Она проживает в Яффо вот по этому адресу, – Натаниэль черкнул на бумажке несколько слов. – Улица Тель-а-Мелах, 132, квартира 16. Но в квартиру входить не придется, это так, на всякий случай. Ты должен отправиться на эту улицу. Меня интересует, куда она может сегодня пойти и с кем встретиться. Вне дома.

Кивок.

– Вопросы есть?

– Подозреваемая? – коротко спросил Илан, кивнув на фотографию.

– Клиентка, – так же лаконично ответил Натаниэль.

Илан не выразил особого удивления, но Розовски счел необходимым добавить:

– Она не очень довольна этим обстоятельством. И я хочу знать то, что она, возможно, не считает нужным нам сообщать.

– Время наблюдения? – спросил Илан, поднимаясь из кресла.

– Сегодня до двенадцати. Утром доложишь. Кстати говоря, учти: дама не знает иврита. Почти не знает. Возможно, если она встретится с кем-то, то беседа пойдет по-русски. Тебя как, не смущает это?

Илан отрицательно качнул головой и вышел из кабинета, оставив Натаниэля гадать: юноша полиглот или его бабушка из России?

18

Алекс появился в конторе без пяти минут шесть, когда Розовски приканчивал девятую чашку кофе. Пепельница рядом с ним полна была окурков. Кроме того, окурки лежали на блюде. Пачка «Соверена» почти опустела. Увидев помощника, он спросил:

– Ты не помнишь, в каком веке был изобретен телефон?

– В девятнадцатом, – ответил Алекс. Он пододвинул кресло ближе к столу, сел и удовлетворенно вздохнул. – Наконец-то дома! Офра, налей мне тоже кофе!

– Офра, ни в коем случае! – воскликнул Натаниэль. – Пока он не даст убедительного объяснения своему опозданию – никакого кофе.

– Это пожалуйста, – заявил Алекс. – Только объяснение будет долгим, нельзя ли сначала кофе? Я, между прочим, за весь день съел один сэндвич.

– И потому не смог позвонить?

– Вот именно. Сил не было.

– Ладно, – сдался Розовски. – Офра, можешь сварить ему кофе. А то у него не достанет сил оправдаться.

– Во-первых, я вовсе не собираюсь оправдываться. Я скрупулезно выполнял твое задание. Сейчас изложу. И, кстати, в конце для тебя будет задачка.

– Какая задачка? – подозрительно спросил Натаниэль.

– Давай по порядку, хорошо? – Алекс внезапно стал очень серьезным, поэтому Натаниэль больше ничего не сказал и приготовился слушать.

Маркин извлек из кармана толстый блокнот, перелистал его, нашел нужную страницу. Некоторое время смотрел на каракули, понятные только ему самому. Розовски вспомнил, что его помощник пользовался системой записи, позаимствованной из очередного фантастического романа.

Офра принесла кофе, осуждающе посмотрела на гору пустых чашек, но ничего не сказала и удалилась.

– Шломо Меерович, – начал Алекс. – Тридцать пять лет. В Израиле с 88-го года. Женат вторично. Первый брак – еще в СССР, с Ларисой Головлевой. Ну, это тебе известно. Вторая жена, Даля Меерович, в настоящее время находится в Европе. Поехала по туристической путевке, купленной в фирме «Бест-тур». Три дня во Франции, три – в Голландии, три – в Германии.

– Когда уехала и когда должна вернуться? – спросил Натаниэль.

– Уехала за три дня до смерти мужа. Возвращается через неделю. Впрочем, – Алекс оторвался от записей, – если ей смогут сообщить о случившемся, возможно, вернется раньше. Или не вернется, – добавил он после крошечной паузы.

– Не вернется? – Натаниэль вопросительно посмотрел на помощника. – Что ты имеешь в виду?

– Перед отъездом она крепко поскандалила с мужем, – пояснил Маркин. – По словам соседей, Даля ушла из дома.

– Куда?

– Соседи уверяют, что к матери. Проверить не успел: мать Далии живет в Димоне.

– А позвонить? – спросил Натаниэль. – Слушай, может быть, у тебя инстинктивная нелюбовь к телефонам? Не стесняйся, говори. У меня, например, идиосинкразия к автомобилям. А у тебя, возможно, к телефонам.

– Никакой идиосинкразии у меня нет, – сердито ответил Маркин. – Ни к телефонам, ни к автомобилям. К бандеролям и телеграммам тоже. Просто я собирался выяснить это завтра. В конце концов, ее группа, действительно, улетела в четверг, за три дня до убийства, как я и говорил. Это я проверил в «Бест-тур».

– Вопрос, была ли она в этой группе.

– Если верить документам...

– Я, вообще-то, предпочитаю верить собственным глазам, – сердито заметил Натаниэль. – Документы... Помнишь историю Шмулика Бройдера? Ладно, давай дальше. Причину скандала выяснил?

– Если верить Циппоре Файнблум...

– Кто такая Циппора Файнблум? – спросил Натаниэль.

– Пенсионерка, живет в том же подъезде.

– Ясно. Я недавно уже думал о том, что в полиции следует создать особое подразделение по работе с такими вот старушками. И что же пенсионерка?

– Если верить Циппоре Файнблум, причина скандала – женщина. Она утверждает, что Шломо Меерович завел роман на стороне.

– Кто она?

– Пока не знаю.

– Так выясни! – проворчал Розовски. – Бог знает где носился, а...

– Где я носился, о том рассказ впереди, – сообщил Маркин. – Мне продолжать?

– Продолжай.

– Обычно супруги Меерович проводили отпуск вместе. Нынешний случай – первое исключение из правила. Она – в Европе, он – дома, в Тель-Авиве.

– Так... – сказал Розовски задумчиво. – Значит, поссорились из-за женщины. Впрочем-то, косвенно подтверждает... Как думаешь, – спросил он, – она могла, в действительности, остаться в Тель-Авиве? Создать у окружающих впечатление, будто махнула с горя в Европу, а сама остаться здесь и...

– И причинить нам массу неудобств, – закончил Алекс.

– Мягко говоря. Ладно, по этой даме все?

– В общем, да. Детей у них не было. Да, еще: у Далии это тоже не первый брак.

– Первый муж?

– Живет в Холоне. Они практически не общаются.

– Ин-те-рес-но... – протянул Натаниэль. – Не общаются, говоришь? Но, надеюсь, адрес его у тебя есть?

Маркин кивнул.

– Скажи, а эта твоя пенсионерка – она не видела эту гипотетическую женщину?

– Нет. По ее мнению, Шломо встречался со своей пассией где-то в другом месте.

– А о вечере убийства госпожа Файнблум ничего не рассказала? – с надеждой поинтересовался Натаниэль.

– Увы, – Алекс развел руками. – В тот вечер она была на дне рождения у внука.

– Ч-черт... Всегда вот так, – мрачно посетовал Натаниэль. – Когда эти старушки нужны, их не бывает на месте.

– Теперь все, – сказал Алекс. – По супружеской жизни.

– Чем занимался Шломо Меерович? Работа, бизнес? Выяснил?

– Конечно, выяснил. У него посредническая контора, – ответил Алекс. – На Дизенгоф. Продажа-аренда квартир.

– Никаких проблем с финансами в последнее время не было?

– Не было, – Алекс отложил в сторону блокнот и взял чашку с кофе. Розовски воззрился на помощника с нехорошим удивлением.

– Ты что? – спросил он. – Это все сведения, которые ты собрал за целый день? Немедленно поставь чашку и рассказывай дальше, шут гороховый!

Алекс с видимым удовольствием сделал большой глоток и только после этого ответил:

– Во-первых, я не шут. И представь себе, это далеко не все, что я узнал. Сейчас ты услышишь самое интересное: причину моего опоздания, – он поставил чашку на блюдце. – Перед обедом я решил заехать в контору Мееровича...

– Слава Богу, – буркнул Натаниэль. – Я уж думал, что и об этом придется напоминать.

– Не перебивай. Так вот, я решил заехать, тем более – по дороге, – он немного помолчал. – Поставил машину на углу, метрах в двадцати от входа. Сначала хотел зайти: дескать, интересуюсь ценами на жилье. Потом решил немного понаблюдать за суровой жизнью квартирных маклеров.

– И как она тебе показалась? – хмуро спросил Натаниэль.

– Жизнь? Не знаю, как у других, а вот в бюро покойного Мееровича она довольно любопытна.

– Поясни, – потребовал Натаниэль.

– Пожалуйста. Среди прочих посетителей, вполне заурядных, я обратил внимание на нескольких типов.

– Незаурядных, – подсказал Розовски.

– Да, незаурядных. Правда, их было немного – человека два-три.

– И что же? – спросил Натаниэль. – Чем они тебе так не понравились?

– Как тебе сказать... – Маркин задумался. – Начнем с того, что они показались мне знакомыми.

– Вот как? – Натаниэль насмешливо улыбнулся. – Да, это безусловно подозрительный момент. Я всегда полагал, что ты, в свое время, вращался в дурной компании.

– А можно без шуток? – вежливо попросил Маркин. – В конце концов, среди твоих знакомых тоже есть постояльцы Абу-Кабира. Не так ли?

– Я и не спорю, мне везло на очень и очень дурные компании. А серьезно? Откуда знакомые?

– Знаешь, – сказал Алекс, – если бы я встретил их в районе старой автостанции – скажем, на Нэве-Шаанан – я бы не удивился. Особенно, возле какого-нибудь массажного кабинета.

– А в посреднической конторе их появление тебя удивило?

– Представь себе, да. То что там присутствует какой-то нелегальный бизнес – и говорить ничего, достаточно было взглянуть на этих типов.

– Ну, взглянуть – это не доказательство, – возразил Розовски. – У меня был учитель истории, добрейший человек. И очень интеллигентный. Но стоило ему вечером появиться на улице – все хулиганы разбежались... – он задумался, потом рассеянно спросил: – Кто, говоришь, принимал их там?

– Ничего я не говорю. Я там не был.

– Значит, несмотря на смерть хозяина, бюро продолжает работать, – сказал Розовски.

– В этом-то, как раз, ничего необычного нет, – сказал Маркин. – Я могу допить кофе?

– Что?... Да, пей, пей. Я тоже выпью. Скажи, Шломо Меерович был единственным хозяином? Партнеров у него не было?

– Не знаю.

– Больше ничего?

Маркин покачал головой.

– Я решил, что мозолить глаза не следует.

– Понятно... Да, интересно, интересно, – задумчиво сказал Розовски. – Семейная жизнь интересная. Да и деловая тоже. Есть какие-нибудь идеи?

– Никаких. Насчет идей ты у нас мастер. Я что вижу, то и докладываю. Без фантазий.

– Ну-ну, – Розовски сел напротив Маркина. – А предполагаемые махинации в квартирном бюро – это, разумеется, не фантазии.

– Интуиция, – коротко ответил Маркин.

– Я не верю в интуицию, – Розовски поморщился. – Хотя в этом деле все как-то... – он замолчал. – Как-то не так. Гороскопы, предчувствия.

– Вот видишь!

– Ничего не вижу. Ладно, я подумаю. Да, забыл тебе сказать: у нас появился новый стажер.

– Да? Опять из Иерусалима?

– Да, Шимшон прислал. Я его просил недавно.

– И как он? – с интересом спросил Маркин. – Стажер?

– Посмотрим завтра. Я поручил ему слежку за Головлевой.

– Ты, все-таки, подозреваешь нашу клиентку? – Алекс покачал головой. – В таком случае, не лучше ли отказаться от этого дела? Нельзя же искать возможность оправдания человека и одновременно подозревать его в совершении преступления!

– Во-первых, можно, – произнес Натаниэль задумчиво. – Во-вторых, нам поставлена конкретная задача: найти свидетеля. Я, кстати, уточнял у Грузенберга: что будет, если свидетель подтвердит виновность его клиентки.

– Нашей клиентки, – поправил Маркин.

– Все-таки, его клиентки, – возразил Розовски. – Нашим клиентом, строго говоря, является адвокат Грузенберг. Из расчета пятидесяти шекелей в час. Так и в соглашении записано. Черным по белому.

– В-третьих?

– Что – в-третьих?

– Ты сказал: «Во-первых, во-вторых...» Что в-третьих?

– В-третьих, я никого не подозреваю, – сказал Натаниэль. – Я просто прорабатываю версии.

– А у тебя есть версии?

– Нет.

Маркин засмеялся.

– Очень логично. Так что у нас новенького? Кроме появления стажера. Как его зовут?

– Илан. Очень серьезный молодой человек. Нового... – Розовски закурил очередную сигарету. – Новое то, что астрологией сейчас занимаются все кому не лень.

– Ну и что?

– Да нет, ничего, – сказал Натаниэль. – Просто отсюда все странности... – он поднялся на ноги, с хрустом потянулся. – Так, – с удовольствием произнес он. – На сегодня достаточно. Как там на улице? Дождь?

– Давно кончился, – ответил Маркин. – Тебя подвезти?

19

– Познакомься, Алекс, – сказал Натаниэль. – Наш новый стажер, Илан.

– Очень приятно, – Маркин с улыбкой пожал руку парню. – Как вчерашний день прошел?

– Нормально прошел, – Илан коротко глянул на зарывшегося в бумаги Натаниэля. – Без происшествий. Рассказать?

Розовски с досадой отбросил в сторону пачку конвертов.

– Вечно одно и то же... – проворчал он. – Офра, можешь ты мне объяснить, почему у нас сплошные долги? Разве мы не платили в прошлый раз за телефон?

Офра вплыла в кабинет, окинула взглядом Алекса и Илана и только после этого соизволила обратить внимание на раздраженного шефа.

– Позволь задать тебе один вопрос, – сказала она мягко.

Натаниэль с подозрением посмотрел на нее. Приняв этот взгляд за разрешение, Офра набрала воздух и около пяти минут излагала свое мнение по поводу агентства вообще, своего начальника в частности, а также его отношения к подчиненным.

– Что же касается телефона, – сообщила она в заключение, – то я могу просто отключить его. Будете общаться с помощью телеграмм, – Офра мгновенно согнала с лица любезную улыбку и грозно уставилась на слегка обалдевшего Натаниэля. Маркин сказал:

– Офра, запиши речь. Я выучу.

– Свободна, – буркнул Натаниэль, придя в себя. – Илан, садись, рассказывай. Постарайся не упустить ни одной мелочи. Ты тоже послушай, – кивнул он Алексу.

Илан огляделся, пододвинул кресло, сел. Алекс сел напротив.

– Итак? – Натаниэль вопросительно посмотрел на невозмутимое лицо стажера. – Мы слушаем.

– Поначалу ничего интересного не происходило, – сказал Илан. – Около двух часов просто сидел в машине перед подъездом. Никто не выходил и не входил. Я уже решил, что придется просто ждать до двенадцати. Примерно в четыре-тридцать ваша клиентка...

– Наша, – поправил Розовски. – Наша клиентка.

– Ну да, наша клиентка вышла из дома в сопровождении мужчины. Лет тридцать пять-сорок, прилично одет. Оба выглядели не очень веселыми. Во всяком случае, озабоченными. Сели в светло-голубой «дайатсу».

– Как он пришел, ты не видел? – спросил Алекс.

– Не видел.

– Может быть, просто не заметил?

– Вот еще! – лицо Илана оставалось невозмутимым, но по голосу чувствовалось, что вопрос его обидел. – Я же говорю – глаз не сводил с подъезда. Он пришел раньше, чем я подъехал. Я ведь там был в два-сорок пять.

– Когда ты подъехал, машина уже стояла у подъезда? – спросил Натаниэль.

– Да. Правда, я не знал, имеет ли она отношение к клиентке. Так, отметил про себя.

– А номер?

– Номер... – Илан достал из кармана куртки блокнот. – Номер я записал. Сразу же, на всякий случай. Других машин на улице не было. Вот: «399–411».

– Алекс, запиши, – распорядился Розовски. – Светло-голубой «дайатсу» номер «399–411». Продолжай, Илан, – кивнул он стажеру. – За руль сел мужчина?

– Естественно. И уехали, – Илан замолчал. – Я поехал за ними, – после небольшой паузы добавил он и вопросительно взглянул на Натаниэля.

– Все правильно, молодец, – Натаниэль поощрительно улыбнулся. – Надеюсь, они тебя не заметили?

– Не заметили. Думаю, им было не до меня.

– Вот как? – Натаниэль посмотрел на Алекса. Тот пожал плечами. – Почему ты так думаешь, Илан?

– Я ехал, сразу за ними, но в другом ряду, – ответил Илан. – Задние стекла у «дайатсу» не были затемнены. Так вот, всю дорогу они ссорились.

– Ссорились?

– Или препирались. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Лицо Натаниэля выразило сомнение, но он промолчал.

– Ехали через весь город, – продолжил Илан. – Несколько раз я едва не потерял их из виду. Вот уж никак не думал, что во второй половине дня в центре такое движение, – пожаловался он. – К тому же я не мог приклеиться к ним вплотную. На светофоре...

– Лирические подробности потом, – перебил Розовски. – Куда они направлялись?

– Мы приехали на улицу... – Илан снова заглянул в блокнот. – Вот: Улица Мигдалей-Кнааним, дом 18, – он протянул адрес Натаниэлю. Розовски, не глядя, отложил листок в сторону:

– Дальше, – адрес ему ни о чем не говорил.

– Они довольно долго не выходили из машины. Продолжали ссориться. Потом она... наша клиентка вышла. Лицо ее было весьма раздраженным. Хлопнула дверью и ушла. Ушла очень быстро.

– Ты проследил, куда?

Илан огорченно развел руками.

– Не было возможности, – сказал он. – Там как раз занесло семитрейлер, он перекрыл дорогу. Сама улица узкая, едва разъедешься.

– Понятно... А ее приятель? Остался в машине?

– Нет. Немного подождал. Я думал – тоже ждет, пока грузовик развернется. Но он вышел из машины и вошел в подъезд. Пробыл там недолго... – Илан немного замялся. – Я решил, раз я все равно не могу проследить за клиенткой, найду-ка и посмотрю, куда пошел ее друг. Они ведь явно собирались вместе. Мне кажется, он всю дорогу уговаривал ее зайти, а она отказывалась. И в конце концов ушла.

– Выводы потом, ладно?

Илан пожал плечами.

– Так куда же он вошел? – спросил Алекс.
– Квартира 8, – ответил стажер. – Но он не вошел. Никого не было дома. Во всяком случае, ему никто не открыл. Он несколько раз позвонил и вышел.
– Понятно. Дальше?
– Дальше мы уехали. Дорога уже была свободна, так что – сначала он, потом я.
– Больше ты не следил за ним?
Илан снова замялся.
– Следил, – ответил он. – А что?
– Куда он поехал потом?
– Улица Швуот, 29. Там он тоже пробыл недолго.
Розовски изумленно уставился на стажера.
– Повтори последний адрес! – приказал он.
– Швуот, 29, – послушно повторил Илан. – А в чем дело?
– В Тель-Авиве? – на всякий случай, уточнил Розовски.
– Конечно.

20

– Ты запомнил, как он выглядит? – спросил Розовски после короткого замешательства.
– Запомнил.
– Опиши!
– Лет тридцать пять, я уже говорил. Ну, может – тридцать восемь. До сорока, во всяком случае. Рост средний, – начал перечислять приметы Илан. – Выглядел вполне прилично. Серый костюм, коричневые туфли. Галстук в тон, дымчатые очки. По-моему, немного близорук, когда подъезжали к дому – на Мигдалей-Кнааним – долго присматривался к табличке, придерживая очки, – стажер немного помолчал. – Вообще похож на бизнесмена. Так мне показалось. Не из миллионеров, конечно, но...
– А почему не из миллионеров? – перебил Розовски.
– «Дайтсу» не «вольво», – ответил Илан. – И галстук не от Кардена.
– И очки не в золотой оправе, – подсказал Маркин. – Очень точное описание.
Стажер хмуро посмотрел на него, но ничего не ответил.
– Не придирайся, – строго сказал Розовски. И снова обратился к Илану: – Какие-то особенности, может быть, мелочи? Ничего такого не заметил?
– Я же не подъезжал близко.
– Понятно. Так ты полагаешь, они не ездили просто покататься? Знаешь, решили проветриться, по дороге у женщины потекла тушь или случилось что-нибудь с колготками. Она захотела вернуться, а он возражал. Ну и поссорились. Или это выглядело более серьезно?
Илан открыл было рот, но сказать ничего не успел. Дверь распахнулась, и несмотря на протестующий возглас Офры, в кабинет влетел Зеев Баренбойм, как всегда шумный и веселый.
– Привет всем! – закричал он. – А тебе, Натан – мои поздравления! – он потряс зажатой в руке газетой. – Вот это я понимаю – реклама.
В душе Натаниэля зашевелились нехорошие предчувствия.
– Спасибо за поздравления, – настроенно сказал он. – А можно узнать, с чем ты меня поздравляешь? Все праздники кончились неделю назад. А день рождения у меня в ноябре.
– При чем тут день рождения? – Баренбойм плюхнулся в свободное кресло и с наслаждением вытянул ноги. – Я об интервью.
– Что-что?! – Розовски выхватил у него газету. – Какое еще интервью? – он развернул газету и прочитал на первой полосе: «Натаниэль Розовски: русской мафии в Израиле нет!» Фраза была вынесена в заголовок и соперничала с ним размерами и расцветкой. Можно было предположить, что Натаниэль Розовски если не премьер-министр Израиля, то уж, во всяком случае, министр внутренней безопасности.

Газета выпала из рук детектива.

– Он что, с ума сошел?! – потрясенно спросил Розовски.

– А? – Баренбойм озадаченно посмотрел на Натаниэля, перевел взгляд на его помощников. Алекс откровенно хихикал. Лицо Илана было невозмутимым. – В чем дело? Чем ты недоволен? По-моему, очень красиво. Я даже позвонил Мише и поблагодарил от твоего имени.

– Да? – мрачно произнес Натаниэль. – Поблагодарил? – первый шок уже прошел. Розовски снял трубку. – А я вот его сейчас сам поблагодарю, – угрожающе сообщил он Баренбойму, набирая номер «Ежедневной почты». – Алло! – сурово сказал он. – Михаил Коган? Когда будет? Завтра? Нет, ничего передавать не надо, – Натаниэль положил трубку. – Завтра так завтра. Нагряду как снег на голову, – мечтательно произнес он. – И тогда... – он поднялся из-за стола. – Ладно, у меня уже нет времени. Алекс, ключи от машины!

– О Боже... – пробормотал Маркин, подчиняясь. – Сколько можно...

– Что? – Розовски остановился в дверях. – Ты что-то сказал?

– Нет, все нормально, Натан, – поспешно заявил Маркин. – Я просто хотел спросить: нам что делать сегодня? Или ты скоро вернешься?

– Вам? – Розовски на мгновение задумался. – А ты отправляйся в Димону. К матери Далии Меерович. Выясни, что она знает об отношениях своей дочери с мужем – в последнее время. Ну и, конечно, насчет того, что тебе сказала соседка-пенсионерка. Потом: ты сказал, что есть адрес бывшего мужа вдовы Меерович. Попробуй навестить его.

– Ну-ну, – мрачно заметил Алекс. – Ты мне даешь командировку на несколько дней?

– С чего вдруг?

– Ты же забираешь машину!

Натаниэль несколько озадаченно посмотрел на ключи в собственной руке.

– Да, действительно. Что же делать?

– Я могу тебя подвезти, – предложил Илан. – Если у тебя нет других планов.

– Прекрасно! – обрадовался Розовски. – Алекс, забирай ключи и отправляйся.

Маркин пулей вылетел из кабинета.

– Жду тебя вечером! – крикнул вдогонку Натаниэль. – Вперед, Илан. Зеев, извини, дела.

Баренбойм успел лишь огорченно развести руками.

21

– А куда это мы едем? – спросил Натаниэль, словно очнувшись от сна.

– Вообще-то, еще не едем, – сообщил Илан, выворачивая руль до предела, чтобы избежать столкновения с встречным грузовиком. Грузовик – вернее, его водитель – мало внимания обращал на прочие автомобили. Тем более, на такую крошку, как «фольксваген» стажера. – Мы пытаемся остаться целыми...

Натаниэль понаблюдал за грузовиком.

– Как думаешь, – спросил он парня, – во всем мире водители грузовиков солипсисты? Или только у нас в Израиле? «Весь мир – мое воображение...»

– Не знаю... Вот так, – удовлетворенно сказал Илан, выбравшись на более-менее свободную трассу. – Теперь жду указаний.

– Да? – Розовски задумчиво посмотрел на стажера. – Что, если мы наведем нашу клиентку? Ты уже был там. Вчера. Так что – выруливай, дорогой, в сторону Яффо. На улицу Тель-а-Мелех.

Илан послушно повернул на юг. За всю дорогу он больше не произнес ни слова. Натаниэль был благодарен ему за это. Начавшая было складываться картина преступления страдала отсутствием несколько достаточно важных деталей. И с этими деталями нужно было разобраться в кратчайшие сроки.

Заверещал радиотелефон. Натаниэль поморщился, вытащил аппарат из футляра.

– Слушаю.

– Натаниэль, это Грузенберг.

– Здравствуйте, Цвика, как дела?
– Спасибо, все хорошо. А как наши дела? – адвокат сделал ударение на слове «наши».
– Наши дела движутся, – сообщил Натаниэль. – Вместе с нами. Например, сейчас наши дела движутся в южном направлении. Я, кстати говоря, собирался вам звонить, но несколько позже. Вы виделись с подзащитной?
– Нет, разговаривал по телефону.
– Сегодня?
– Вчера.
Натаниэль хотел было спросить, не Цвика ли ссорился вчера с Ларисой в светло-голубом «дайатсу», но вовремя вспомнил о том, что у адвоката темно-вишневый «опель».
– Собственно, я звоню по вашей просьбе, – сказал Грузенберг. – Вы просили выяснить, когда возвращается вдова Мееровича.
– Когда же?
– Завтра, вечерним рейсом из Мюнхена. Как вы полагаете, Натан, мы сможем представить полиции свидетельства невиновности Головлевой в ближайшие дни?
Розовски пожал плечами, словно адвокат его видел. В трубку сказал:
– Абсолютной уверенности у меня нет.
– А неабсолютная есть?
– Тоже нет. Скажите, Даля Меерович уже знает о смерти мужа?
– Да, ей сообщили. Иначе она вернулась бы только через шесть дней, вместе с группой.
– Ясно... Скажите, Цвика, если честно – зачем вы звоните?
Голос адвоката звучал чуть смущенно.
– Видите ли, Натан... мне, право, неловко, но...
– Бросьте кокетничать, Цви, мы же деловые люди. Ваши клиенты хотят прекратить расследование?
– Если кратко, то да. Не то, чтобы прекратить, но высказывают явное недовольство вашей медлительностью. Это не мое мнение, я лишь передаю их слова.
– Я понимаю. Да, действительно, три дня на то, чтобы найти одного человека из пяти миллионов – это много. Учитывая исчерпывающую об этом человека информацию.
– Словом, я пообещал вас поторопить, – сказал Грузенберг. – Но только пообещал. В действительности вы можете действовать так, как пожелаете.
– Спасибо, – проворчал Натаниэль. – Если бы в деле не появилось несколько любопытных моментов, я охотно бросил бы его. Это все?
– Все.
– Хорошо. Передайте клиентам – послезавтра я жду их в конторе. В два часа дня. С вами, разумеется.
После небольшой паузы адвокат спросил:
– Это серьезно?
– Абсолютно, – буркнул Розовски и отключил аппарат.
– Приехали, – сказал Илан. – Вот этот дом. Номер 132.
– Вижу.
– Мне подождать?
– Конечно. Думаю, я ненадолго.

22

Если бы Илан последовал за шефом, то был бы весьма удивлен его поведением. Подойдя к квартире, в которой жила Головлева, Натаниэль некоторое время постоял перед дверью и даже потянулся к кнопке звонка. Но вдруг решительно повернулся и поднялся на третий этаж. При этом он подумал, что Лариса могла заметить его из окна. «Что ж, пусть ждет. Пусть чуть-чуть понервничает, это полезно».

Суровая Шошана оказалась дома. Окинув детектива взглядом с ног до головы, она изрекла:

– Воспитанные люди предупреждают о своем визите телефонным звонком.

– Полностью с вами согласен, – Натаниэль виновато улыбнулся. – Я дитя улицы, Шошана. Моим воспитанием никто и никогда не занимался. Мне даже иногда кажется, что все мои жизненные неудачи проистекают из этого. Клянусь, впредь я буду предупреждать о своем визите за год как минимум тремя заказными письмами и телефонным звонком.

– Ваши жизненные неудачи скорее всего происходят от вашего безусловного нахальства, – возразила Шошана. – Думаю, вы решили немного поиздеваться над пожилой женщиной. И это говорит... Впрочем, свой взгляд на уровень вашего воспитания я уже высказала, – прервала она сама себя. – Что вам угодно?

Розовски огляделся.

– А нельзя ли войти? – спросил он. – Как-то неудобно вести серьезный разговор на лестнице.

Шошана молча посторонилась, пропуская его внутрь.

– Спасибо, – поблагодарил Натаниэль.

– Садитесь, – величественно сказала Шошана. Розовски подождал, пока хозяйка сядет в громадное кресло, после чего сел напротив.

– Слушаю вас.

– Собственно, я уже вам представлялся, – начал Розовски. – Я частный детектив. По просьбе моих друзей пытаюсь по мере сил помочь вашей соседке выпутаться из неприятной истории. К сожалению, она не очень помогает мне в этом. Знаете, люди не всегда четко определяют, кто им друг, а кто нет. Ну, в жизни это встречается сплошь и рядом, вы согласны?

Шошана кивнула.

– Вот! – Розовски обрадовался так, словно выиграл в «тото». – Видите, вы это прекрасно знаете! А уж если говорить о моих клиентах... – он огорченно покачал головой. – Шошана, вы даже не представляете себе, насколько приезжие из России избегают каких бы-то ни было контактов с представителями закона. Даже такими, как я.

– Их запугали коммунисты, – сказала Шошана. – Ничего удивительного в этом нет.

– Совершенно с вами согласен, – сказал Розовски. По опыту он знал: для того, чтобы войти в контакт с малознакомым человеком, нужно заставить его почаще соглашаться с вами. И одновременно соглашаться с ним. Неважно, о чем говорить. Важно, чтобы человек кивал и поддакивал. Можете говорить банальности, можете ругать правительство. Но с последним легко и ошибиться: мало ли каких взглядов придерживается ваш собеседник.

– Мой покойный муж был репатриантом из Польши, – сказала Шошана. – Он приехал в сорок девятом, коммунисты уже были у власти.

– В таком случае, мне не нужно объяснять вам всех сложностей, – Натаниэль облегченно вздохнул. – Я имею в виду – психологических сложностей. Так вы позволите задать вам несколько вопросов? Кстати, – поспешно добавил он, – я хочу сразу же предупредить: вы не обязаны на них отвечать. Я не полицейский, я частный детектив. Ваши ответы – чисто добровольное дело.

Шошана негодуяще фыркнула:

– Если я не захочу отвечать, меня и полиция не заставит!

– Нисколько не сомневаюсь...

– Задавайте вопросы, – разрешила Шошана.

– Скажите, вы давно живете в этой квартире?

– С семьдесят шестого. Почти двадцать лет.

– О, – сказал Розовски уважительно, – вот это стаж... Вы хорошо знаете Мирьям Шейгер?

– Настолько хорошо, насколько можно знать соседку.

– Я полагал, что ваша соседка – Лариса, родственница Шейгеров, – сказал Натаниэль. – Разве они раньше жили в этом доме?

– В этом доме? Вовсе нет, – ответила Шошана. – И потом: не они, а она. Мирьям. Она жила здесь... время от времени.

– Вот как? – Розовски задумался. – Я полагал, что она сняла квартиру для родственницы, недавно.

– Она снимает эту квартиру почти год, – сказала Шошана. – Совсем не для родственницы. Для себя. Родственницу она здесь поселила, конечно. И, думаю, немного сожалеет об этом.

– Вот как? Да, видимо, неплохо иметь еще одну квартиру, – пробормотал Натаниэль. – Почему бы и нет, если человек может себе позволить... Иной раз хочется от всего отдохнуть, никого не видеть. Что ж, это понятно. Вполне понятное желание. Значит, она снимала эту квартиру около года, говорите?

– Да. Но, мне кажется, вовсе не для отдыха, – Шошана поджала губы. – Впрочем, можно назвать это отдыхом, но особого рода. Конечно, не мне осуждать чужое поведение, тем более – поведение молодой женщины, но она... Надеюсь, вы меня понимаете?

Розовски глупо захлопал глазами.

– Не для отдыха? – переспросил он. – Для чего же?

– Вы женаты? – спросила Шошана вместо ответа.

– Женат, – соврал Натаниэль.

Шошана кивнула.

– Холостяк бы скорее понял, – сказала она.

– Да, наверное, – согласился Розовски. – Кажется, я понял. Вы хотите сказать, что она встречалась в этой квартире с любовником?

– Она не рассказывала мне, – заявила Шошана. – Но глаза-то у меня есть, слава Богу. Она приезжала сюда два-три раза в неделю, иногда вечером (но не очень поздно), иногда – в первой половине дня. Вместе с мужчиной.

– С одним и тем же мужчиной? – уточнил Розовски.

– Конечно, с одним и тем же. Я не говорила, что Мирьям настолько распушена.

– Вы говорите: два-три раза в неделю, – сказал Натаниэль. – Значит, в остальные дни квартира пустовала?

– По-моему, да.

– Но ведь это расточительно! Платить за квартиру и пользоваться ею только от случая к случаю.

– Не уверена, что платила она, – сухие губы Шошаны сложились в многозначительную улыбку. – Но об этом я могу лишь догадываться.

– Конечно, конечно. Я понимаю. А после приезда Ларисы? – спросил Натаниэль с невинным видом. – Она не приезжала с этим мужчиной?

– Ну конечно, нет, – сердито ответила Шошана. – Это было бы верхом бесстыдства!

– Вы правы, – поспешно согласился Розовски. – Конечно, она не могла так поступить. В конце концов, может быть у них это серьезно. Я имею в виду Мирьям и этого мужчину.

– Не знаю. Конечно, нынешние нравы переменялись. Я бы на ее месте сначала развелась с мужем, а уж потом бы... – она замолчала.

– Вы совершенно правы, Шошана, – серьезно произнес Натаниэль. – В прошлый раз вы говорили, что Мирьям и Лариса недавно ссорились.

Шошана кивнула.

– Вы, случайно, не знаете причины?

– Конечно, нет! – резко ответила Шошана. – Не исключено, что тоже из-за мужчины. Знаете, современные молодые женщины... – она осуждающе покачала головой.

– А этот мужчина? Приятель Мирьям? Что вы можете сказать о нем?

– Ничего. Я видела его мельком, из окна.

– Но не один раз?

– Не один. Но что можно разглядеть из окна? Могу лишь сказать, что лысины у него нет. Довольно буйная шевелюра. Пожалуй, он старше Мирьям.

– Вы, конечно, знаете, когда именно случилось это... мм... неприятное происшествие? – спросил Розовски.

– Знаю. Кажется, в воскресенье, да?

– Совершенно верно, у вас прекрасная память.

– Не жалуюсь.

– Вы не видели, когда именно Лариса ушла из дома? В тот день?

– Около половины восьмого, – Шошана сказала это не задумываясь. – Я как раз стояла у окна («Традиционный наблюдательный пункт», – подумал Натаниэль, сохраняя на лице выражение

вежливой заинтересованности) и посмотрела на часы. В тот самый момент, когда она села в машину.

– Как вы сказали? – переспросил Натаниэль чуть озадаченно. – В машину? Вы имеете в виду такси?

– Нет, не такси. Нормальная легковая машина. Ждала ее. Но не у самого подъезда, чуть поодаль, – Шошана подошла к окну, поманила Натаниэля. – Вон там, видите? Вон, где сейчас стоит желтый автомобильчик, – она показала на «фольксваген» Илана. – Кстати, этот желтенький, по-моему, торчал здесь вчера довольно долго. Это случайно, не ваша машина?

– Нет, не моя, – честно ответил Натаниэль. О том, что это машина его стажера он вполне резонно решил не сообщать бдительной даме. – А машина, в которую села ваша соседка – вы не запомнили, как она выглядела?

– Во всяком случае, не так. Большая машина, современная. Особенно запомнить я не могла – уже стемнело. По-моему, светлая.

– Светлая, – задумчиво повторил Розовски. – Светлая... – он отошел от окна, снова сел в кресло. – Скажите пожалуйста, а как вы оцениваете вашу нынешнюю соседку? Я имею в виду – какой она вам показалась?

Шошана тоже вернулась на свое место.

– Трудно сказать, – ответила она. – Я ведь не могла с ней поговорить. Русского языка я не знаю, а она не говорит ни на иврите, ни на идиш. Но мне кажется, она все время ждет чего-то очень плохого. Или боится чего-то. Так мне кажется, – повторила она.

23

Поблагодарив Шошану, Натаниэль отправился к Ларисе. По его предположениям, Головлева должна была порядком понервничать за это время – если только видела, как он входил в подъезд.

Дверь отворилась сразу после звонка, что подтверждало его предположение.

– Здравствуйте, – Натаниэль улыбнулся. – Извините, что я без предупреждения.

– Ничего страшного, здравствуйте. Проходите.

«Она и правда нервничает, – отметил Натаниэль. – Интересно, по какому именно поводу?»

– Ждете кого-то? – спросил он, оглядываясь. В отличие от их первого посещения, сегодня квартира в Яффо не производила впечатления запущенной. Сравнение с логовом дикой кошки уже не приходило на ум.

Головлева чуть пожала плечами.

– Кого я могу ждать? – она взяла со стола пачку сигарет, закурила. – Садитесь.

Розовски сел на диван.

– Надеюсь вы изменили свое решение? – спросил он.

– Какое решение?

– Относительно нежелания отвечать на мои вопросы.

Головлева пожала плечами.

– Спрашивайте, конечно. Вы должны меня понять, я ведь была очень издергана. Весь этот кошмар... там, в квартире Семена. Приезд полиции, арест... Вам приходилось когда-нибудь ночевать в полиции?

– Неоднократно. Правда, я тогда сам был полицейским, – ответил Розовски.

Головлева улыбнулась – скорее, из вежливости.

– Да, это другое. Если хотите курить – пожалуйста, – сказала она, усаживаясь в кресло напротив. – Я забыла вам предложить, – она пододвинула сигареты детективу.

– Спасибо, – Натаниэль положил перед собой пачку. – Мне показалось, что вы не очень дружите с родственниками. Это так? – спросил он.

– Допустим, – Головлева нахмурилась.

– Могу я узнать причину?

Головлева молча смотрела на дымящийся кончик сигареты.

– Думаю, вы все равно узнаете, – наконец, произнесла она. – Если уже не знаете. Впрочем, какая разница. Мой бывший муж Семен...

– Шломо Меерович? – уточнил Натаниэль.

– Что? Ну да, Шломо. У него был роман с Мирьям. Собственно, они несколько лет были любовниками, – она вздохнула, погасила сигарету. – Они познакомились на нашей свадьбе. Мирьям была у меня свидетельницей. Мы действительно были с ней очень дружны когда-то. Выросли вместе, вместе учились. Говорят, были немного похожи друг на друга. Нас даже считали не двоюродными, а родными сестрами. Поэтому я не придавала особого значения тому, что она вдруг зачастила к нам после свадьбы. Мне и в голову не могло прийти... – Лариса замолчала. – В общем, детали, я думаю, не имеют значения, – она улыбнулась с некоторой долей искусственности. – Однажды я пришла домой с работы не очень вовремя.

– Это и стало причиной вашего развода? – спросил Натаниэль после небольшой паузы.

– Да.

– А когда вы восстановили отношения?

– Ну... – Лариса задумалась. – Я написала ей первый раз в прошлом году. Полтора года назад. Написала о себе, прислала фотографии. На празднование моего прошлого дня рождения пришло много народа. Веселились, у кого-то из гостей был фотоаппарат. Сделали кучу снимков. И я отправила...

– Те самые фотографии? – спросил Натаниэль.

– Что? Да, те самые, – Лариса нахмурилась. – Потому я и не помню точно, кому их дарила. Та фотография... Я считаю ее самой удачной, – она невесело улыбнулась. – Странно звучит, правда? Но тем не менее, на ней я выгляжу лучше всего. Так вот. Потом получила от них ответ. Вернее, от Мирьям. Очень хорошее письмо. И я подумала: в конце концов, родственников у меня больше нет, а дело прошлое. Я тогда уже собралась в Израиль...

– Но, похоже, вы не очень рассчитывали на теплый прием? – спросил Натаниэль. – Иначе зачем приезжать по туристической визе и только здесь подавать прошение о репатриации?

– Вы правы, – ответила Головлева. – Если бы я была уверена в ее отношении, я бы сразу оформила документы на выезд. Еще в России. Но, как видите, прошло больше года. И приехала я, все-таки, по туристской визе. И только после месяца жизни здесь подала документы в МИД. Вот, жду уже больше полутора месяцев. То забастовки, то праздники...

– А в течение этого года вы поддерживали какие-то отношения? – спросил Натаниэль. – Продолжали переписку?

– Да. Они поздравляли меня с праздниками. Со всеми. С днем рождения. И...

– И все это делала только Мирьям? Ицхак никак не участвовал?

– Нет, почему? Правда, мы не были знакомы, но в каждом письме он приписывал от себя несколько строк. Очень трогательно выглядело – он русский язык порядком подзабыл, особенно письмо... Думаю, он делал это по настоянию Мирьям. Он вообще очень послушен, – добавила Лариса несколько неожиданно.

– Мне тоже так показалось. И что же? Вы убедились в ее хорошем отношении?

– Да. Мы однажды поговорили с ней. Сразу после моего приезда. Выяснили, так сказать, отношения. И решили, что нечего воскрешать прошлое, – Головлева вздохнула. – После этого я и приняла окончательное решение.

– Понятно... – Натаниэль только сейчас воспользовался предложением хозяйки и вытащил сигарету. Головлева подала ему зажигалку. Кивком поблагодарив ее, он спросил: – Все-таки, Лариса, что послужило причиной вашей недавней ссоры? Я уже спрашивал вас, и вы сказали, что это не может иметь отношения к делу. Вы и сейчас так думаете?

– Не знаю, – ответила Головлева, отворачиваясь. – Все так запуталось. Но я могу ответить, если хотите, – она поднялась с места, подошла к окну. – Это произошло совершенно неожиданно, – сказала она, глядя на улицу. – Мирьям пришла поздно, часов около одиннадцати. Я заметила, что она возбуждена, но не стала задавать вопросов: мало ли что могло произойти. Предложила ей чаю. Она отказалась. И вдруг обвинила меня в том, что я приехала сюда только для того, чтобы встретиться с бывшим мужем!

– А это не так? – спросил Натаниэль. Головлева возмущенно повернулась к нему.

– Конечно, нет! – резко ответила она. – Я даже не знала, что он живет именно в Тель-Авиве... до того самого вечера.

– Понятно, – Натаниэль немного помолчал. – Мирьям объяснила, с чего вдруг она так решила?

– Нет. Дело в том, что я вспылила и наговорила ей гадостей. Думаю, вы сами понимаете. Вспомнила их прежнюю связь. Сказала, что она никак не может успокоиться. Что она, наверное, продолжает с ним встречаться. И в конце... – Головлева заколебалась. – В конце я пригрозила, что расскажу Ицхаку.

– Но у вас не было конкретных фактов? О том, что связь Мирьям с вашим бывшим мужем продолжалась и здесь, в Израиле?

– Нет, откуда... – видно было, что Лариса колеблется. – Какие-то подозрения были... А может быть, я просто внушила себе это, – сказала она.

– Вот как? И что же Мирьям?

– Ничего. Хлопнула дверью.

– Понятно... И все-таки: вы действительно считаете, что ваша кузина продолжала встречаться со своим старым любовником?

– Не знаю, – ответила Головлева. – До этого случая у меня не было оснований. Но теперь... – она замолчала и снова повернулась к окну.

Розовски тоже молчал. Казалось, все его желание поглощено было курением. Ларису Головлеву нервировала тишина за спиной, она несколько раз оглянулась на сидевшего в глубокой задумчивости детектива. Розовски докурил сигарету, поднялся.

– Спасибо за исчерпывающие ответы, – сказал он. – Еще один вопрос. Понимаю, что вам не доставит удовольствие вспоминать подробности того трагического вечера, и потому приношу свои извинения заранее. Тем не менее вынужден спросить... – Натаниэль помедлил. – Скажите, вы помните какие-нибудь подробности? Например... – он прошелся по комнате, остановился рядом с Головлевой. – Например, там, на столике – помните? – был накрыт ужин.

Головлева кивнула. Чувствовалось, что она очень напряжена.

– Вот, – продолжал Натаниэль, словно не замечая этого, – на столике стояли два недопитых бокала с вином, верно?

– Верно, – голос ее чуть подрагивал.

– На одном из бокалов должна была бы остаться полоска помады, правда? Если предположить, что хозяин принимал даму.

Головлева молча пожала плечами.

– Вы не обратили внимания? – спросил Розовски. – Не было помады на бокале?

– Мне было не до того, чтобы осматривать бокалы, – сухо ответила Лариса.

– Ну да, конечно, конечно... А сами вы какой помадой пользуетесь? – поинтересовался он.

– «Кэролайн», – ответила Лариса равнодушно. – Бледно-розовая.

Натаниэль кивнул.

– В тот вечер вы тоже пользовались ею?

– Да.

– А какой помадой пользуется ваша кузина – вы, случайно, не знаете?

– По-моему, из дорогих. «Ланком». Цвет... – она задумалась. – Ну, такой... вишневый. Ей идут яркие цвета.

– Ясно. Что ж, – Натаниэль вежливо улыбнулся, – не буду больше отнимать у вас время. Спасибо за терпение и – до свидания.

– До свидания.

У двери Розовски задержался.

– Чуть не забыл. Скажите, Лариса, вы знакомы с человеком по имени Геннадий Гольдман?

Головлева отрицательно качнула головой.

– Впервые слышу.

– Он работает в газете «Ежедневная почта», – добавил Розовски, внимательно глядя на женщину.

Что-то похожее на испуг мелькнуло в ее глазах. Но она быстро справилась с собой.

– Впервые слышу, – повторила Головлева. – Откуда я могу знать здешних журналистов?

– Действительно, – задумчиво произнес Розовски. – Откуда вам их знать?

– Теперь куда? – спросил Илан. – В контору?

Натаниэль посмотрел на часы.

– Теперь мы с тобой навестим еще одну даму. Думаю, успеем.

– Где?

– В прямо противоположной части города. Едем в Рамат-Авив. Улица Ганей-Авив.

Мирьям была дома одна. При виде детектива она внутренне напряглась. «Интересно, – подумал Розовски, улыбаясь с максимальной приветливостью, – кто в семье источник нервозности – муж или жена?»

– Простите, что побеспокоил, – сказал он вслух. – Надеюсь, вы понимаете? Я очень хочу поскорее закончить расследование.

– Приятно слышать, – ответила хозяйка. – Проходите.

– Да, видите ли, – беспечно заметил Натаниэль, – я вообще-то в отпуске. Цвика Грузенберг застал меня дома случайно. Как раз когда я готовился к отъезду. Хотел съездить на Север, в Кацрин. Вы бывали там?

– Бывала.

– Вдвоем с мужем?

– Да.

– Вообще, вы всегда отдыхаете вдвоем?

– Нет, – холодно ответила Мирьям. – Такое случается редко. Мы предпочитаем проводить отпуск раздельно.

– Понимаю. Так сказать, отдых друг от друга, – Натаниэль расположился в кресле у окна, с наслаждением вытянул ноги. – Вы не представляете, Мирьям, как тяжело ездить в собачьей конуре, притворяющейся автомобилем. Это не для меня... А у вас какая машина?

– У нас две машины, – Мирьям села напротив. – Простите меня, – сказала она с некоторым нетерпением, – но не могли бы вы перейти к делу? Вы ведь приехали не за тем, чтобы пожаловаться на прерванный отпуск и на плохую машину.

– Вы правы, конечно не за этим, – Натаниэль похлопал себя по карманам, вытащил сигареты. Вопросительно посмотрел на хозяйку. – Я не помню, вы курите?

– Нет, я не курю. Но вы можете курить, – она пододвинула пепельницу.

Розовски закурил, окинул обманчиво беззаботным взглядом салон.

– Это вы покупали? – спросил он, указывая на две картины, выполненные в псевдоавангардном стиле. – Вы любите современную живопись?

– Нет, это Ицхак. Был как-то на выставке, по-моему, месяц назад. Перед Рош-а-шана. Я в этом не очень разбираюсь.

– Понятно... Скажите, Мирьям, в чем была причина вашей недавней ссоры с Ларисой? – спросил он, сосредоточенно глядя на дымящийся кончик сигареты.

– Понятия не имею. Я пришла к ней, как обычно, вечером. Привезла кое-что... Ну, по мелочам. Она встретила меня чуть ли не в штаны. И сразу же начала говорить на повышенных тонах. Обвинила меня в этой старой истории. Ну, я думаю, вам она известна.

– Вы говорите так, будто заранее подготовились к ответам на эти вопросы, – заметил Натаниэль.

– Как же иначе? – Мирьям позволила себе улыбнуться краешками губ. – Я ведь ни о чем другом, кроме этого кошмара, думать не могу. Ваши вопросы вполне естественны, я сама задавала их себе сотню раз. Странно было бы, если бы вы не спросили об этом.

– Вы имеете в виду вашу связь с бывшим мужем Головлевой?

– Да.

– Она считала вас виновной в разводе?

– Да. Хотя, на мой взгляд, она сама виновата. Нет, я не хочу оправдывать ни себя, ни его. Просто она очень быстро охладела к нему. Не прошло и полугода после свадьбы, а он уже раздражал ее. Лариса вообще увлекающаяся натура. Так что...

– Вы были всерьез увлечены им?

– Я могу сказать даже, что была влюблена в него. Правда, он делал вид, что не замечает этого. До тех пор, пока не понял, что надоел молодой жене.

– То есть, ответив на вашу влюбленность, он всего лишь отомстил своей жене за равнодушие?

– Вовсе нет. Он вдруг почувствовал, что действительно любит меня. Меня, а не ее.

– Он сам вам сказал об этом?

– Дело не в его словах. Я почувствовала это много позже, когда... – Мирьям запнулась, почувствовав, что едва не сказала лишнего.

– Когда встретилась с ним здесь, верно? – закончил Розовски. – Ваша связь возобновилась уже здесь. И насколько я понимаю, квартиру в Яффо вы сняли для свиданий. Ведь договор аренды был заключен без малого год назад. А Лариса приехала недавно. Значит, снимали не для нее. Тоже самое говорит ваша соседка.

– Шошана? – Мирьям засмеялась. – Каждый раз, когда мы туда приезжали, она торчала у окна. Я сначала злилась, а потом привыкла. Значит, она вам сказала? Странно, чем-то вы ее подкупили. Вообще-то она не сплетница.

– Все люди сплетники, – заметил Розовски. – Просто не все об этом догадываются. Так что же? Я прав?

Мирьям кивнула.

– Собственно, вы бы все равно узнали об этом, – сказала она. – Не думаю, что есть смысл скрывать. Особенно теперь, после его смерти.

– Ваш муж, я полагаю, ничего не знает? – спросил Розовски.

– Даже не догадывается.

– А жена Мееровича? Она знала?

– Он никогда не говорил об этом.

– Понятно. Хорошо, вернемся к тому вечеру. Лариса обвинила вас в старом разводе. Что еще?

– Она заявила, что прекрасно знает о моем нынешнем романе с Шломо. И обо всем расскажет Ицхаку. Я не хотела слушать ее, по-моему, это была обыкновенная женская истерика. Может быть, днем она случайно увидела Шломо... а может быть, и не случайно. В общем, я ушла. Больше мы к этому разговору не возвращались.

– Как вы думаете, она бы выполнила свою угрозу? – спросил Натаниэль.

– Не знаю. Она непредсказуемый человек. В принципе, характер у нее добрый. Но под влиянием настроения она способна натворить Бог знает что.

– Ясно... – Натаниэль поднялся. – Вы так и не вспомнили, куда делась фотография Ларисы?

– Нет.

Розовски кивнул, прощаясь. У двери он остановился.

– Чуть не забыл. Какой марки ваша машина? – спросил он. – Ах, да, у вас их две.

– У Ицхака «хонда», – ответила Мирьям. – У меня – «Дайатсу»

– Светло-голубая? – уточнил Натаниэль. – Я имею в виду «дайатсу».

– Да.

– Номер 399–411, – уже не спрашивая, а утверждая произнес Розовски.

– Да, а в чем дело?

– Скажите, я мог бы осмотреть ее? В вашем присутствии, разумеется? – спросил вместо ответа Натаниэль. – Где она сейчас?

– На стоянке, рядом с домом. Пойдемте, – Мирьям не высказала ни удивления, ни раздражения.

Они вместе вышли во двор, на стоянку. Натаниэль еще не решил толком, что именно он хочет найти. Сев на место водителя, он рассеянно окинул взглядом салон.

– Вы ездили вчера куда-нибудь? – спросил он.

Мирьям отрицательно качнула головой.

– Ездил муж, – ответила она. – Он иногда берет машину.

– Понятно... – Натаниэль открыл бардачок, переложил лежащие там предметы. – Ничего, что я здесь роюсь? – спросил он. – Вообще-то частным детективам по закону не разрешается проводить обыски. Вы можете мне запретить.

– Смотрите, мне-то что? – холодно сказала Мирьям. – Я не запрещаю.

– Спасибо... – он нащупал в самом углу бардачка, под бумагами маленький цилиндрик, извлек его. Цилиндрик оказался тюбиком помады вишневого цвета. – Это ваша?

Мирьям взяла в руки помаду, повертела в руках.

– Нет, – ответила она чуть удивленно. – Не моя. Цвет похожий.

– Позвольте, – Натаниэль поднес тюбик к глазам. – «Барбара Клайн», – прочитал он. – А вы какой пользуетесь?

– «Ланком».

– Да, правильно... А эта, «Барбара Клайн» – дорогая помада?

– По-моему, из самых дешевых. Не знаю, откуда она взялась, – сказала Мирьям. – Может быть, Лариса забыла? Я несколько раз подвозила ее.

– По-моему она пользуется помадой другого цвета.

– Не знаю, – повторила Мирьям.

– Вы говорили, что муж недавно пользовался вашей машиной, – напомнил Натаниэль.

– Да, но... – Мирьям замолчала, лицо ее приобрело отрешенное выражение. Натаниэль некоторое время молча смотрел на нее. Вышел из машины, хлопнул дверцей.

– Послушайте, – сказал он. – Не стоит пока говорить ему об этом. Хорошо?

Мирьям не ответила.

– Это моя просьба, – настойчиво сказал Натаниэль. – Обещайте мне пока молчать.

– Хорошо, – Мирьям не смотрела на него. – Хорошо, обещаю.

– А помаду я возьму с собой.

Она равнодушно пожала плечами.

– До свидания, Мирьям.

25

– Ты будешь звонить в Америку? – спросила мать.

Натаниэль, только что вернувшийся домой и занятый своими мыслями, не сразу понял.

– Мальчик обещал приехать после Песаха, – напомнила мать. – Уже полгода как после Песаха.

Так что?

Речь шла о сыне Натаниэля Йосефе, жившем вместе со своей матерью в Бостоне. Натаниэль пожал плечами.

– Мне некуда звонить, – ответил он. – Йосеф сейчас в колледже. Живет в кампусе и домой приезжает в пятницу. Куда я буду звонить?

– Позвони ей, – сказала мать. – Скажи ей, чтобы она напомнила мальчику, – мать никогда не называла бывшую жену Натаниэля по имени, только «она».

– Она не передаст, – сказал Натаниэль. – Ты же прекрасно знаешь, что она не передаст. Она не хочет, чтобы мальчик приезжал, – такой разговор возникал между ними в среднем раз в месяц. Розовски мог не задумываться над ответами. Подсознание само подкидывало необходимые слова, это было довольно удобно. Но сейчас даже подсознание было занято совсем другими проблемами.

– Тряпка, – сказала мать.

– Ради Бога, мама, – с досадой сказал Натаниэль. – Можно я сначала поем?

Мать замолчала и вышла из кухни. Натаниэль пододвинул к себе тарелку с бутербродами и чашку кофе.

Спокойно поесть ему не дали. Едва он сделал первый глоток, как раздался звонок в дверь. Натаниэль насторожился. Услышав голос Зеева Баренбойма, весело здоровавшегося с матерью, он с тяжелым вздохом отодвинул чашку и вышел из кухни.

– Привет, Натан, – Баренбойм энергично потряс руку Натаниэля. – Я только сейчас узнал, что ты, оказывается в отпуске. Если ты в отпуске, то что ты делал сегодня на работе?

– Только сегодня? А вчера? – добавила мать. – Спросите его, Володя, спросите. Я уже молчу. Когда все люди ищут возможности устроиться на государственную службу, мой замечательный сын все бросает и нянчится с бандитами – не про вас, Володя, будь сказано. Хорошо. Пусть возится с бандитами. Пусть живет так, что матери стыдно смотреть в глаза соседям. Но он может себе позволить отпуск?

– Может, – твердо сказал Баренбойм.

– Нет! Он не может. Он незаменим.

– Да? – Баренбойм перевел взгляд на Натаниэля. Тот стоял с невозмутимым выражением лица.

– Натан, – сказал Баренбойм. – Я должен сводить тебя на кладбище, – он повернулся к Сарре. – Слышите, тетя Сарра? Я должен сводить его на кладбище!

– Зачем? – спросил Натаниэль. – Еще успею.

– На кладбище ты увидишь очень много людей, которым вовремя не нашлось замены, – серьезно сообщил Баренбойм.

Натаниэль хмыкнул.

– Ладно, – сказал он. – Мама, напои гостя чаем.

– С коржиками, – сказала Сарра. – Вы любите коржики, Володя?

– Ваши коржики? О чем вы спрашиваете, Сарра? – Баренбойм в восхищении закатил глаза. – Я их обожаю.

Мать с гостем пили чай, обсуждая последние новости – сначала израильские, потом зарубежные. Придумывать темы для обсуждения не стоило большого труда – перед приходом Баренбойма Сарра Розовски переключила телевизор на российскую программу.

– Вы слышали? В Киеве опять вводят новые деньги, – сказал Баренбойм.

В это время зазвонил телефон. Розовски взял трубку.

– Натан, я уже возвращаюсь, – по интонации Натаниэль понял, что Маркину есть о чем рассказать.

– Выкладывай, – сказал он, пытаясь не слушать разговор матери с гостем. Те, похоже, не обратили внимания на телефонный звонок и продолжали болтать с прежней громкостью.

– Они сошли с ума, – убежденно заметила Сарра.

– А что там у тебя за шум? Гости? – спросил Маркин

– Если это можно назвать так, – проворчал Розовски, слыша как Баренбойм объясняет Сарре Розовски тонкости изготовления бумаги с водяными знаками. Он прикрыл трубку рукой и сказал: – Вы не могли бы чуть-чуть приглушить громкость? У меня важный разговор.

Баренбойм с готовностью замолчал.

– Слава Богу, я застал дома тещу Мееровича, – сообщил Алекс. – Оказывается, в тот самый день он приезжал к ней.

– В какой день?

– В тот самый, когда его убили, – объяснил Маркин. – Насколько я мог понять, теща у них в семье имела решающий голос – по всем вопросам. Ну, это чувствуется с первого взгляда. Весьма серьезная дама... – Алекс издал короткий смешок. – По ее словам выходит, что Шломо примчался к ней попросить о содействии в восстановлении семейного очага. То есть, чтобы она переговорила с дочерью. По возвращении последней.

– А что – дочь приезжала после ссоры к ней?

– Да. И жила у нее все эти дни, до отъезда. Так что пожилая дама знала об их ссоре.

– Понятно. Значит, на вопрос – где провела эти дни Далия Меерович, мы получили ответ, – сказал Натаниэль. Он еще не решил, устраивает его этот ответ или нет. – Что еще?

– Ты спрашивал у меня – есть ли у Мееровича партнеры?

– Спрашивал.

– Есть. И звонил он своему партнеру из Димоны, при теще. В день убийства. Судя по разговору, партнер – мужчина. И Меерович назначил ему встречу у себя в квартире на семь часов вечера.

– На сколько?

– Ровно на семь. Кстати говоря, по мнению тещи, разговор был достаточно напряженным. Нервным. Суть пожилая дама не поняла, но точно помнит, что в конце разговора зять сказал: «Хорошо, это мы утрясем». И дальше назначил время встречи. Ну как?

– Замечательно, – мрачно ответил Натаниэль. – Просто здорово. Лучше не бывает. Версия номер тысяча четыреста тридцать два. По количеству версий мы скоро сравняемся с количеством резолюций ООН. Ну это ладно. Лишь бы результативность хоть немного отличалась. Дай-ка мне номер домашнего телефона тещи Мееровича. Надеюсь, ты не забыл поинтересоваться этим?

– Не забыл, – Маркин продиктовал Натаниэлю номер.

– Ладно, спасибо, Алекс. Ты молодец. Отдыхай, – Розовски положил трубку. – Итак, Зеев, – сказал он послушно молчащему Баренбойму, – чему обязаны визитом? То есть, я очень рад, но ты же не приезжаешь без дела?

– Я просто решил, что утром наш разговор получился скомканный, – объяснил Баренбойм. – Вот, решил поздравить тебя по-человечески.

– С чем? – спросила Сарра, подозрительно посматривая на сына.

– А он вам не сказал? – Баренбойм был страшно удивлен. – О нем же написали в газете!

– Да, – сказал Розовски. – Спасибо, что напомнил... – он быстро нашел в записной книжке номер домашнего телефона стажера.

– Илан? Забыл сказать: нужно, чтобы ты заехал завтра за мной в восемь-тридцать. Нам с тобой нужно нанести визит в редакцию «Ежедневной почты». На Швуот, 29.

26

– Ну вот, – сказал Розовски удовлетворенно. – А теперь поедem громить редакцию. Обожаю скандалы.

Конечно, он вовсе не собирался всерьез устраивать скандал Михаэлю Когану. В конце концов, его бывшие коллеги не читают газет на русском языке. Да и в статье ничего предосудительного сказано не было. Исключение составлял идиотский заголовок.

Но Розовски воспользовался поводом нанести еще один визит в редакцию газеты.

Когана на месте не оказалось, что несколько разочаровало Натаниэля. Он хотел дать относительно безобидный выход негативным эмоциям.

Стоя с разочарованным видом посередине редакции, Розовски заметил Сашу, который приветственно махал ему рукой. Детектив ринулся к нему, стремясь как можно быстрее преодолеть безумный лабиринт.

– Привет, как дела? – спросил Саша, когда Натаниэль, наконец, ввалился в его закуток. – Садитесь, я вас угощу кофе. Если вы к Михаэлю, так его сегодня уже не будет.

– Собственно, я скорее к вам.

– Опять гороскопы? – спросил Саша, включая чайник.

– Н-нет... А где ваш коллега? – спросил Розовски, оглядываясь по сторонам. – Такой приятный молодой человек, как его... Гена!

– Генки сегодня нет, – ответил Саша.

– Выходной?

– Да нет, вообще-то он должен был прийти. Но почему-то не пришел.

– Вот как? А что, это похоже на него?

– Вообще-то нет, – Саша в упор посмотрел на Натаниэля. – Вам нужен Гена?

– Допустим.

– А зачем – это вы, конечно, не скажете.

– Не скажу.

– Хорошо. Сейчас я позвоню ему и скажу, что есть срочная работа.

– Только...

– Не волнуйтесь. О вас я не буду говорить, – Саша снял трубку. – У нас всегда может случиться что-нибудь экстренное. Он не удивится... Странно, – сказал он, послушав некоторое время. – Похоже, его нет дома.

– А вы не знаете, где он может быть?

Саша пожал плечами:

– Ну, мало ли... Потом, я бы не сказал, что мы с ним близкие друзья. Видимся только на работе, – он замолчал, сосредоточившись на приготовлении кофе.

– Сегодняшний день для него рабочий? – спросил Натаниэль, принимая пластиковый стаканчик. – Спасибо... Так он, в принципе, должен был находиться здесь или нет?

– В принципе? – Саша задумался. – В принципе – нет, не должен был. У него, вообще-то, свободный график. Он сам решает, когда ему приходиться, а когда – нет... – он снова задумался, сосредоточенно глядя перед собой. Потом вдруг засмеялся. – Странно, вы не первый, кто задает мне такие вопросы!

– Вот как? – Натаниэль осторожно поставил стаканчик на стол. – А кто же был первым?

– Один господин, вчера. Приходил сюда, часов, по-моему, в пять – начале шестого. И очень интересовался рабочим графиком Гены.

– В начале шестого? – переспросил Розовски. – Интересно... А кем был этот господин? Он представился?

– Представился, – Саша кивнул. – Сказал, что они старые друзья, но обычно встречались дома, а вот сегодня... – он нахмурился. – Стойте, выходит, его и вчера не было дома! Так?

– Да, возможно... – неожиданная мысль возникла у Натаниэля. – Скажите, Саша, а вы сами бывали у него дома?

– Я? Один раз, по-моему. Или два. По делам. А что?

– То есть, вы знаете, где он живет?

– Н-ну-у... – протянул Саша. – Примерно... А вот я сейчас узнаю у секретаря! – он вскочил, едва не опрокинув чайник, и пулей вылетел из комнатки.

Натаниэль с удовольствием выпил кофе, осмотрелся. Стол исчезнувшего Геннадия был девственно чист. Видимо, перед уходом с работы, парень позаботился.

«А почему исчезнушем? – подумал Натаниэль. – В конце концов, парень мог просто загулять.»

Вернулся Саша.

– Есть! – сказал он торжественно. – Улица Мигдалей-Кнааним, 18, квартира 8.

«Они долго ругались, не выходя из машины, – вспомнил Розовски слова Илана. – Потом она ушла, а мужчина вошел в подъезд и поднялся в квартиру 8. В квартире никого не оказалось...»

– Что-то случилось? – озабоченно спросил Саша.

– Что? – Натаниэль непонимающе посмотрел на него. – Ах, да... Нет, надеюсь, что нет. Скажите, а этот вчерашний посетитель – вы могли бы его описать?

– Ну, можно попробовать. Словесный портрет, да?

– Да. Сколько ему лет, по-вашему, как одет? Не было ли особых примет, бросившихся в глаза?

Выслушав ответ, Розовски поблагодарил парня. Описание сходилось с тем, которое Натаниэль уже слышал от Илана. Знать бы еще, кто это...

Розовски вздохнул.

– Вы могли бы мне рассказать о Геннадии? Хотя бы в общих чертах: что он за человек, с кем общается, какие имеет привычки.

– Привык не убирать за собой, – проворчал Саша. – Вечно у него на столе черт знает что творится. И вокруг стола тоже.

– Вы не путаете? – недоверчиво спросил Натаниэль. – По-моему, у него на столе – идеальный порядок. Я уже обратил на это внимание.

– Я тоже. Потому и обратил, что вчера он, перед уходом, начал вдруг активно все убирать. Я онемел. Представляете, наш Геночка – и вдруг каждую бумажечку обследовал, все аккуратненько сложил и...

– Выбросил? – быстро спросил Натаниэль.

– Унес! – с удовольствием сообщил Саша. – Унес, как юный пионер на сборе макулатуры.

Натаниэль озабоченно нахмурился.

– Это после моего второго возвращения его обуяла любовь к чистоте? – спросил он. – Ах да, вы же... Он говорил, что я возвращался?

– А вы возвращались? – Саша удивился. – Зачем?

– Забыл телефон астролога... Значит, он вдруг полюбил порядок. Хорошо. Что-нибудь еще можете рассказать о нем?

– А зачем вам? – подозрительно спросил Саша. – Я как-то сразу не сообразил: вы же сыщик. Генка что, куда-то влип?

Натаниэль молча пожал плечами. Саша поджал губы.

– Мы с ним не были близкими друзьями. И я о его привычках и образе жизни не могу сказать ничего определенного, – сухо сказал он.

Розовски скривился как от зубной боли.

– Господи, Саша, ну что за советские комплексы... Сыщик, ничего не знаю. Что я – офицер КГБ? И выясняю, не рассказывал ли ваш товарищ анекдоты о Владимире Ильиче Ленине? – он покачал головой. – Черт-те... Неужели вы не понимаете, что тут произошло серьезное преступление? Неужели вы не видите, что ваш Гена что-то об этом знает? Что он вчера смертельно испугался чего-то? После моего визита.

– Испугался? – задумчиво переспросил Саша. – Да, пожалуй... Мне тоже так показалось. Хорошо, попробую рассказать. Только учтите, я действительно, знаю о нем не так много... – он замолчал, исподлобья посмотрел на детектива.

Розовски взял стаканчик с кофе, сделал глоток. Снова отставил стаканчик в сторону.

– Он производит впечатление человека, во-первых, не очень устроенного и во-вторых – неконтактного, – сказал Саша. – По-моему, он трудно сходится с людьми. Ни разу не слышал от него, что у него есть друг или друзья. Впрочем, говорят, многие художники такие.

– Он художник?

– Говорят, раньше был совсем неплохим художником. Даже выставлялся. Еще в Союзе. Здесь я о таком не слышал. У нас он просто подбирает материалы из российских газет для дайджест-разворота в еженедельном выпуске. Иногда делает оформление. На подхвате.

– Понятно. Что-нибудь еще вспомнили?

Саша немного помедлил, прежде чем продолжить.

– Как-то раз я видел его вечером не одного. В районе старой автостанции. Но компания, с которой он там гулял, меня не очень вдохновила, так что я даже не окликнул его.

– Он был пьян? – спросил Розовски. – Вообще, он злоупотреблял спиртным?

Саша покачал головой.

– Случалось.

– Скажите а есть ли у Гены родственники?

– Здесь?

– Здесь или в России.

– Насчет России не знаю, а здесь нет. Это точно. Живет он один.

– А подруга?

– Подруга есть. Зовут ее, по-моему, Лиора. Точно, Лиора.

– Живет в Тель-Авиве?

– Нет, в Холоне. Он несколько раз звонил ей при мне. А один раз звонил ей я, – Саша помрачнел. – Лучше бы не звонил. По его же просьбе, кстати говоря. Ему зачем-то надо было, чтобы я передал, будто он очень занят на работе и не сможет к ней приехать.

– Ну и как? Передали?

– Лучше бы не передавал. Получил по полной программе. До сих пор, как вспомню, уши горят.

Натаниэль с интересом посмотрел на его уши. Поскольку сидел Саша как раз напротив окна, уши его действительно горели ярко-рубиновым светом в солнечных лучах. Розовски хмыкнул и тут же посерьезнел.

– Адрес знаете? – спросил он.

– Сейчас найду. И адрес, и телефон. Но учтите: ей я звонить не буду, – предупредил Саша. – Вы ведь хотите позвать к телефону его? Дамочка с темпераментом, у меня трубка в руках разлетится... Вот, пожалуйста. Астрологу звонили?

– Астрологу? Нет, пока не звонил. Что ж, спасибо за помощь. И за кофе, – Розовски посмотрел на сегодняшнюю газету, лежавшую на столе. – Передайте господину Когану мою самую искреннюю благодарность за статью. Скажите: я очень, очень тронут. И мама тоже благодарит.

27

– Что дальше? – спросил Илан, когда Розовски вернулся из редакции в машину. – Куда поедем?

Натаниэль, не отвечая, закурил, с наслаждением затягиваясь. В редакции ему было неловко курить – может быть, от обилия бумаг вокруг, а может быть, оттого, что у Саши на столе не видно было пепельницы. Докурив, он извлек из поясного футляра телефон и набрал номер инспектора Алона. Тот отозвался сразу же. Розовски даже подумал, что Ронен только и ждал его звонка. Он не замедлил сообщить об этом бывшему сослуживцу.

– Вот еще... – буркнул инспектор. – Больше мне делать нечего: сидеть у телефона и ждать от тебя весточки.

– Жаль, – сказал Розовски. – Мне было бы приятно. Скажи, а почему у тебя всегда такой неприятный голос, когда говоришь по служебному телефону? А вот когда по домашнему – совсем другое дело.

– Ты только для этого позвонил? – спросил инспектор. – Других вопросов ко мне нет?

– Есть, как не быть... Послушай, Алон, у меня есть сведения, что покойный Шломо Меерович в день убийства навещал тещу в Димоне, – сказал Розовски, оставляя шуточный тон.

– С какой целью?

– За пару дней до этого он крепко поскандалил с женой, – ответил Розовски.

– Откуда сведения? – поинтересовался инспектор.

– Из глубины подсознания, – сообщил Натаниэль.

Инспектор фыркнул.

– Нет, серьезно?

– О скандале – от соседки, – честно признался Натаниэль. – От пожилой соседки по имени Циппора. А о посещении тещи – от нее самой.

– Ты что, успел побывать в Димоне? – удивился инспектор.

– Нет, конечно, мне и тут дел хватало. Маркин ездил.

– Ну хорошо, а мне ты зачем рассказываешь? – подозрительно спросил Алон. – Чтобы я пришел в восторг: ах, какой ты энергичный? Ты делаешь свое дело. За которое тебе платят, а я делаю свое.

– За которое тебе тоже платят, – заметил Натаниэль. – Послушай, что ты такой злой сегодня? Сам понимаешь, я звоню не для того, чтобы похвастаться. Во-первых, сообщаю тебе эти сведения: вдруг пригодятся. Поскольку я, в отличие от тебя, занимаюсь отнюдь не поисками убийцы. Моя задача куда скромнее: найти свидетельницу. Прекрасную незнакомку, которая вызвала вас в тот вечер. Кстати о дамах. Даля Меерович не ночевала дома с момента ссоры.

– Представь себе, я так и предполагал, – произнес инспектор. – Только не надо рассказывать мне сказки. Он не ищет убийцу! Ну ладно, сообщил ты мне сведения. Спасибо. Это все?

– Нет, не все, – серьезно сказал Розовски. – Мне нужна твоя помощь. Дело в том, что Шломо Меерович звонил из Димоны своему партнеру. И назначил ему встречу у себя в квартире в семь часов вечера.

На этот раз инспектор Алон долго молчал.

– И ты знаешь, кто этот партнер? – наконец спросил он.

– Догадываюсь, – ответил Натаниэль. – Но называть не буду. Хочу, чтобы ты это проверил. Можешь выяснить, куда звонил Меерович из Димоны?

– Диктуй номер тещи. Ты уверен, что он звонил не по сотовому телефону?

– Нет, не уверен. Но думаю, ты легко узнаешь и этот номер. А в Димоне – пожалуйста, – Розовски продиктовал несколько цифр. – Повторить? – спросил он.

– Я пока на слух не жалуясь... Хорошо, – сказал инспектор. – Узнаю.

– Сообщи мне сразу же, – попросил Натаниэль.

Инспектор Алон промывал что-то неопределенное и положил трубку. Розовски немного подумал, набрал другой номер:

– Лаборатория? Доктора Нохума Бен-Шломо, пожалуйста. Скажите, старый друг звонит... Нохум? Привет, это Натаниэль Розовски. Послушай, можешь ты мне ответить на один вопрос?

– Смотря какой вопрос, – осторожно ответил доктор.

– На одном из бокалов в квартире убитого Шломо Мееровича были обнаружены следы помады. Так?

– Допустим.

– Послушай, доктор, – с досадой произнес Натаниэль. – Я ведь ничего от тебя не требую. Не надо невразумительных фраз. Отвечай четко и ясно, как раньше.

– Раньше ты был офицером полиции, – возразил Бен-Шломо. – А сейчас – никто, посторонний. Я не имею права отвечать на твои вопросы.

– Мне нужна самая малость, элементарная информация, – все более раздражаясь, заявил Розовски. – Отвечай только «да» или «нет».

– «Да» или «нет»? – повторил доктор. – Хорошо, я согласен... Подожди-ка минутку... Так, – тон его внезапно изменился. – Господи, Натан, ты что ничего не понимаешь? Я был не один. Тут торчал на редкость нудный тип – из новых, ты его не знаешь. И он тебя тоже. Так и уставился на меня, стоило мне заговорить. Давай по-быстрому, что тебе нужно?

Розовски облегченно вздохнул: он уж было подумал, что старый друг Нохум впал в маразм, именуемый кастовой солидарностью.

– Помаду обнаружили? – повторил он свой вопрос.

– Еще бы! Такой жирный след, словно гостя целовалась с этим бокалом.

– Определили марку?

– Помады?

– Да.

– Определили.

– «Барбара Клайн», – сказал Розовски.

– Так ты знаешь? А зачем спрашивал?

– Чтобы убедиться. Все, спасибо, Нохум.

– Сказать еще кое-что?

– А есть что? – Натаниэль сразу же насторожился.

– Я проводил тест. Знаешь, по микроскопическим капелькам слюны, оставшимся на бокале, можно много чего установить. Так вот...

– Погоди-ка, – Натаниэль перебил доктора. – Держу пари, что я угадаю с первого раза.

– Попробуй, – доктор Нохум Бен-Шломо хмыкнул.

– На стенках бокала вообще не оказалось слюны, – сказал Натаниэль. – Иными словами, из этого бокала...

– ... вообще никто не пил, – продолжил доктор. – А помада нанесена непосредственно тюбиком на край бокала...

– ... – чтобы ввести в заблуждение полицию, – закончил Натаниэль и облегченно рассмеялся. Доктор тоже рассмеялся.

– Как в старые времена, – сказал он. – Как в добрые старые времена, Натаниэль.

Розовски тоже вспомнил эту их привычку перебивать друг друга при обсуждении результатов криминалистических экспертиз.

– Да, – сказал он, – как в добрые старые времена.

– Тебе чем-нибудь помогут эти сведения? – спросил доктор.

– Конечно, Нохум. Я почти закончил дело.

– Да? – доктор усмехнулся. – В таком случае, не говори Ронену о нашем разговоре. Он ревнив, как жених накануне свадьбы. Пока, Натан. Рад был помочь тебе.

Натаниэль спрятал аппарат, кивнул стажеру:

– Поехали. Направление – Холон. Ты город знаешь?

– Более-менее.

– Вот адрес, – Розовски протянул ему листок, полученный от Саши.
Они около получаса кружили по городу в поисках нужной улицы.
– На месте, – коротко сказал Илан и показал на серый четырехэтажный дом.
– Вижу, – Розовски вышел из машины, наклонился к окну. – Посиди в машине. Будь внимателен. На всякий случай, обращай внимание на всех, входящих в подъезд.

28

Дом имел весьма почтенный возраст, без лифта, но зато с обилием разноязычных граффити на стенах. Граффити как бы олицетворяли собой волны репатриации разных лет и одновременно сообщали, что хозяевам (или хозяину) дома не до таких мелочей, как побелка подъезда.

Поднявшись на третий этаж, Натаниэль нашел нужную дверь. Дверь, в отличие от подъезда в целом, выглядела новенькой – видимо, ее поставили последние жильцы. Укрепленная (пладелет) она производила впечатление куда большей надежности, чем весь дом. Впрочем, при втором взгляде на дверь, Натаниэлю пришло в голову сравнение с новеньким зубным протезом во рту глубокого старика.

На звонок поначалу никто не отозвался, но Натаниэль готов был поклясться, что слышал в квартире осторожное движение. Он позвонил еще раз. Потом еще и еще. «Ну нет, дорогой, я тебя заставлю отозваться. Мне очень не нравятся столь пугливые люди.»

Терпение людей за дверью не выдержало состязание. После пятого или шестого звонка послышались шаги и женский голос спросил:

– Что вам нужно?

Голос звучал достаточно напряженно.

– Простите, Лиора, я ищу Геннадия, – ответил Натаниэль. – На работе мне сообщили, что он может быть здесь. Дали ваш адрес.

– А кто вы такой?

– Вы не могли бы открыть дверь? Так разговаривать не очень удобно...

– Я не открываю дверь незнакомым людям.

– Что ж, давайте познакомимся. Меня зовут Натаниэль Розовски, я частный детектив.

Пауза.

– Вы не могли бы придумать что-нибудь поновее? – иронически спросила женщина.

– Что значит – поновее? – Розовски удивился. – Если вы о моем имени, так мама придумала его сорок пять лет назад, на этом ее фантазия иссякла. А самому себя переименовывать – как-то неловко. А если вы о профессии, так она довольно нова. Каких-нибудь пять лет назад я был офицером полиции, – он подождал немного. – Вас устраивет ответ?

За дверью молчали. Потом тот же голос сказал – уже без иронии:

– У меня сегодня уже был один частный детектив. По имени Натаниэль Розовски.

– Как? – переспросил Розовски, не веря собственным ушам. – Какой детектив?

– Частный детектив.

– Нет, имя, имя у него какое?

– Натаниэль Розовски, – повторила женщина.

– Послушайте, – сказал Натаниэль. – Вот моя лицензия, – он приложил запаянную в пластик карточку к дверному глазку. Не знаю, кто у вас был утром, но я, действительно, частный детектив. И меня действительно зовут Натаниэль Розовски. Кстати, вы проверяли документы у предыдущего?

– Нет, – ответила женщина после недолгого колебания. Теперь в ее голосе слышалась растерянность смешанная с тревогой.

– Ваш друг попал в серьезный переplet, – терпеливо заговорил Розовски. – В очень серьезный переplet. И помочь ему могу только я. С вашей помощью.

– Убийство? – спросила вдруг женщина. И пояснила: – Этот утренний детектив говорил то же самое.

Натаниэль был ошеломлен.

– Погодите, – сказала женщина, приняв решение. – Я сейчас открою.

Подруга Гены оказалась молодой женщиной лет двадцати восьми, маленькой, черноволосой, с короткой стрижкой. Очки в круглой металлической оправе придавали ей сходство с отличницей из старших классов. Светлые джинсы были живописно разорваны на коленях.

– Проходите, – сказала она. – Я вам верю. Но Гены здесь нет.

Натаниэль вошел. Первое, что ему бросилось в глаза, был огромный абажур, спускавшийся чуть ли не до самого пола. Абажур был прихотливо разукрашен странными искаженными фигурами. Заметив его удивление, Лиора сказала:

– Гена делал. В прошлом году. Красиво, правда? Садитесь.

– Да, – сказал Натаниэль, разглядывая причудливые фигурки. – Во всяком случае, оригинально. Где-то я уже видел такие... – он задумался.

– Может быть, на выставке? – предположила Лиора.

– Что?... Да, возможно, – ответил Натаниэль. – Правда, я не был ни на одной выставке... Ну, неважно, – он сел на маленький диванчик в углу.

– Вы сказали, что сегодня утром у вас был посетитель, – сказал он.

– Да, был.

– И назвался моим именем.

Лиора пожала плечами.

– Не знаю, кто из вас чьим именем назвался.

– Да, действительно, – Розовски улыбнулся. – С тем же успехом можно предположить, что это я назвался его именем.

– Именно так.

– Что ж... – Натаниэль немного подумал. – Сделаем так: вот телефон моего агентства. Вы сейчас позвоните туда и попросите секретаря – ее зовут Офра – описать мою внешность, – он протянул Лиоре визитную карточку. – Заодно спросите, не звонила ли мне мама. Договорились?

Лиора пожала плечами, взяла карточку.

– Ладно, – сказала она. – Я вам верю, я уже говорила. Иначе я бы не открыла дверь, – она положила карточку на столик. – Что вы хотите узнать?

– Я ищу вашего друга, – сказал Натаниэль. – Как ни странно, ваш утренний посетитель сказал правду. Иное дело – для чего ему нужен Геннадий. Но факт остается фактом: Геннадий оказался замешанным в деле с убийством. Правда, полиция его еще не разыскивает. Впрочем, это уже вопрос времени.

Лиора покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Я знаю Гену не первый год.

– Он физически не способен на... – она замолчала.

– На убийство? – подсказал Натаниэль. – Но я и не говорю, что он участвовал в нем. Быть замешанным и принимать участие – не одно и то же. Я совершенно уверен в том, что он даже не знал поначалу. Он просто оказал любезность. И не очень важную, хотя и не совсем... как бы это сказать... Словом, такие вещи делать не следует.

Лиора недоверчиво посмотрела на него.

– Что-то я вас не понимаю, – сказала она. – Какие-то недомолвки: что-то сделал, что-то не сделал. А точнее выразиться вы не можете?

– Боюсь, что нет, – Натаниэль виновато улыбнулся. – Боюсь, что не могу. Честно говоря, я и сам еще не все понимаю. Вам остается лишь одно: поверить мне на слово и помочь встретиться с Геннадием.

– Я не могу этого сделать, – сухо сообщила она. – Я обещала ему. И привыкла выполнять обещание.

Натаниэль поднялся с диванчика.

– У меня нет времени, – сказал он. – У вас тоже. Или, вернее, у вашего друга Геннадия. Он оказался в очень опасной ситуации. И я не думаю, что в его интересах отсиживаться. Видите ли, его непременно отыщет кто-нибудь: либо полиция – это не самый худший вариант, либо «частный детектив», наведавшийся к вам недавно. Лучше всего будет, если его найду я, – Натаниэль замолчал, выжидательно глядя на Лиору. – Так что? Что мы будем делать?

– Я уже сказала, – голос подружки Геннадия стал несколько менее уверенным. – Я уже сказала, что верю вам. Но... – она беспомощно оглянулась. – Но его нет... Я передам, правда, передам, что вы приходили. Я думаю, он позвонит вам... – она замолчала.

Натаниэль разочарованно покачал головой.

– В вашей квартире есть второй выход? – неожиданно спросил он. Лиора недоуменно посмотрела на сыщика.

– Второй выход? Зачем? Нет, конечно, нет.

– Затем, что, в таком случае ваш друг мог только улететь по воздуху. Причем именно сейчас, пока мы с вами разговариваем, – он красноречиво посмотрел на пепельницу. Лиора тоже посмотрела туда. Лицо ее мгновенно залила краска. В пепельнице, кроме сигареты сыщика, лежала еще одна. От нее поднималась еле заметная струйка дыма. Розовски тяжело вздохнул.

– Видите, у вас нет опыта конспирации, – и повысив голос, сказал: – Гена, хватит прятаться! Выходите, нам нужно поговорить. Даю слово, с вами не случится ничего плохого. Если вы сами, конечно, не наделаете глупостей.

Лиора поспешно отошла к окну и опустила голову. Розовски ободряюще ей улыбнулся, но женщина не видела.

Геннадий, тихо вышедший из соседней комнаты, походил на напроказившего школьника. Причем не старшекласника. Скорее, на первоклассника-переростка. На нем были те же выгоревшие джинсы и куртка. Вид его так подействовал на Натаниэля, что тон детектива, когда тот обратился к художнику-газетчика, напоминал тон старого учителя.

– Ну-с, молодой человек, – строго сказал он, – вы заставили меня побегать.

Геннадий исподлобья посмотрел на него.

– А что бы вы сделали на моем месте? – спросил он мрачно. – Я же не сделал ничего плохого. Не преступник, в конце концов. И вдруг – такое обвинение...

– Минутку, – Розовски поднял руку. – Во-первых, что бы я делал на вашем месте – это, конечно, вопрос. Но не очень актуальный. Поскольку вряд ли я мог бы оказаться на вашем месте. По ряду причин. Во-вторых, вас еще никто ни в чем не обвинил. Так что – присядем и побеседуем, – он мимолетно улыбнулся парню и тут же посерьезнел. – Садитесь, садитесь, Гена. У меня нет времени. У вас тоже, – Натаниэль сел на диван, протянул Гене сигареты. Поколебавшись, тот взял. Розовски дал ему прикурить. – Собственно говоря, у меня всего лишь один вопрос... – Натаниэль спрятал зажигалку в карман. – Скажите, кто и для чего попросил вас поменять текст в астрологическом прогнозе?

Гена поперхнулся. Натаниэль терпеливо ждал, пока он справится с кашлем.

– Это была шутка, – ответил, наконец, Гена. – Просто шутка, понимаете? Он сказал, что хочет разыграть одну женщину. Знакомую. Он сказал, что она – знакомая – зациклилась на астрологии. Все делает строго по гороскопам, и это уже выглядит прямо-таки... – Гена не сразу нашел нужное слово, нетерпеливо пощелкал пальцами.

– Патологически? – подсказал Натаниэль.

– Ну да, ненормально. И что они решили немного подшутить. Что вот придумали текст гороскопа. Вроде бы ее ожидает свидание, она конечно побежит – она очень верит во все эти штуки. А после они сами придут туда, ну и... – он запнулся. – Конечно, шутка не очень красивая. Но все-таки шутка!

– Так, – сказал Розовски. – Значит, шутка. Кто, говорите, вас попросил?

– Какое это имеет значение? – мрачно спросил Геннадий. – Вы же сказали, что она вляпалась в неприятную историю. Я так понял, что эта самая, помешанная на астрологии. Что неприятная история связана чуть ли не с убийством. И вроде бы, из-за этого проклятого гороскопа. Выходит, я во всем виноват! – он немного помолчал и добавил: – А когда я увидел, что вы возвращаетесь, тут уж... – он махнул рукой.

– Поэтому вы и удрали? – спросил Натаниэль.

– Почему же еще?

– А бумаги со стола зачем унесли?

Геннадий тяжело вздохнул.

– У меня дурацкая привычка, – сказал он. – Я вечно пишу что-нибудь, о чем думаю в данный момент. На разных клочках. Машинально. Вот я и испугался, что...

– ... что вас может выдать какая-то фраза, неосторожно записанная на обрывке бумаги, – закончил Натаниэль. – Знаете, если вас и выдало что-то, так это ваш внезапный испуг и бегство. После моего визита в редакцию... Ладно. Я все-таки прошу вас назвать этого человека.

Гена молчал. На лице у него опять появилось выражение настоящего мальчишеского упрямства.

– Гена, – сказал Розовски. – Вы меня слышите? Если вы не назовете этого человека, полиция будет считать вас организатором преступления. И весьма тяжелого.

Лиора, до сих пор слушавшая молча, бросилась к парню.

– Ты с ума сошел?! – закричала она. – Это же он тебя подставил, как пацана! Ты же теперь за него отвечать будешь!

– Именно так, – подтвердил Натаниэль. – Лиора полностью права.

Гена решительно раздавил недокуренную сигарету в пепельнице и сказал:

– Мы с ним познакомились месяц назад, на выставке. Это была единственная выставка, в которой я участвовал. Выставка художников-репатриантов. Проходила в «Мерказ-а-тмунот». И ему понравились мои работы. Он даже купил две. Я увидел, подошел. Представился. Ну что... Приятный мужчина, при деньгах. Разговорились. Он узнал, что я работаю в газете. Иногда помещал через меня рекламы своей фирмы. Иногда просил оценить чужие работы. Вот и все.

– Прекрасно, – Натаниэль поощряюще улыбнулся. – И его зовут...

– Шломо Меерович, – ответил Гена и снова помрачнел.

Поощрительная улыбка детектива превратилась в оскал. Увидев это, Гена занервничал.

– Что вы так смотрите? – спросил он дрожащим голосом. – Это правда, больше никаких дел... Не верите? Можете спросить у него самого!

– Ну да... – деревянным голосом ответил Розовски. – На спиритическом сеансе.

– А?... – Гена непонимающе посмотрел на сыщика. – Что вы сказали?

– На спиритическом сеансе я его могу спросить... – пробормотал Натаниэль. – Вы случайно, не медиум? Может, прямо сейчас и проведем?... Ладно, это я от плохого питания. Не обращайтесь внимания... – Розовски поднялся, прошелся несколько раз по комнате. – Так, так... – он остановился перед Геннадием: – Это точно? – спросил он. – Вы уверены в том, что вас просил Меерович?

– Конечно. А в чем дело?... – его глаза испуганно расширились. – То есть... это его?... – прошептал Гена.

Розовски вздохнул.

– Вспомните еще раз, если можно – дословно. Как именно он попросил вас?

Гена задумался.

– Ну как... Пришел в редакцию, в отдел рекламы. Что-то там давал... Какие-то изменения в объявлении. Потом подошел ко мне. Дал текст.

– Тот самый, который вы потом поместили в газету?

– Тот самый.

– Он сказал: «Мы хотим разыграть?»

– Да.

– И не называл, кто это «мы»? – спросил Розовски со слабой надеждой в голосе. – Он не называл второго шутника? Или шутницу?

– Нет, не называл.

– Понятно... Хорошо, у меня больше нет вопросов. Но, возможно, они появятся у полиции. Или у прокурора. В любом случае, вас вызовут официальным извещением. Надеюсь, вы не сбежите. От вас потребуются только свидетельские показания, не более того... Мой вам совет, – сказал Розовски, подойдя к двери, – относитесь к своим обязанностям серьезнее. То вы Ленину ищите партнера в Беер-Шеве. То сомневаетесь в мужских способностях сильных мира сего. А то подсовываете наивным людям фальшивые гороскопы. Не надо, ладно? Если в следующий понедельник от имени Ясира Арафата вы объявите войну Новой Гвинее – поверьте, я ничем не смогу вам помочь... – он рассеянным взглядом окинул салон, задержался на абажуре. – Все-таки, где-то я эти фигурки видел... – пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

Вечером того же дня Натаниэль Розовски собрал помощников у себя дома. Этому предшествовал достаточно долгий разговор с матерью.

– Мама, мои помощники придут вечером к нам, – сказал Розовски.

– И я, конечно, буду их обслуживать, – проворчала Сарра.

– Они придут в восемь, – невозмутимо сказал Натаниэль.

– И я, конечно, буду им подавать.

– И Офра придет. Она тебе поможет.

– Что?! После сумасшедшей работы у тебя она должна еще и ухаживать за тобой и твоими лоботрясами? – возмутилась мать. – Я что, сама не смогу? Слава Богу, я еще не старуха!

Больше всего на свете Сарре хотелось вторично женить сына. И Офра представлялась ей вполне удачной кандидатурой на роль невестки. Не разделяя ее желания, Натаниэль бессовестно пользовался этим и приглашал Офру на все совещания, проводившиеся у него дома, хотя производственной необходимости в этом не было.

– Побрейся, – сказала Сарра. – И переоденешься. Ходишь, как...

– Как русский бандит, – подсказал Розовски. – То есть, как американский гангстер.

– Вот именно. Нет, вы подумайте: он еще смеется над старой матерью! Хорошо, что твой отец не дожил до такого...

Бесконечная дискуссия была прервана звонком в дверь. Розовски посмотрел на часы. Для его сотрудников было еще рановато. Он открыл дверь. На пороге стоял старший инспектор Ронен Алон собственной персоной.

– Привет, я могу войти? – хмуро спросил он.

– Конечно, я всегда рад тебя видеть, – Натаниэль посторонился, пропуская неожиданного гостя.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, – инспектор подошел к креслу, сел. Розовски сел напротив. Алон молчал, глядя на Натаниэля со странным выражением.

В салон выглянула Сарра Розовски. Увидев Ронена Алону, расплылась в улыбке. Алон относился к числу тех сослуживцев ее сына, которых она привечала особо:

– Здравствуй, Ронен.

– Добрый вечер, Сарра. Как дела?

– Как всегда. Ты рановато, Натаниэль сказал, что вы соберетесь часов в восемь. А сейчас только шесть.

– В восемь? – Алон посмотрел на Натаниэля. – Да, верно...

– Мама, я говорил о своих сотрудниках, – вмешался Розовски.

– А чем вам помешает Ронен? – воинственным тоном спросила мать. – По крайней мере, он приличный человек и твой друг.

– Ты хочешь меня выгнать? – осведомился инспектор Алон у Натаниэля.

– Что? – возмутилась Сарра. – Выгнать? Пусть Бог выгонит меня с этого света, как он выгонит тебя из моей квартиры!

– Ладно, – Розовски махнул рукой. – Оставайся, черт с тобой. Какие у меня могут быть секреты от полиции? Тем более, от старых друзей.

– Спасибо, – инспектор Алон подождал, пока мать Натаниэля скроется в кухне, и сказал: – У меня есть серьезные основания подозревать тебя в сокрытии сведений, имеющих большое значение для следствия. Так что, объясни мне, пожалуйста, кое-что.

Розовски прищурился.

– А если я не смогу объяснить? – спросил он.

– Думаю, что сможешь, – спокойно ответил Ронен. – Ты ведь сам бывший полицейский. Ты же знаешь, что такое сокрытие сведений, важных для следствия.

– Это шантаж, – заявил Розовски.

– Называй, как хочешь. Но я не уйду отсюда до тех пор, пока не узнаю по этому делу все то, что знаешь ты.

Следующие два часа Розовски демонстративно занимался домашними делами, а инспектор Алон с большим интересом смотрел по телевизору программу «Евроспорт». Ровно в восемь, один за другим, пришли Алекс и Илан. При виде инспектора у обоих совершенно одинаково вытянулись лица.

– Все в порядке, ребята, – успокоил их Натаниэль. – Ронен здесь как частное лицо. Его пригласила моя мама. У нее с инспектором Алоном давний роман.

Офра, напротив, не выразила никакого удивления или недовольства. Сарра Розовски сразу же утащила ее на кухню.

Поглядев на чопорные лица своих помощников, Натаниэль тяжело вздохнул и, обращаясь к инспектору Алону, мрачно сказал:

– Ронен, как видишь, у нас тут самая обычная вечеринка. Мы решили немного встряхнуться, и... – он развел руками. – В общем, боюсь, что ничего не смогу тебе рассказать. Рад бы, но...

Ронен тоже посмотрел на Алекса и Михаэля.

– Прекрасная идея, – сказал он. – Повеселимся вместе. Мне тоже осточертела работа. Вы не против моей компании, парни?

Помощники Розовски сидели с каменными физиономиями. Алон кивнул: – Отлично, я так и думал, – и, обращаясь к Натаниэлю, добавил: – Замечательные у тебя ребята, очень толковые. Только излишне словоохотливые.

– Какие есть, – сухо сказал Розовски. И пояснил: – Стеснительные очень. Плохо говорят на иврите. С сильным русским акцентом. И очень из-за этого страдают. То есть, иной раз и рады бы поболтать, но не могут. Вот, как сейчас. Верно, ребята?

Алекс и Илан с готовностью кивнули и развели руками: дескать, действительно, рады бы, но – увы.

– И Офра тоже? – спросил Ронен ласковым голосом.

– Офра? – Розовски удивленно поднял брови. – А что – Офра?

– Офра тоже плохо говорит на иврите? – инспектор погрозил пальцем хозяину. – Хватит мне морочить голову, Натан. Я уже сказал: или выкладывай все немедленно, или я не тронусь с этого места. Или же, наконец, при всем моем уважении к твоей маме, я оставлю тебе официальное приглашение в полицейское управление. И если ты не явишься, буду вынужден доставить тебя туда силой. Хотя мне очень бы этого не хотелось.

– Ты это серьезно, Ронен?

– Увы. Я пришел сюда, чтобы получить ответы на несколько вопросов. И я надеюсь их получить.

Розовски немного подумал.

– Хорошо, – сказал он. – Ты не оставляешь мне выбора.

– Правильно.

– Я расскажу тебе все. И ты нас покинешь. Договорились?

– Договорились, – инспектор приготовился слушать. – Только пожалуйста, подробно. И постарайся не забыть ничего важного.

– Согласен. Задавай вопросы.

– Вопрос первый, – начал инспектор. – Тебе удалось отыскать загадочную свидетельницу?

– Отвечаю честно: не знаю.

– Хорошо. Если ты так отвечаешь, значит, у тебя есть какие-то подозрения.

– Допустим.

– Поделись со мной, – предложил инспектор. – Изложи старому другу. И мы вместе их обдумаем.

– Сначала ответь на мой вопрос: ты выяснил, куда и кому звонил Шломо Меерович, находясь в Димоне?

– Представь себе.

– Кому же?

– Партнеру, – ответил инспектор. – Деловому партнеру. Устраивает такой ответ?

– А что – другого ответа не будет?

– Не уверен, что имею право говорить более подробно. Ты сказал, что он договаривался о встрече? – инспектор посмотрел на Маркина. Алекс сделал вид, что не прислушивается к разговору.

– На семь часов.

– Да-да... – инспектор вдруг чрезвычайно заинтересовался потолком.

– Ронен, – мягко сказал Натаниэль. – А ведь если бы не я, ты не узнал бы об этом звонке. Правда?

– Неважно, – сухо ответил инспектор. – Меня интересует другое. Каким образом, по-твоему, этот его партнер связан с убийством?

– Гороскопами, – ответил Натаниэль. – Астрологическая связь – самая прочная. Читайте судьбу по звездам.

– Не морочь мне голову, – посоветовал инспектор Алон. – Ты занимаешься убийством Шломо Мееровича. Выясняется, что у покойного имелся деловой партнер, хотя по документам никаких партнеров у него нет. Он был единоличным хозяином посреднического бюро.

Розовски промолчал.

– Ну вот. Выясняется, что убитый назначил встречу. На шестнадцатое октября. На семь часов вечера. У себя в квартире. Назначил встречу партнеру. 16 октября в восемь часов пятнадцать минут мы приезжаем по анонимному звонку. В его квартиру. Находим там некую госпожу Головлеву. В состоянии истерики. Утверждающую, что кроме нее и покойника в квартире никого нет! И не было! И дальше она начинает нести невероятную чушь! Правда, не полицейским, а адвокату... И ты после этого утверждаешь, что тебе нечего сказать!! – в конце своего монолога инспектор почти кричал. – Просто не понимаю, почему я до сих пор не арестовал тебя, – закончил он неожиданно обычным голосом.

– Во-первых, успокойся, – заботливо сказал Натаниэль. – Ты напугаешь мою маму. А ребята напрочь забудут даже те несколько слов на иврите, которые еще помнят. А во-вторых... – он посерьезнел. – Ну хорошо. Ты не веришь в то, что я до сих пор не разобрался в этом деле.

– Я очень хорошо тебя знаю, – сказал Алон. – Если бы ты не разобрался – зачем бы твой помощник мотался в Димону?

Розовски задумался.

– Понимаешь, Ронен, – сказал он по-прежнему серьезно, – я имею несколько версий происшедшего. Я бы даже мог тебя с ними ознакомить. Но, видишь ли... их, повторяю, несколько. Даже не две. И, боюсь, не три. И одна противоречит другой, третьей и так далее.

– Я не верю, – сказал Алон.

– Я могу тебе... – Натаниэль внезапно замолчал. Алон некоторое время разглядывал его с академическим интересом, а потом спросил с подозрением:

– Что ты замолчал?

– Что?... Нет, ничего... Словом, – Розовски развел руками. – Мне пока нечего тебе сказать. Верно, ребята?

Илан и Алекс одновременно кивнули.

– Какие они у тебя дисциплинированные, – похвально отозвался о помощниках инспектор. – Мне бы таких... Ну что же, – он неторопливо поднялся со своего места. – Коль скоро тебе нечего сказать больше, я пожалуй пойду. Кстати, – он словно вспомнил нечто важное. – Я слышал, что завтра днем ты собираешься отчитаться перед клиентами?

– Собираюсь.

– Очень логично, – Алон кивнул. – В полном соответствии с твоими предыдущими словами – насчет того, что ты еще толком не знаешь ни свидетельницу, ни всего прочего. О чем же ты собираешься рассказывать Цви Грузенбергу?

– Возможно, об этом, – ответил Натаниэль безразличным тоном. – Возможно о том, что я никого не нашел.

– Да? И что же – я могу присутствовать при таком знаменательном событии?

– Конечно. Я приглашаю тебя, Ронен. Завтра, в два часа, в моем офисе.

Инспектор вышел, в сердцах хлопнув дверью.

Натаниэль чмокнул Офру в небрежно подставленную щечку.

– Любишь ты театральные эффекты, – сказала она недовольным тоном.

– Если верить моей маме – а у меня нет оснований ей не верить, она святая женщина, ее умоляли играть в «Габиме», – сообщил Натаниэль. – Так что, актерство у меня, видимо, наследственное... – он посмотрел на часы. Было четырнадцать часов пятнадцать минут. – А что, все уже собрались?

– Давным-давно, – Офра оглянулась на приоткрытую дверь кабинета и понизила голос. – И если ты немедленно не начнешь, они разбегутся. Грузенберг уже дважды выскакивал в приемную. И вид у него весьма воинственный. А инспектор Алон, по-моему, готов тебя пристрелить.

– Прекрасно. Как я выгляжу?

– Как всегда.

– Значит, превосходно, – Розовски придал своему лицу максимально деловое выражение и отворил дверь кабинета. Собравшиеся встретили его возмущенным шумом. Розовски предостерегающе поднял руку.

– Тихо, тихо, господа! – сказал он. – Меня задержали достаточно веские причины. Думаю, выслушав их, вы поймете и простите. А сейчас, – он прошел к своему месту за письменным столом, – мы можем начать, – Натаниэль обвел кабинет задумчивым взглядом. Все, кого он пригласил, были в сборе, и от этого его маленький кабинет казался совсем крохотным.

– Насколько я могу понять, расследование завершено? – спросил Цви Грузенберг светским тоном.

– Не совсем так, – сказал Розовски.

– Что значит – не совсем так?

– Действительно, Натан, я пришел потому, что ты обещал... – в разговор вступил было инспектор Ронен, но Розовски перебил его.

– Дайте мне договорить, господа, – сказал он. – Да, в настоящий момент расследование не завершено, но оно будет завершено в течение ближайшего получаса.

Возмущенный шум стих, хотя лица почти всех присутствующих сохраняли выражение недовольства – в той или иной степени. Натаниэль протиснулся между вольготно раскинувшимся в кресле инспектором Алоном и собственным письменным столом.

– Итак? – нетерпеливо сказал Грузенберг. – Мы все ждем.

– Да, конечно, – Натаниэль вытащил сигареты, не распечатывая пачку, положил ее на край стола. – Пожалуй, можно начинать... Цви, я позволю себе вначале повторить то, что известно всем. Если кто-то не желает слушать...

– Ради Бога, Натан, хватит тянуть! – взорвался Алон. – Кто-то желает, кто-то не желает... Ближе к делу! Я не замечал у тебя избытка вежливости в старые времена.

– Хорошо. Чтобы ускорить развязку, я лишь попрошу вашего, госпожа Головлева, согласия на то, что говорить буду на иврите. Роль переводчика берется исполнить мой помощник, Алекс Маркин.

Маркин кивнул, пересел ближе к Головлевой. Натаниэль еще немного подождал, пока все устроятся и успокоятся, и начал:

– Итак, господа, суть дела в следующем. Нынешним воскресеньем некто Шломо Меерович оказался убит в собственной квартире. По этому поводу имел место звонок в полицию, как выяснилось – из квартиры Мееровича. Звонившая – а это была женщина – сообщила, что преступник находится в данный момент в комнате. Прибывшая через пятнадцать минут полиция – в лице присутствующего здесь инспектора Алона и его подчиненных – обнаружила на месте происшествия госпожу Ларису Головлеву, так же присутствующую здесь.

Ронен шумно вздохнул, но промолчал. Натаниэль улыбнулся и сказал извиняющимся тоном:

– Прости, Ронен, но я должен сделать небольшое предисловие. Иначе не все окажется понятным.

Инспектор махнул рукой и отвернулся.

– Я продолжаю, – Натаниэль смотрел в стол, голос его был лишен какой бы-то ни было окраски. Казалось, он просто зачитывает некий документ, невидимый никому из присутствующих, но тем не менее, находящийся перед его глазами. – Некоторые улики – подчеркиваю, некоторые – позволили полиции рассматривать госпожу Головлеву в качестве главной подозреваемой. Она была арестована. Правда затем, по настоянию адвоката Грузенберга, освобождена. Адвокат Грузенберг также присутствует в моем кабинете. Я повторю, какие именно улики продиктовали полиции ее решение. Во-первых – сам факт ее присутствия в квартире, во-вторых – личность убитого, оказавшегося бывшим мужем госпожи Головлевой. Можно было подозревать давние счеты, в самом широком спектре – от ревности до денежных проблем. Фотография госпожи Головлевой, хранившаяся на книжной полке в квартире Мееровича указывала на факт недавних контактов. Несмотря на утверждение подозреваемой, что она не виделась с бывшим мужем в течение последних восьми лет и что она не знала, в чью именно квартиру идет тем роковым вечером.

Ронен фыркнул. Розовски предостерегающе поднял руку.

– Минутку, Ронен! Сейчас мы узнаем относительно фотографии, – он повернулся к женщине в черном платье, явно незнакомой остальным. – Вчера вернувшаяся в Израиль госпожа Далия Меерович, несмотря на печальное известие, любезно согласилась прийти на сегодняшнюю встречу.

Две другие женщины, присутствовавшие в кабинете, – Лариса и Мирьям, с откровенным любопытством посмотрели на вдову. Внешне она явно проигрывала Головлевой – вполне бесцветная внешность, тусклые волосы гладко зачесаны назад.

– Госпожа Меерович, повторите пожалуйста то, что сообщили мне вчера, – попросил Розовски.

– Этой фотографии в нашем доме не было, – тихо ответила Меерович. – Во всяком случае, еще десять дней назад, когда я уезжала в Европу. О приезде бывшей жены муж тоже ни разу не говорил.

– Он рассказывал вам о причинах развода с первой женой? – спросил Натаниэль.

Далия задумалась.

– Да, но это было давно, – сказала она. – Я думаю, лет пять назад, когда мы познакомились. Ничего конкретного, так – общие слова.

– Кого он винил в разводе? Ее или себя?

– Никого, – Далия слабо улыбнулась. – Это мне и понравилось в нем. Я ведь тоже была до него замужем. Мой первый муж имел обыкновение изображать меня чудовищем. Бывает и другая крайность, близкая к мазохизму: когда мужчина во всем винит одного себя и всем рассказывает о том, какой он негодяй и каким несчастным ангелом была его жена!.. – Далия произнесла последние слова чуть громче обычного. Потом добавила – после крошечной паузы, уже обычным голосом: – На самом-то деле обычно виноваты оба. Только вот расплачиваются по-разному.

Натаниэль кивнул.

– Скажите, госпожа Меерович, а о том, что в Тель-Авиве живут родственники его первой жены, ваш муж рассказывал вам?

– Да, однажды он мне сказал... – Меерович задумалась на секунду. – Да, это было, по-моему, в прошлом году.

– И по какому поводу он об этом сказал именно тогда? – спросил Натаниэль. – Полагаете, раньше он сам об этом не знал?

Далия пожала плечами.

– Да нет, – сказала она. – Я просто не спрашивала. Меня мало интересовала его прошлая жизнь.

– Значит, просто к случаю пришлось?

– Ему кто-то позвонил, потом он сказал мне, что звонила родственница его бывшей жены.

– Так-так-так... – Розовски бросил взгляд на Мирьям, никак внешне не прореагировавшую на эти слова. – Скажите пожалуйста, Далия, почему вы проводили отпуск порознь? Согласитесь, это выглядит странно – для столь небольшого срока супружества. К тому же, раньше вы так не поступали, верно?

Вдова не ответила.

– Кроме того, у вас перед отъездом произошла размолвка, – продолжал Натаниэль. – Вы даже не ночевали дома, – он немного подождал. Далия молчала. – И в аэропорт вы уехали не из дома, – добавил он. – Так что же было причиной такого поведения?

– Это мое дело, – Далия нахмурилась. – В конце концов, он мертв.

– Да, вы правы... – Розовски некоторое время задумчиво смотрел на нее. – Теперь я попрошу вас ответить на очень деликатный вопрос, – сказал он, вновь обращаясь к вдове. – Если пожелаете, можете не отвечать на него. Но вопрос я задам. Хорошо?

Далия кивнула. В ее взгляде появилась настороженность.

– Ваш муж изменял вам? – спросил Розовски.

– Да, – ответила Меерович.

– Это послужило причиной последней размолвки?

– Да.

– Вы знали имя женщины?

– Нет.

– Но догадывались, кто она?

– Нет.

– Ну, хорошо, – сказал Натаниэль, с улыбкой взглянув на мрачного инспектора Алона. – Оставим в покое психологию супружества, вернемся к более конкретным вещам. Вернемся к фотографии первой жены вашего мужа. Вы утверждаете, что никогда не видели ее в доме.

– Да.

– Это еще ни о чем не говорит, – проворчал инспектор. – Фотография могла храниться в его бумагах. Перед свиданием он выставил ее, чтобы сделать приятное Головлевой.

– Я уже сотни раз говорила, что не виделась с ним! – резко сказала Головлева. – И не дарила ему никаких фотографий!

– Вот! – с торжествующими нотками в голосе подхватил Натаниэль. – А кому именно вы ее дарили? Вы помните?

– Точно не помню, – Лариса опустила голову. – Мне кажется... мне кажется, что я подарила эту фотографию Мирьям. Вместе с тремя другими.

Натаниэль перевел взгляд на Мирьям.

– А что скажете вы? – спросил он.

Та молча пожала плечами.

– Я же говорил вам, – Ицхак Шейгер решил прийти на помощь жене. – Фотография действительно была у нас, но потом куда-то исчезла... – видимо, он сам почувствовал насколько беспомощно звучит его объяснение, потому что замолчал и нахмурился.

– Это правда? – спросил Ронен у Мирьям.

– Видишь ли, Ронен, – сказал Натаниэль так, словно в кабинете находились только они двое, – этих троих – Головлеву, ее кузину Мирьям и покойного Шломо Мееровича связывали особые отношения. Мирьям Шейгер была виновницей развода своей родственницы с мужем.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, оказалась столь глубока, что даже сам Натаниэль немного испугался. Он внимательно обвел взглядом замершие фигуры собравшихся.

– Да, – сказал он и развел руками. – Это так. И я не думаю, что кто-нибудь всерьез станет оспаривать мои слова.

– Не будет, – сказала вдруг Мирьям. Она выпрямилась и с вызовом посмотрела на детектива. – Никто не будет. Потому что, как мне кажется, все и так знают это. Никакого секрета вы не раскрыли. У меня был роман с Шломо – тогда он звался Семеном – сразу после их свадьбы. Но, во-первых, Лариса сама виновата. Она очень быстро охладела к мужу. А во-вторых – мы, действительно, не встречались с ним в Израиле. То есть, я знала, что он репатриировался.

– Если не секрет, откуда? – спросил Натаниэль.

– Не помню. Это имеет какое-то значение?

Натаниэль вышел из-за стола и подошел к Мирьям.

– Ваш муж знал об этом?

– Да, – ответил вместо Мирьям Ицхак. – Я знал. У жены не было секретов от меня. Но, честно говоря, меня мало волновало прошлое. Тем более, прошлое советское.

Мирьям взглянула на мужа с удивлением, но промолчала. Натаниэль повернулся к Головлевой. Та сидела, чуть склонившись к Алексу и внимательно слушая перевод. Она не поднимала глаз ни на двоюродную сестру, ни на детектива.

– Понятно, – сказал Розовски. – Видишь, Ронен, появляется новый фактор, верно?

Инспектор осмысливал услышанное. Вмешался адвокат.

– Извините, Натаниэль, но я пока не вижу связи между обвинением Головлевой в убийстве и старым романом госпожи Мирьям, – сказал он.

– Все очень просто, – Розовски прошелся по кабинету. Сделать это было сложно из-за обилия людей. – Все очень просто... Представим себе следующее: предположим – только предположим, что госпожа Мирьям сейчас сказала нам неправду, – он жестом остановил протест со стороны четы Шейгер. – Я ведь говорю: предположим. Предположим, что их связь возобновилась в Израиле. И что женщиной, имени которой не знала госпожа Меерович, но о связи которой с мужем она знала, была именно Мирьям.

– Говорите что угодно, – сказала Мирьям устало. – Мне все равно.

Ронен Алон недоверчиво посмотрел на Натаниэля.

– Но в роковой вечер в квартире была не Мирьям. И не Даля, – сказал он. – Там была Головлева.

– А ты представь себе, – сказал Натаниэль, – что покойный вовсе не охладел к своей бывшей супруге. Допустим, узнав от Мирьям о ее приезде, он решил с ней встретиться. Учти, ситуация более чем благоприятствует встрече: серьезная размолвка с женой – не исключено, кстати, что она могла бы привести к очередному разводу. К тому же, кто знает, не тяготила ли его продолжающаяся связь с Мирьям?

– Послушайте, – сердито заговорил Ицхак Шейгер. – Я понимаю, что все эти разговоры сущий вздор, но не могли бы вы перестать издеваться над моей женой?

– Оставь его, Ицик, – сказала Мирьям. – Он ведь действует из благих намерений. Хочет найти убийцу, – в последних словах слышалась неприкрытая издевка. – Он его не нашел, но надеется, что кто-то из нас сорвется из-за его непрекращающихся оскорблений, наговорит массу лишнего, а он повесит на этого человека всех собак и будет торжествовать. Так что лучше помалкивай и терпи.

– Это вы во всем виноваты, – сказал Ицхак, обращаясь к адвокату. – Мы вполне могли бы обойтись и без такого, с позволения сказать, специалиста.

Грузенберг не ответил, но взгляд его, брошенный на Натаниэля, тоже не был особенно благожелательным.

Розовски выслушал все это с неизменной любезной улыбкой.

– Надеюсь, вы позволите мне продолжить? – спросил он адвоката. – Я ведь принес свои извинения.

– Хорошо, – сказал Грузенберг. – Но не могли бы вы, Натаниэль, избрать более деликатную форму рассуждений? Или вообще: изложить сразу выводы. В конце концов, рассуждения – ваш производственный процесс. Нас гораздо больше интересует результат. И мы будем судить о нем самостоятельно.

– Осталось совсем немного, – сказал Натаниэль с извиняющейся улыбкой. – Я прошу вас набраться терпения. Что же касается рассуждений – в них, как я надеюсь, содержатся доказательства...

Ицхак негодуяще фыркнул.

– Итак, представим себе, что Шломо Меерович неосторожно проговорился любовнице о желании встретиться с бывшей женой. Или же она сама начала подозревать возможность такого хода событий. Я пока не знаю, но возможно, что с Шломо Мееровичем госпожа Мирьям Шейгер связывала свои надежды на будущее. Иначе трудно было бы объяснить возобновление старого романа. И вот это будущее оказывается под угрозой... Обрати внимание, Ронен: только Мирьям знала о пристрастии своей родственницы к гороскопам. Только она знала, что Лариса следит за астрологическими прогнозами в соответствии с настоящим днем рождения.

– Что значит «в соответствии с настоящим днем рождения»? – прервал его рассуждения Ронен. – Есть и ненастоящий?

– Представь себе, – сказал Натаниэль. – Настоящий день рождения госпожи Головлевой и день рождения, проставленный в ее документах, не совпадают. Верно? – он обратился к Головлевой. Та кивнула.

– Такое иногда случается, – сказала она. – Я родилась в крохотном городе. Регистрировали в районном исполкоме, делопроизводитель был не очень внимателен... Словом, не знаю деталей этой истории. Мать рассказывала ее как курьез. Я, в свое время, хотела поменять документы, но оказывается, требовалось такое количество бумаг, что я махнула рукой.

– Но день рождения вы отмечали истинный, – уточнил Натаниэль. – 8 января. Что, кстати, зафиксированно на фотографии, подаренной вами родственникам.

– Да, верно.

– Понятно? – спросил Натаниэль у инспектора. – Я могу продолжать?

Несколько сбитый с толку инспектор Алон перевел взгляд с него на Головлеву и обратно и неуверенно кивнул головой.

– Прекрасно. Я остановился на том, что Мирьям Шейгер знала о различии между настоящим днем рождения и датой в паспорте. И только она знала о том, что Лариса непременно последует указанию очередного гороскопа и согласится на встречу с мужчиной, позвонившим ей в роковой вечер.

– А кто звонил? – спросил инспектор. – Ведь Головлева сказала, что голос был незнакомым.

– Дойдем и до этого... Мирьям решила убить своего любовника. И сделать это так, чтобы подозрение пало на Ларису Головлеву.

– Вы с ума сошли! – крикнул Ицхак. Мирьям успокаивающе положила руку на его плечо.

– Что ей нужно было сделать для этого? – спросил Розовски, не глядя на них. – Ей нужно было, чтобы полиция застала на месте убийства ее родственницу. Она попросила кого-то из сотрудников газеты «Ежедневная почта» – я сейчас не буду уточнять, кого именно, всему свое время – ввести в очередной астрологический прогноз текст, составленный ею. Сделать это не представляет особого труда. Компьютеры в редакции «Ежедневной почты» соединены в сеть, так что с любой клавиатуры можно ввести в нужный файл требуемую информацию. Затем некто – возможно, тот же сотрудник – позвонил Ларисе Головлевой и назначил ей свидание. Затем, незадолго до назначенного времени, она приехала к Шломо Мееровичу и убила его. Поставила на шкаф привезенную из дома фотографию. В спальне дождалась приезда Ларисы. И позвонила в полицию. И в конце концов, пользуясь вполне естественным душевным состоянием Головлевой, покинула квартиру... Вот так все было, – сказал Розовски после небольшой паузы. – Госпожа Мирьям Шейгер убила Шломо Мееровича, с которым продолжала любовную связь уже здесь, в Израиле, а затем сделала так, чтобы обвинение пало на Головлеву. Никто в полиции никогда бы не поверил объяснениям последней о каких-то там астрологических прогнозах и тому подобной чепухе.

– Как ты могла, Мирьям?! – глаза Головлевой наполнились слезами. – Ведь ты говорила, что даже не виделась с ним!

Натаниэль неспешным шагом подошел к Мирьям, в лице которой не осталось ни кровинки и вдруг положил руку на ее плечо. Она вздрогнула, подняла на него невидящие глаза.

– Успокойтесь, Мирьям, – мягко сказал детектив. – Я ведь сказал: предположим. Я прекрасно знаю, что в действительности все было по-другому. Вы ни в чем не виноваты. Простите за это испытание.

– Что ты опять затеял? – недовольно спросил инспектор. – Что за испытание?

Натаниэль повернулся к Головлевой.

– Вы ведь хотели, чтобы я – или полиция – пришли именно к такому заключению, верно? – тихо спросил он. – Отсюда и якобы вера в гороскопы, и якобы звонок незнакомому мужчине. И главный аргумент: вы руководствовались гороскопами в соответствии с реальным днем рождения. А об этом знала только Мирьям.

– Что значит «якобы»? – спросил адвокат.

– Видите ли, Цвика, – сказал Розовски. – Эти ежедневные гороскопы сочиняет один симпатичный молодой человек из редакции «Ежедневной почты». Просто сочиняет, понимаете? В отличие от еженедельных гороскопов, составляемых профессиональным астрологом. Понимаете, Цвика? Если они и сбываются, то случайно и изредка. И то – не сбываются, а лишь могут создать

иллюзию этого. Потому что упомянутый мною молодой человек старается писать их обтекаемыми общими фразами. Следовательно, госпожа Головлева не могла, приехав в Израиль, проникнуться непоколебимой верой в стопроцентно сбывающиеся гороскопы. Просто потому, что они не сбываются, – Натаниэль замолчал, задумчиво глядя на адвоката.

– Но позвольте, – сказал Цвика, – это ведь еще ничего не значит. Это...

– Вы ошибаетесь, Цвика, – сказал Натаниэль. – Это значит очень много. Это значит, что попытка Мирьям подменить текст гороскопа с тем, чтобы обмануть Ларису, выманить ее из дома и в конечном счете свалить на нее совершенное убийство, не могла иметь места. То есть, как я уже объяснил, версия о виновности Мирьям в смерти Шломо Мееровича оказалась ложной.

Грузенберг снова попытался что-то сказать.

– Позвольте я продолжу, – Розовски нахмурился. – Откуда нам известно о фантастической сбываемости гороскопов? Исключительно из слов самой Головлевой. Как я уже сказал, этого не могло быть. Откуда мы знаем о звонке мужчины, назначившего ей свидание? Из того же источника. Логично предположить, что и эта информация не соответствует действительности. Остается последний гороскоп, который мы читали собственными глазами и который содержит указания, приведшие к печальным последствиям. Как быть с этим? Предположение, повторяющее аналогичное из предыдущей версии. Кто-то из редакции упоминавшейся газеты, знакомый госпожи Головлевой. А не Мирьям Шейгер, поскольку с Мирьям мы только что сняли обвинения. Опять-таки, пока не уточняю, кто именно. И это она попросила его внести в прогнозы текст, придуманный ею. Кстати, в тексте имеется намек на участие в преступлении родственников, видимо, Мирьям. Помните, Цвика? «Не доверяйте близким родственникам». И так далее.

– Это ложь! – крикнула Головлева. – Вы лжете!

– А вот и еще одно, – сказал Натаниэль. – Ответ на вопрос: кто звонил в полицию? Мы ведь исходили из того, что госпожа Головлева не знает иврита, – он повернулся к женщине. – Вот уже добрых десять минут, с момента изложения мною последней двух версии, мой помощник молчит. Как мы и договорились, – он улыбнулся чуть смущенно. – Тем не менее вы поняли все настолько хорошо, что даже обвинили меня во лжи. Но я ведь говорю на иврите, – он обратился к инспектору Алону. – Таким образом, Ронен, не было никакой свидетельницы, вызвавшей полицию. Была преступница, сама бросившая на себя тень подозрения. Кстати, логика в подобном поведении, безусловно, имеется. Полиция будет искать звонившую, все более утверждаясь в мысли, что задержанная Головлева – жертва. Рано или поздно выйдет в своих подозрениях на Мирьям, но тоже не получит необходимых доказательств. В конце концов, запутавшись в этих поисках, поддастся давлению адвоката, и... – он красноречиво махнул рукой. – Я сейчас говорю о логике преступника, – пояснил он после небольшой паузы.

Ронен откинулся в кресле и уставился на Натаниэля.

– Но зачем? – спросил он. – Каков мотив?

– Отомстить бывшему мужу, бросившему ее, и двоюродной сестре, которую она считала виновницей всех своих несчастий, – ответил Розовски.

Инспектор поднялся из кресла.

– Ну-ну, – сказал он. – Выходит, наша первоначальная версия оказалась справедливой?

Натаниэль, не отвечая, вернулся за письменный стол.

– У тебя хватит терпения выслушать меня еще минут пятнадцать? – спросил он инспектора.

Тот нехотя кивнул.

– Я не убивала!! – истерически закричала Головлева. – Клянусь, я никого не убивала!! – крик замер на ее губах, когда она столкнулась взглядом с ледяным взглядом Мирьям.

После продолжительной паузы Розовски сказал:

– Я вам говорил, Цвика, странная семья.

– Что?... – адвокат очнулся от невеселых мыслей. – Что вы сказали?

– Да, – Розовски повернулся к Головлевой. – Да, Лариса, я знаю, что и вы не убивали. А моя вторая версия – всего лишь зеркальное отражение первой.

Адвокат и полицейский молча переглянулись.

– Видите ли, друзья мои, – сказал Натаниэль. – При столь точном совпадении двух версий могут появиться сомнения в достоверности обеих. Верно? И такие сомнения у меня появились. В самый последний момент, вчера. И мне вдруг подумалось: что, если существует и третья версия?

И чем дольше я над этим думал, тем яснее видел, что за всей этой историей стоит некто третий, очень удачно воспользовавшийся враждой двух женщин для решения своих проблем.

31

– Итак, Цви, я собирался дать отчет по расследованию, – Натаниэль обращался теперь исключительно к адвокату, словно в кабинете больше никого не было. – Вы поручили мне отыскать человека, позвонившего в полицию и сообщившего о совершенном убийстве, верно?

Адвокат кивнул. Его лицо сохраняло недовольное выражение.

– Я сделал это. Человеком звонившим в полицию была сама Лариса Головлева. Должен ли я считать свою работу выполненной? – спросил Розовски.

Адвокат несколько растерялся. Инспектор Алон резко поднялся со своего места.

– Снова твои шуточки, Натан? – мрачно спросил он. – Хорошо, ты нам только что объяснил, что Мирьям Шейгер не совершала преступления. Далия Меерович – тоже. Только что ты заявил, что и Лариса Головлева не убивала. Может быть, ты оставишь в стороне все эти театральные эффекты и объяснишь нам – почему, все-таки, ты уверен в этом? Ее звонок в полицию выглядит всего лишь желанием сбить с толку следствие – кстати, твои же слова!

– Хорошо, – сказал Розовски, – если мой клиент не возражает, я могу объяснить. Попробуем мысленно вернуться в тот вечер и в ту комнату, – сказал Розовски. – А ты мне поможешь. Я вовсе не собираюсь переключать на твои плечи работу! Я буду рассказывать, а ты, если я ошибусь в деталях, поправишь меня. Договорились?

Инспектор согласился с видимой неохотой.

– В комнате был накрыт столик, – начал Розовски. – Так сказать, ужин на двоих при свечах.

– При чем тут свечи? Свеч не было, – проворчал инспектор.

– Это образное выражение, – пояснил Натаниэль. – Я хочу сказать – романтическая встреча мужчины и женщины. Бутылка вина, два бокала, фрукты, конфеты. В бокалах – остатки вина. Все верно? – спросил он инспектора. Алон кивнул.

– Женщина, обнаруженная полицией в квартире убитого, – Натаниэль взглянул на Ларису Головлеву, – утверждает, что, когда она пришла, Шломо Меерович был уже мертв. Это так – если, конечно, она действительно пришла в восемь. Поскольку смерть хозяина наступила в семь.

– Да, – сказал инспектор недовольным голосом, – очень важная оговорка. Если госпожа Головлева действительно пришла в восемь. Но данное утверждение трудно проверить. У госпожи Головлевой нет алиби.

– Есть, – возразил Натаниэль. – У нее есть алиби. Ее соседка Шошана видела, как Лариса уезжала в тот вечер. Она не назвала точного времени, но, во всяком случае, далеко после семи. В тот момент Шломо Меерович был мертв.

– Что же нам достоверно известно? – Натаниэль прохаживался по кабинету, то и дело натываясь на сидящих, но не обращая на это внимания. Казалось, он просто рассуждает вслух. – Известно следующее, – он остановился, поднял голову, обвел взглядом собравшихся. Лица показались ему необыкновенно похожими – может быть, по одинаковому выражению напряженного внимания. – Первое: Шломо Меерович был любовником Мирьям Шейгер...

– Может быть, хватит издеваться над нами?! – рявкнул Ицхак. – Вы повторяете одно и то же и, по-моему, только для того, чтобы меня унижить!

– Во все нет, – Натаниэль удивленно поднял брови. – Во все нет, я прошу прощения, если кого-то обидел. И прошу также воздержаться от эмоциональных оценок.

Ицхак отвернулся.

– Стоп! – сказал вдруг инспектор. – Предположим, я согласен с твоими рассуждениями... или фантазиями. Госпожа Головлева не убивала своего бывшего мужа. Пока что ты меня не убедил, но – предположим. Тогда выходит, что она должна была видеть убийцу. Вы ведь сами – ты и адвокат – утверждали, что ключ к разгадке в руках женщины, звонившей в полицию. Только что ты сообщил нам всем, что в полицию звонила Головлева. Следовательно, ключ к разгадке в ее руках.

– В этой запутанной истории было несколько ключевых деталей, – сказал Натаниэль. – Первая – гороскопы, вторая – звонок. С этими деталями мы только что разобрались. Гороскопы – фикция, свидетель, позвонивший в полицию – сама госпожа Головлева... – он сделал небольшую паузу, словно раздумывая над собственными, только что сказанными словами. – Но есть третья деталь. Фотография. Как мы знаем, в квартире убитого на книжной полке стояла фотография Ларисы Головлевой. По утверждению самой Ларисы, она эту фотографию покойному не дарила. То есть, и фотография играла роль части реквизита рассматриваемой нами инсценировки. Все указывало на Мирьям как на автора инсценировки. Лариса вспомнила – вдруг, случайно – что подарила эту фотографию своим родственникам в числе прочих. Мирьям не участвовала в преступлении, как мы уже убедились. Следовательно, она не приносила фотографии...

– Госпожа Головлева сказала, что не дарила фотографии. Но несмотря на это, могла ее принести, – заметил инспектор.

– Нет, потому что ей необходимо было бросить тень на Мирьям, – возразил Натаниэль. – Значит, и фотография необходима была именно та, которая принадлежала Мирьям. И фотография, принадлежавшая ей, осталась в Яффо, в спальне на столике, рядом с кроватью. Где мы – я и господин Грузенберг видели ее. А вот из альбома Мирьям аналогичная фотография исчезла. Кто же ее взял? И потом принес в квартиру Мееровича – в соответствии с планом? – Натаниэль усмехнулся. – Другой человек, – Розовски сделал небольшую паузу. – И этим другим человеком мог быть только один. Не правда ли, Ицхак?

При этих словах детектива Ицхак Шейгер, слушавший его с зачарованным видом, сделал какое-то неопределенное движение, словно попытался встать. Но так и остался сидеть неподвижно.

– Это ведь были вы, правда? – сказал Натаниэль. – Вы пришли за час до Ларисы, когда Шломо Меерович назначил вам встречу. Вы и убили его. Инспектор Ронен проверил, кому звонил Меерович из Димоны, когда договаривался о встрече. Он звонил в ваш офис. И разговаривал, согласно показаниям свидетельницы – матери Далии Меерович – с мужчиной. А кроме вас в офисе работают только женщины... Ицхак, – сказал он после паузы, – вы бы не хотели рассказать остальное самостоятельно? Честно говоря, у меня пересохло во рту. Я ведь не депутат и не актер. Так как же? Вы готовы мне помочь?

Шейгер промолчал. Лицо его казалось совершенно равнодушным. Он даже позволил себе сделать вид, что с трудом подавляет зевету.

Натаниэль покачал головой.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда еще несколько слов. Ицхак, два дня назад вы достаточно интенсивно перемещались по городу в поисках одного человека. Сначала вместе с Головлевой вы поехали к нему домой. Убедившись, что там его нет, отправились на работу. Не найдя его там, отправились в Холон, где живет его подруга. Что случилось? И, кстати говоря, к чему такая срочность?

Ицхак не ответил. Розовски перевел взгляд на Головлеву.

– Лариса, что послужило причиной вашей ссоры? На улице Мигдалей-Кнааним, возле дома 18? Насколько мне известно, вы приехали туда вместе. И вдруг повздорили. Да еще и так серьезно, что сами ушли, хлопнув дверью. Я имею в виду – дверцей машины. А? Что же до вас, – он повернулся к Шейгеру, – то вы остались. Вы поднялись на четвертый этаж, подошли к двери с номером 8 и позвонили. Звонили долго, но там никого не оказалось. После этого вы и отправились дальше – сначала в редакцию «Ежедневной почты», затем в Холон. Госпожа Головлева, так почему вы не сопровождали Ицхака в дальнейших поисках?

Головлева смотрела прямо перед собой, ее тонкие пальцы нервно теребили ремешок сумочки.

– Хотите, я выскажу предположение? – Натаниэль задумчиво посмотрел на нее. – Мне кажется, что вам было не по душе некое предложение, сделанное сообщником. И касалось это предложение свидетеля. Единственного, как полагал господин Шейгер, опасного свидетеля. Геннадия Гольдмана, человека, вставившего текст фальшивого гороскопа в газету. Верно?

Лариса еле заметно кивнула. При желании, можно было принять этот кивок всего лишь за нервное движение, а не за согласие, – Натаниэль с усмешкой сказал инспектору: – Представляешь, Ронен, его стремление найти свидетеля и заставить его замолчать было столь

велико, что в Холоне он представился частным детективом. По имени Натаниэль Розовски, – он рассмеялся. Его никто не поддержал. – Черт возьми, я становлюсь популярным!

– Я не предполагала, что он замыслил убийство, – сказала вдруг Лариса Головлева. – И с этими гороскопами... – она покачала головой. – Боже, какой я была дурой!

– Насколько я понимаю, поначалу вы просто хотели позлить Мирьям, верно? – спросил Натаниэль. – Она всегда подтрунивала над вашими... как бы это сказать... суевериями. Так?

– Я придумала, будто астрологические прогнозы, касающиеся меня, всегда сбываются, – сказала Головлева. – Просто так... от скуки. Мирьям... – она мельком глянула на неподвижно сидящую родственницу. – Мирьям человек рациональный. А я нет. Вот я и хотела доказать ей... Ну, неважно. А однажды он предложил мне разыграть историю по-настоящему. И заодно поставить ее в неловкое положение.

– Он – это Ицхак Шейгер? – быстро спросил Розовски.

– Да.

– Он рассказал вам о возобновившихся отношениях между вашей родственницей и вашим бывшим мужем?

– Да.

– И предложил вам разыграть сценку с прогнозом, свиданием и так далее. Сказал, что Мирьям в это время наверняка будет у Мееровича – о том, что Даля уезжает в Европу он узнал от самого Мееровича?

– Вы же все знаете, – сказала Лариса безнадежно-усталым голосом. – Когда я пришла... вместе с ним...

– Как он объяснил вам наличие ключа от квартиры?

– Сказал, что нашел его у Мирьям в сумочке. Мы вошли... – она замолчала. – Словом, он сделал вид, что тоже поражен. Это сейчас я поняла... Ицхак предложил мне позвонить в полицию самой, а потом держаться той версии, которую мы придумали в порядке розыгрыша. Сказал, что адвокат все уладит. И я согласилась. Что мне еще оставалось делать? Я ведь сама сказала Мирьям, что у меня свидание вечером. Алиби у меня не было. Я не предполагала, что Шошана видела, как мы уезжали. Ицхак постарался сделать так, чтобы нас никто не видел. Теперь я понимаю, зачем.

– Да, старых пенсионерок мало кто принимает в расчет... – Натаниэль усмехнулся. Мирьям, с вполне понятным ужасом смотревшая то на детектива, то на мужа, воскликнула:

– Ты?... Это сделал ты?!

– Заткнись, – холодно процедил Ицхак Шейгер. С его лица мгновенно спала маска страдающего, но покорного и заботливого мужа. – Ты что же думала – я не знал? Ты думала, я буду терпеть этот бесконечный позор? Да, я убил его, и больше не собираюсь скрывать!

– Тем более, и скрывать-то больше нечего... – пробормотал Розовски, с интересом глядя на нового Шейгера. Тот не расслышал детектива.

– Нет, я не думал, что это действительно произойдет. То есть, что я убью его, – уже спокойнее продолжил Ицхак. – Я... Не знаю. Может быть, я бы остановился на варианте этого розыгрыша. Не знаю, – повторил он. – Я хотел, чтобы вы – вы оба, и ты, и он – почувствовали себя примерно так же, как весь этот год чувствовал себя я. Чтобы испытали позор... – он вздохнул. – Шломо был моим партнером по нескольким сделкам. Не хочу говорить лишнего – он был надежным партнером. И мы вполне срабатывались. Возможно, я бы даже пригласил его к нам, если бы однажды, случайно, не узнал о вашей связи. Как-то раз мы с ним обедали вместе, и он рассказал мне, историю вашей связи – давней связи. Он не называл имен, но я сразу понял, о ком идет речь. И вдруг он заговорил о том, что встретился с тобой здесь... – Ицхак помолчал немного. – Ч-черт, я не думал... Ну, неважно. Я следил за вами. Я знал, где вы встречаетесь и когда. Я изображал из себя слепого и глухого. И ждал удобного момента, – он посмотрел на Головлеву, сидевшую с опущенной головой. – Когда приехала твоя родственница, я понял, что она тоже не простила тебе. Очень удачно все складывалось. Мы почувствовали, что наши желания отомстить совпадают. Думаю, она не желала ни чьей смерти – как и я... Но ей доставляло удовольствие злить тебя, раздражать тебя. Когда я заметил, с каким удовольствием она рассказывает о своем интересе к астрологии, мне пришло в голову воспользоваться этим. Поначалу – просто в виде розыгрыша. Устроить небольшой спектакль и заставить вас вместе. В течение месяца Лариса, словно невзначай,

рассказывала о том, как потрясающе точны астрологические прогнозы в газете «Ежедневная почта»...

– Почему вы выбрали именно эту газету? – спросил Натаниэль.

– Ларисе случайно, в первый день, попала в руки именно эта газета. У меня еще не было плана – как все это проверить. Только смутные наброски. Потом я случайно познакомился с одним из ее сотрудников.

– Вот тут, пожалуйста, чуть подробнее, – сказал Натаниэль. – Как именно вы с ним познакомились?

– На одной из художественных выставок. У него там экспонировались две работы, мне они понравились, я заговорил с автором. Так и познакомились.

– Да, – сказал Натаниэль. – Вы ведь говорите о Геннадие Гольдмане?

– Да, о нем.

– В таком случае, разрешите, я внесу небольшое дополнение: неслучайно, Ицхак. Не случайно. На табличках под картинами была указана не только фамилия автора, но и место его работы. Думаю, это и явилось причиной вашего интереса к картинам. А представились ему вы не как Ицхак Шейгер, а как Шломо Меерович, – обращаясь к инспектору Алону, он сказал: – Представляешь, парень рассказывает мне, что текст придуманного гороскопа дал ему Шломо Меерович. Выходит, покойник сам себе устроил западню! Хорошо, что я вспомнил, на что похожи рисунки, сделанные Геннадием: на картины в доме Шейгеров. Мирьям упоминала, что они куплены месяц назад, на выставке. И Геннадий говорил о выставке месячной давности, о том, что именно там познакомился с Мееровичем. Так что, Ицхак, вы слегка лукавите, говоря о случайном знакомстве – после приобретения картин. Вы купили картины, чтобы познакомиться. Ладно, продолжайте, прошу вас.

– Собственно, рассказывать больше не о чем, – он помолчал. – В тот день у нас действительно была назначена деловая встреча с Мееровичем. На семь часов. Честно говоря, я не собирался его убивать. Я действительно, просто хотел отплатить жене. Прийти туда вместе с Ларисой и... – он вздохнул. – К сожалению, он оказался чрезмерно раздражен. И... словом, у нас произошла ссора. Он упомянул о моей жене... Это произошло впервые. Я не выдержал. Наш разговор происходил в кабинете. Над письменным столом у него висел сувенирный охотничий нож... – Ицхак скрипнул зубами. После паузы, закончил: – Остальное рассказала Лариса. Да вы и без того уже знаете.

– Да, я знаю, – сказал Розовски. – Все могло быть произойти именно так – случайно – если бы не некоторые факты. В действительности вы готовили убийство, а не скандал. И орудие убийства выбрано вами неслучайно: вы бывали в доме и знали, что этот нож в нужный момент окажется под рукой. Инсценировку далее вы провели быстро и четко: убитого – в кресло, принесенное вино – на столик. Два бокала. Фотографию, извлеченную из семейного альбома – на полку. Можно было ехать за Ларисой. Причем с гарантией того, что никто в ваше отсутствие не придет. Это ведь вы позвонили Далии и сообщили о связи ее мужа с Мирьям? На всякий случай. Чтобы ее не было дома. Вы ведь не знали, что в любом случае – она уезжает в Европу... – Розовски немного помолчал. – И при этом подозрения должны были пасть на вашу жену. Вот Лариса – она, возможно, полагала иначе. Она, возможно, действительно ожидала розыгрыша – эксцентрического и злого, но все-таки, розыгрыша... Кстати, одна из улик, долженствующая вывести полицию на Мирьям, подсказала мне разгадку. Позавчера я нашел тюбик с помадой, – и он посмотрел на Мирьям. Та закусил губу. На мужа, сидевшего рядом, она старалась не смотреть. – В автомобиле вашей жены, которым вы пользовались в тот самый вечер.

– Помада? – переспросил инспектор. – А при чем... Ах да, ты имеешь в виду – след на бокале.

– Совершенно верно, экспертиза показала, что ничьи губы к бокалу не прикасались, по стеклу просто провели тюбиком. Цвет соответствует тому, которым пользуется Мирьям. Но вот марка... – Розовски покачал головой. – Женщина никогда бы не сделала такой ошибки. А вот мужчина, запомнив цвет и, возможно, запах, не всегда обращает внимание на фирму-изготовитель. Даже в том случае, когда речь идет о помаде его собственной жены.

– Странно, – сказал Маркин, когда Натаниэль остался в кабинете один с помощниками.

– Что тебе кажется странным? – лениво спросил Натаниэль. Сейчас, когда все кончилось, его энергия и собранность куда-то исчезли. Он полулежал в кресле, закинув за голову руки и закрыв глаза. – Что тебе кажется странным?

– Я никогда не думал, что ревность может довести до такого, – объяснил Маркин. – Всякие там Отелло... – он покачал головой. – Всегда считал эти истории выдумкой. Или, во всяком случае, такое могло произойти в прошлом, когда люди были попроще и поактивнее. Знаешь – без телевизоров, без кинотеатров, без книг – чем еще заниматься? Только и остается, что душировать неверных жен, да травить неверных мужей. Какое-никакое развлечение.

Натаниэль рассмеялся, не открывая глаз.

– Нет, ну правда, – не отставал Маркин. – Ты думаешь иначе?

– Почему-то когда человек убивает из-за денег – это считается нормальным, – насмешливо заметил Натаниэль. – Даже если тех денег – жалкие пару сотен. Все равно. Конечно, мы возмутимся жестокостью, мелочностью убийцы. И только. Главное: мы не удивляемся. То бишь, как бы молчаливо признаем: из-за денег, ради наживы – плохо, конечно, но куда деваться? Такова наша человеческая природа, – он открыл глаза, выпрямился. – Ведь правда, Алекс?

– Ну, в общем, да, – сказал Маркин. Словно ища поддержки, он обернулся на Илана. Но тот индифферентно смотрел куда-то вверх голов.

– А вот если кто-то решил отплатить за позор, за унижение, за измену – нет, такого не может быть! – Натаниэль покачал головой. – А...

В кабинет вошла Офра.

– Тебе тут два послания, – сообщила она Натаниэлю. – Одно прислали по почте, второе оставил инспектор Алон, – Офра протянула детективу два конверта. Натаниэль прочитал на одном:

«Газета „Ежедневная почта“... Это что, гонорар за интервью? – он распечатал и прочитал:

«Уважаемый господин Розовски! Направляю вам настоящий гороскоп, вместо которого в нашей газете был помещен тот самый, доставивший вам немало хлопот...» – он хмыкнул. – Хлопоты! Совсем наоборот, если бы не эта фальшивка... Ладно, сохраним на память. А это что?

Второе письмо выглядело официально и запечатано не было. Натаниэль выудил из длинного узкого конверта вдвое сложенный плотный лист, развернул его.

– Что за чертовщина? – удивленно спросил он.

Алекс с любопытством заглянул через его плечо и прочитал:

Министерство внутренней безопасности и Государственное управление тюрем

Приглашение

Рады сообщить вам об окончании строительства в г. Рамле новой тюрьмы, соответствующей всем современным требованиям для пенитенциарных заведений. Открытие состоится 10 ноября сего года. Приглашаем вас принять участие в торжествах по этому поводу. Программа дня:

1. Выступление начальника тюрьмы и заместителя министра.
2. Экскурсия.
2. Легкое угощение.

Начальник тюрьмы комиссар полиции И. Айзенберг.

Приглашение было отпечатано на красивой плотной бумаге, с гербом в правом верхнем углу. После обращения «Уважаемый» старший инспектор Алон – Розовски сразу узнал его красивый четкий почерк – вписал «Натаниэль Розовски».

Кроме приглашения, в конверте лежала записка: «Натан! В следующий раз поедешь туда уже без угощения и музыки. Твои друзья».

Детектив рассмеялся.

– Пойдешь? – спросил Маркин.

– А как же? Экскурсии – лучшее времяпровождение для отпускника. Я же, все-таки, в отпуске.